ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ № 4(8) 2008

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ЖУРНАЛ

Теория войн, философия, психология, социология, политика, экономика, история, прикладная математика

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ

АКАДЕМИЯ ВОЕННЫХ НАУК
ЦЕНТР ПРОБЛЕМ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ

Издается с апреля 2007 года
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-28172
от 28 апреля 2007г.

ISSN 1996-4544

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

В. Л. Шульц

Научно-редакционный совет

Баркалов С.А.
Гареев М.А.
Гринин Л.Е.
Кирдина С.Г.
Киршин Ю.Я
Корабельников А.А.
Коротаев А.В.
Лепский В.Е.

Редакционная коллегия:

Белоглазов В.А.
Бухарин С.Н.
(первый заместитель главного редактора)
Герасимов В.И.
(заместитель главного редактора)
Дугин А.Г.
Коробушин В.В.
Ковалёв В.И.
Кульба В.В.
Малинецкий Г.Г.
Малков С.Ю.
Расторгуев С.П.
Турко Н.И.
Цыганов В.В.

Экспертная группа

Аксиненко Ю.И.
Дмитриев И.В.
Першин С.М.

©Информационные войны
Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. ТЕОРИЯ

Матвиенко Ю. А
Информационно-психологическая война как одна из форм разрешения социально-политических противоречий в современном обществе..... 2

Митина О.В., Петренко В.Ф.
Имидж государства. Психосемантический анализ: реконструкция и измерения..... 9

Аржакова Н.В., Новосельцев В.И., Шумилкин В.Н.
Модель информационной борьбы в конфликтах типа дуэли..... 18

II. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В БИЗНЕСЕ. PR И РЕКЛАМНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ. УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ И РИСКАМИ

Орлов А.Д.
Гипериммиграция: миф о «нехватке рабочих рук» и объективные принципы выбора миграционно-демографической стратегии РФ..... 21

Осьмачко С. Г.
Кризис идентичности реформирующегося российского социума:идеальные типы и бюрократическое вытеснение..... 27

III. ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Бухарин С.Н.
Информационная война буржуазии против Российской империи (часть II)..... 34

Бражников И. Л.
Православная геополитика на постсоветском пространстве..... 46

Бражникова Я.Г.
От Парижа до Чукотки 55

IV. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Бухарин С.Н.
Информационная война и проблемы дедовщины в Вооруженных силах Российской Федерации..... 63

Юрьев Г.П.
Биоэтическая трилеммматика пикто-феромонного поведения человека, коррупции и дедовщины..... 71

Савин Л.В.
Прецедент как средство пропаганды..... 83

Пронин М.А.
Присяга военная: философско-антропологическое понимание..... 86

V. СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

Федоров А.В.
Медиакомпетентность современной молодежи: проблемы и тенденции.... 94

I. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ. ТЕОРИЯ

УДК 623.764(73)

© Матвиенко Ю. А.
Matvienko Y. A.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

INFORMATION-PSYCHOLOGICAL WAR AS ONE OF FORMS OF SOCIOPOLITICAL CONTRUDICTION RESOLUTION IN THE MODERN SOCIETY

Аннотация. *Приводится анализ понятий «информационная война», «психологическая война», их внутренней взаимосвязи и различий, раскрыты особенности такого явления как информационно-психологическая война, описаны этапы подготовки и формы её ведения.*

Annonfnion. *The analysis of concepts "information war", "psychological war", their internal interrelation and distinctions is given, features of such phenomenon as information-psychological war is opened, stages of preparation and its conducting forms are described.*

Ключевые слова. *Информационно-психологическая война, социально-политические противоречия, современное общество, информационные технологии.*

Key words. *.Information-psychological war, sociopolitical contradictions, modern society, information technologies.*

На рубеже третьего тысячелетия, при подготовке и праздновании так называемого «миллениума», было высказано достаточно много пожеланий о переходе человечества к новому типу отношений – без межгосударственных конфликтов и войн. К сожалению, благие пожелания так и остались пожеланиями, и в начале XXI века война как "макросоциальный конфликт разобщенных групп человечества, разрешаемый насильственными средствами" [1], не ушла из мировой практики и по-прежнему остается в арсенале правительств не только стран "третьего" мира, но и у руководства стран, претендующих на мировое лидерство. Более того, с распадом двуполярного мира США, как глобальный лидер, явились непосредственным инициатором и активным участником целого ряда «горячих» войн – в Персидском заливе в 1991г., с Югославией в 1999г., с Ираком и Афганистаном в 2003г.

В то же время тяжелые демографические, экономические и культурные потери, явившиеся печальным итогом Второй мировой войны, появление в арсенале ведущих держав ядерного оружия, глобализация мировой экономики, образование транснациональных корпораций, международных картелей и других межнациональных и межгосударственных образований выдвинули во второй половине XX века на первый план не совсем традиционные формы и способы разрешения различного типа конфликтов, которые неизбежно возникают в тех или иных сферах деятельности человечества [2]. Это так называемые торговые, экономические, экологические, информационные и психологические войны. Такие войны, с одной стороны, характеризуются отсутствием классического вооруженного противоборства между государствами или их коалициями (союзами), которое предусматривает массовое применение армий, оснащенных различными видами оружия и боевой техники, на

Матвиенко Юрий Андреевич – кандидат технических наук, профессор АВН, тел. +7(495) 453-36-76.

Matvienko Yuriy Andreevich – the candidate of technical sciences, the professor of AMS, tel. +7(495) 453-36-76.

различных театрах военных действий (в различных физических средах). Но с другой стороны, они по-прежнему являются именно войнами, то есть «продолжением политики, но только иными, насильственными, средствами» [3]. В качестве таких насильственных средств для достижения политических целей могут выступать различные формы финансово-экономического эмбарго, снижение или прекращение добычи и продажи тех или иных топливно-сырьевых ресурсов, информационно-техническое воздействие на средства связи и коммуникации, а также информационно-психологическое воздействие на общество в целом или его отдельные группы и слои. При их проведении само общество находится в особом состоянии, связанном с резкой сменой отношений между участниками конфликта: государствами, народами и социальными группами, что также характерно именно для состояния войны [1, 12].

Тем не менее вооруженное насилие при разрешении различного рода межгосударственных, конфессиональных и межэтнических противоречий в ближайшем будущем не уйдет из жизни человеческой цивилизации, но доля открытых вооруженных столкновений, по мнению ведущих аналитиков, будет сильно снижаться по сравнению с экономическими, экологическими, дипломатическими, духовными и особенно информационно-психологическими формами социального насилия [2, 4, 7]. Это обусловлено тем, что по ходу истории войны не исчезают из арсенала человечества, но развиваются вместе с цивилизацией. В частности, в настоящее время ряд специалистов выделяет семь поколений (типов) войн в истории человечества, причем последнее выделяемое на сегодняшний день поколение – именно информационные войны, которые в XXI веке должны прийти на смену традиционным типам войн [11–13].

Следует отметить, что интенсивный переход от "горячего" типа войн к "холодным" и "теплым" (с ограниченным применением огневых средств поражения) стал возможен на рубеже XXI века только благодаря революционному развитию средств массовой коммуникации и информатизации общества [15]. Такой качественный скачок позволил классифицировать общество наиболее развитых в экономическом отношении стран как информационное, то есть общество, «которое основывается на умении всех и каждого обрабатывать (в широком смысле этого слова) информацию» [8]. Отличительными особенностями информационного общества являются превращение информации в товар массового потребления и её производство (воспроизводство) в огромном количестве, создание больших информационных пространств за счет развитой сети средств коммуникации и связи как внутри отдельных стран, так и между странами и регионами на разных континентах.

С переходом к информационному обществу все более очевидной становится правота формулы: кто владеет информацией, тот владеет миром. Как образно заметил Ф. Форсайт: "Информация означает власть. Знание того, что происходит, и, что более важно, того, что произойдет, дает человеку больше власти, чем политическая должность и даже деньги" [16].

Развитие за последние 50 лет средств связи и вычислительной техники и происшедшие в мире перемены, связанные с так называемой «третьей - информационной волной» [6, 8, 15], привели к появлению нового типа оружия – информационного, а также форм и методов его использования [4, 14].

Повальная компьютеризация общества, создание глобальных средств массовой коммуникации и информации, внедрение и развитие новейших информационных технологий как в промышленном производстве, так и в быту, привели, кроме всего прочего, к впечатляющему росту информационного противоборства во всех сферах деятельности человека: социальной, политической, экономической. Даже выборы во власть в информационном обществе можно рассматривать "как форму информационной экспансии" с последующим захватом этой самой власти [5].

Постоянно разрабатываются и совершенствуются различные технологии психологического воздействия на общество в целом, на организованные группы, неорганизованные массы людей и на отдельного человека. При этом развитие информационных технологий, и в первую очередь СМИ, позволяет в массовом масштабе применять различные технологии психологического воздействия (например, так называемые «лечебные» сеансы по ТВ Кашпировского и Чумака). А целый ряд новых форм и методов психологического воздействия на сознание и подсознание людей предполагает в свою очередь широкомасштабное использование самых современных средств массовой информации и телекоммуникации (например, внедрение в головы избирателей нужных установок в агитационных роликах «Выбирай сердцем», «Голосуй или проиграешь» и «Да-да-нет-да» в период выборов президента России в 1996 г.) [17–19].

Несмотря порой на различный вкладываемый смысл, такие понятия как "информационная война" и "психологическая война" стали почти синонимами и прочно вошли в языковой обиход всех высокоразвитых стран и широко используются в обществе при описании

таких разных событий, как внешне или внутриполитический кризис в стране, передел экономических сфер влияния, борьба за рынки сбыта товаров и выборы органов власти различного уровня: от местных самоуправлений до руководителей отдельных стран [5, 7, 9, 14].

Между тем, на наш взгляд, эти широко используемые понятия имеют не только много общего, но и существенные различия.

Так, под *психологической войной* понимается совокупность различных форм, методов и средств воздействия на психику людей с целью изменения в желаемом направлении психологических характеристик (взглядов, мнений, ценностных ориентаций, настроений, мотивов, установок, стереотипов поведения), а также групповых норм, массовых настроений, общественного сознания в целом [6, 12].

При этом термин "психологическая война" может характеризовать:

• политическую деятельность отдельных лиц, группировок, партий, движений и т.д.;

• избирательные кампании кандидатов на различные выборные посты;

• рекламную деятельность коммерческих фирм;

• борьбу соперничающих индивидов (и малых групп) за лидерство в производственных, научных и других коллективах;

• политическое, экономическое или культурное противостояние конфликтующих между собой этносов;

• переговорный процесс между конкурирующими фирмами или организациями.

В рамках психологической войны можно выделить следующие направления [4]:

• мобилизацию и оптимизацию моральных и психологических сил своей стороны в интересах поставленных задач;

• защиту своей стороны от разлагающего информационно-психологического влияния противника (психологическое противодействие, прикрытие, защиту, контрпропаганду);

• психологическое воздействие на противника для его дезориентации, деморализации и дезорганизации (психологическую борьбу);

• влияние на взгляды, настроения, поведение дружественных и нейтральных аудиторий в направлении, благоприятном для достижения своих целей.

Основная цель психологической войны – изменить в нужном направлении поведение противника за счет изменения его сознания, восприятия им картины мира.

Под *информационной войной* в широком смысле понимаются действия, предпринимаемые для достижения информационного превосходства над противником в своевременности, достоверности, полноте получения информации, скорости и качестве ее переработки и доведения до исполнителей путем воздействия на информацию и информационные системы противника с одновременным укреплением и защитой собственной информации и информационных систем [5, 7]. Она включает следующие направления деятельности:

• добывание необходимой информации;

• переработку полученной информации;

• защиту информационных каналов от проникновения противника;

• своевременное и качественное доведение информации до потребителей;

• дезинформацию противника;

• вывод из строя или нарушение функционирования систем добывания, переработки и распространения информации противника;

• уничтожение, искажение, хищение информации у противника;

• разработку более эффективных и оперативных, чем у противника, средств работы с информацией.

Основная цель информационной войны – в первую очередь захват и контроль информационных каналов и потоков информации противника.

Психологическое же воздействие осуществляется прежде всего ради инициирования определенных реакций и действий, конкретного поведения (действия или бездействия) объекта.

Отличительными особенностями является и то, что информационная война ведется в основном в так называемом кибернетическом пространстве, в то время как психологическая война ведется в основном в пространстве социальном.

Психологическая война больше построена на качественном аспекте: не сколько информационных сообщений (текстов) напечатано (выдано в эфир), а сколько их достигло цели – воспринято потребителями информации. С другой стороны, достижения в психологии активно используются для придания распространяемой информации свойства легкой и быстрой усваиваемости, "просачиваемости" в бессознательное человека.

Тем не менее, несмотря на различия в целях и задачах, термины "психологическая война" и "информационная война" целесообразно объединить и в дальнейшем при описании различного типа конфликтных ситуаций, в первую очередь макросоциальных конфликтов, возникающих в информационном обществе, использовать термин "информационно-психологическая война", как

это уже делает ряд авторов [4, 7, 13, 14].

Это обусловлено внутренней взаимосвязью понятий "информационная война" и "психологическая война", которая проявляется в следующем. Исходя из основных целей, в рамках информационной войны может происходить наращивание информации в информационном пространстве. С другой стороны, успешные результаты информационной войны могут оказывать сильное психологическое воздействие на противника и менять его поведение. Психологическая война в свою очередь для достижения своих целей может использовать как информационные каналы, так и психотропное, психогенное, психотронное и другие виды воздействия [9].

Информационно-психологическая война, таким образом, по своей сути представляет собой определенную методологию изменения картины мира противоположной стороны в заданном направлении. При этом под противоположной стороной следует понимать как отдельных лиц (или группу лиц), принимающих решения на различном уровне, так и отдельные группы людей или массовое сознание народа в целом. Информационно-психологическая война инициирует столкновение двух моделей мира – старой и новой, из которых одна, навязываемая противником, постепенно начинает доминировать над существующей.

Поэтому в информационно-психологической войне в первую очередь следует видеть войну когнитивную, поскольку она оказывает влияние на процессы принятия решений человеком, его структуру рассуждений. Не только информация сама по себе, но и процессы оперирования с ней лежат в основе введения новых типов поведения, являющихся конечной целью информационно-психологической войны.

Особенностью информационно-психологической войны также является то, что она базируется на коммуникативных процессах. Коммуникация рассматривается как основа информационно-психологической войны, при этом коммуникация подчиняется как стратегическим, так и тактическим законам. Под этим понимается, что в рамках стратегических коммуникаций определяется, *какая информация* и *как* должна быть проявлена, а в рамках тактических – *где* и *когда*.

В отличие от других видов воздействия, у информационно-психологического воздействия есть ряд принципиальных особенностей [7]:

• во-первых, информационно-психологические войны ведутся, как правило, на чужой территории, без ограничений пересекая границы, проникая в том числе и в разум противника;

• во-вторых, информационно-психологическая война ведется так, что не оставляет видимых следов. Объекту воздействия кажется, что это он сам принимает решение, на самом же деле он оказывается ведомым другими;

• в-третьих, информационно-психологическая война очень выгодна и экономна для ее инициаторов, поскольку относительно небольшой объем входной информации приводит к максимально значимому результату, например, к формированию нужного общественного мнения;

• в-четвертых, для информационно-психологической войны характерна определенная "мимикрия" под объект воздействия (информация – для информационных структур, те или иные факты – для воздействия на систему рассуждений человека);

• в-пятых, один и тот же факт в условиях информационно-психологической войны может с легкостью получать разные интерпретации, вплоть до диаметрально противоположных;

• в-шестых, информационное воздействие в принципе всегда является переводом с одной картины мира на другую.

Необходимым условием успешного ведения информационно-психологической войны является наличие единого информационного пространства с противником, в котором планируются и проводятся все действия. В противном случае инициируемые нападающей стороной информационные процессы просто не смогут достичь своей цели - сознания противника.

При этом информационное пространство представляет собой достаточно сложный и многофакторный объект – некую «реально-виртуальную область физического пространства, в которой коммуникатор может потенциально доводить до реципиента с использованием тех или иных средств коммуникации определенную информацию и контролировать реакцию реципиента на ее получение» [7]. Совокупность конкретных средств коммуникации, через которые коммуникатор воздействует на реципиента и контролирует реакцию, образует так называемое информационное поле.

Именно через информационное пространство, «играя» на информационном поле, достигается изменение в структуре массового сознания.

Одной из особенностей информационного пространства для ведения информационно-психологической войны является его так называемая "публичность": любые действия проводятся с целью влияния на "публику" (реципиента, третьих лиц или команду самого коммуникатора) и находят свое отражение в той или иной части информационного поля [4, 7, 9].

Высшей формой информационно-психологической войны можно назвать так называемую *"консциентальную" войну* (от латинского conscientia – сознание). Это согласованная по целям, задачам, месту и времени система информационно-пропагандистских и психологических мер, проводимых с применением средств массовой информации, культуры, искусства и других (психотропных, психотронных) средств в течение длительного времени по тщательно разработанному сценарию [4,10]. Предметом поражения и уничтожения в консциентальной войне являются определенные типы сознания: в результате такой войны определенные типы сознаний должны быть уничтожены, перестать существовать, их просто не должно быть. А носители этих сознаний, наоборот, могут быть сохранены, если они откажутся от форм сознания – предметов разрушения и поражения [10].

При этом уничтожение определенных типов сознания предполагает разрушение и переорганизацию общностей, которые консолидируют данные типы сознания.

Консциентальная война, таким образом, является комплексной формой воздействия на народ и государство в целом. Она ведется с помощью так называемого "консциентального оружия" или оружия поражения сознания: всего арсенала самых современных информационных и психологических методов воздействия на отдельную личность и массы населения.

Основная функция консциентального оружия состоит в том, чтобы разложить и уничтожить народ данной страны, чтобы он перестал существовать как народ, разбившись на индивидов-граждан всего мира или на какие-то другие аморфные группы. То есть сознание населения страны превращается в отдельный четко выделяемый предмет воздействия и преобразования со стороны противника.

Консциентальному оружию присущи следующие особенности [10].

Первое. Консциентальная война не может быть успешно осуществлена в условиях обычной регулярной крупномасштабной войны. В период наивысшего напряжения государства для достижения победы над врагом происходит тотальная концентрация всех материальных и духовных сил общества, поэтому требования к организации сознания в военное время являются достаточно жесткими и самоопределение людей очевидно всякому внешнему наблюдателю с точки зрения противостояния противоборствующих государств. Любая попытка отдельных лиц или группы людей выйти за рамки заданного тотальной войной стереотипа "свой-чужой" будет воспринята как коллаборационизм, а они сами будут объявлены пятой колонной со всеми вытекающими из законов военного времени последствиями.

Второе. Максимальный эффект от применения консциентального оружия достигается как раз в условиях формального мира и так называемых локальных войн и конфликтов, в отличие от эффектов действия других форм информационно-психологического воздействия. Это обусловлено тем, что в данных условиях большинство населения страны не осознает тот глобальный стратегический сценарий, в рамках которого государство участвует в противоборстве геополитических сил на мировой арене для достижения своих национальных интересов. Поэтому у населения не выработано отношение к данному сценарию и практическим шагам государства по его претворению в жизнь. В этом случае действия отдельных лиц государства или групп граждан, выходящие за рамки данного глобального сценария, могут восприниматься в обществе как свободное личное поведение или "самовыражение" в рамках существующей свободы слова, а не как целенаправленные действия, обусловленные уничтожением у них определенной формы сознания и заменой ее другой, искусственно формируемой противником, формой. Однако появление лиц с "замещенным" сознанием в высших органах государственного и военного управления (так называемых «агентов влияния») при иерархической централизованной структуре системы управления может привести к катастрофическим последствиям.

Основной формой ведения и главным элементом содержания информационно-психологической войны является информационно-психологическая операция (ИПО).

При этом, учитывая отмеченную выше специфику информационной и психологической составляющих информационно-психологической войны, помимо информационно-психологической операции, следует выделять и чисто информационную операцию (получение несанкционированного доступа к информации и достижение контроля над информационными потоками), и чисто психологическую операцию (с использованием специфических психологических форм воздействия: психогенных, нейро-лингвистических, психотронных, психотропных).

Принимая во внимание, что конечной целью информационно-психологической войны являются информационно-зависимые процессы как человеческие, так и технические, отбор информации для информационно-психологических операций определяется именно адекватностью ее для будущих процессов оперирования с ней, приводящих к нужным для комму-

никатора выводам. Это обусловлено тем, что по своей сути информационно-психологическая операция является процессом коррекции чужого информационного пространства в нужном направлении: ИПО должна либо вывести коммуникатора на новые типы действий, либо затормозить выполнение принятых в данном обществе действий (повышение/понижение роли реципиента).

В зависимости от целей и задач, ради решения которых организуется и проводится ИПО, а также с учетом имеющихся возможностей (сил и средств) выбираются те или иные формы, способы и методы психологического воздействия и виды коммуникативных информационных каналов.

С учетом изложенного под *информационно-психологической операцией* будем понимать *сложную совокупность согласованных, скоординированных и взаимоувязанных по целям, задачам, месту и времени, объектам и процедурам видов, форм и способов информационного и психологического воздействия.* ИПО различаются между собой масштабами, целями и задачами, объектами воздействия, используемыми технологиями и теми условиями, в которых они проводятся.

Информационно-психологическая операция в свою очередь включает в себя несколько так называемых разовых мероприятий (акций).

Разовое мероприятие (акция) ИПО представляет собой кратковременное целенаправленное действие на реципиента (или связанных с ним лиц, организаций и т.п.), которое отличается ограниченным характером используемых средств (отдельных видов психологического воздействия с задействованием ограниченного количества информационных каналов) и осуществляется в ограниченных (локальных) масштабах.

Особенностью разовых акций является то, что каждая последующая из запланированных в рамках ИПО акция проводится только после получения и анализа информации о результатах предыдущей.

Учитывая, что информационно-психологическая операция проводится на чужом информационном поле, для достижения успеха любая такая акция должна строиться на определенном преувеличении. Кроме того, контекст информационного сообщения, вводимого в чужое информационное пространство, становится не менее важным, чем само сообщение.

Информационно-психологические операции можно классифицировать по срокам, условиям осуществления и направленности.

Так, по срокам осуществления ИПО делят на стратегические (долгосрочные), оперативные (среднесрочные) и тактические (краткосрочные).

По времени осуществления ИПО делятся на операции, проводимые в так называемое мирное время и угрожаемый период (до перехода конфликта в активно-силовую фазу), и операции, проводимые в условиях разгоревшегося конфликта (когда реципиент начинает предпринимать в отношении коммуникатора какие-либо активные контрдействия).

По направленности ИПО делят на операции, проводимые непосредственно против реципиента, либо в интересах коммуникатора, либо против так называемых третьих лиц с целью склонить их на свою сторону.

Можно выделить следующие основные этапы подготовки и осуществления ИПО:

- планирование;
- формулирование рабочих целей;
- определение и изучение объекта воздействия;
- выбор конкретных видов, форм, методов, способов и приемов психологического воздействия;
- разработку содержания (технологии применения основных составляющих) психологического воздействия;
- выбор соответствующих информационных каналов для осуществления коммуникации с объектом воздействия;
- определение коммуникативных контуров и условий осуществления психологического воздействия;
- обеспечение контроля за эффективностью проведения конкретных разовых мероприятий (акций);
- корректировку (при необходимости) выбранных коммуникативных контуров и условий осуществления психологического воздействия.

Знание задач и целей информационно-психологической войны, форм и методов проведения информационно-психологических операций, структуры, процессов формирования и функционирования информационного пространства и специфики информационного поля России позволяют грамотно разработать комплекс организационно-технических мероприятий по предотвращению ИПО, а также устранению или нейтрализации последствий негативного информационно-психологического воздействия на россиян.

В частности, в качестве одного из способов обнаружения факта проведения информационно-психологической операции и формирования эффективного комплекса мер активного противодействия информационно-психологическому воздействию противника может быть предложен разработанный автором метод аналитической реконструкции информационно-

психологической операции [14].

В заключение хотелось бы отметить следующее. Информационное и психологическое противоборство стало одной из наиболее весомых форм среди всего ряда специфических форм и методов ведения современных войн, а краткий анализ взглядов ряда современных авторов на войны будущего позволяет с большой долей вероятности предположить об усилении, а в дальнейшем и о доминировании информационно-психологической составляющей войны над всеми другими [11–13, 20–24].

Информационно-психологическое оружие из экзотического становится таким же важным стратегическим поражающим инструментом из арсенала средств ведения войны, как ядерное и высокоточное. Меняются понятия «поле боя» и «арена боевых действий», которой теперь становится весь театр войны, а полем боя - киберпространство. Цели же современной войны становятся все менее явными и не совсем очевидными для общества за нагромождением слов типа «борьба за демократию», «за справедливый мир» и т.д.

Исходя из всего вышесказанного, при разработке комплекса мер защиты от негативного информационного и психологического влияния в условиях информационно-психологической войны прежде всего на государственном уровне необходимо постоянно помнить слова Джона Стейна из его книги "Информационная война": «Целью информационной войны является разум, особенно разум тех, кто принимает ключевые решения по поводу войны и мира, а с военной точки зрения, разум тех, кто принимает ключевые решения, если, когда и как использовать имеющиеся силы и возможности стратегических структур".

Литература

1. «Категории и термины системы знаний о войне и военной безопасности» под редакцией Маршала Российской Федерации И.Д. Сергеева, М., АВН, 2000.

2.. Манойло А.В. «Технологии несилового разрешения современных конфликтов», М., «Горячая линия - Телеком», 2008.

3. К. Клаузевиц «О войне», М., «Логос», 1997.

4. В.В.Ефремов, А.Г.Караяни и др. «Информационно-психологическое противоборство: сущность, содержание, методы», Минобороны РФ, 2000.

5. С.П.Расторгуев «Философия информационной войны», М., Autopan, 2000.

6. Э. Тоффлер « Третья волна», М., издательство АСТ, 2002.

7. Г.Г. Почепцов «Информационно-психологическая война», Москва, СИНТЕГ, 2000.

8. «Информационное общество», сборник под редакцией А. Лактионова, М., «АСТ», 2004.

9. В.Г.Крысько «Секреты психологической войны. (Цели, задачи, методы, формы, опыт), Минск, ХАРВЕСТ, 1999.

10. «Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке?», сборник статей под редакцией Ю.В.Крупнова, Москва, альманах «Россия – 2010», 1997.

11. М.А. Гареев, В.И. Слипченко «Будущая война», М., «ОГИ», 2005.

12. В. И. Слипченко «Войны нового поколения: дистанционные и бесконтактные», М., «ОЛМА-ПРЕСС образование», 2004.

13. М.П. Требин «Войны XXI века», М., «АСТ», 2005.

14. В.Б. Вепринцев, А.В. Манойло и др. «Операции информационно-психологической войны. Краткий энциклопедический словарь-справочник», М., «Горячая линия - Телеком», 2005.

15. Ф. Уэбстер «Теории информационного общества», М., «Аспект Пресс», 2004.

16. Ф. Форсайт «Переговоры», сочинения в 4-х томах, М., 1994.

17. Г.В. Грачёв, И.К. Мельник «Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия», М., «Алгоритм», 2002.

18. В.П. Шейнов «Скрытое управление человеком. Психология манипулирования», М., «АСТ», 2000.

19. С.Г. Кара-Мурза «Манипуляция сознанием в России сегодня», М., «Алгоритм», 2001г.

20. Цяо Лян, Ван Сянсуй «Искусство воевать без правил: китайский план разрушения Америки», США, 2000.

21. Ю.И. Дроздов, А.Г. Маркин «Наглый орел – 2007. Разведка и война в системе США», М., «Артстиль-полиграфия», 2007.

22. С.Н. Гриняев «Поле битвы – киберпространство. Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны», Минск, «ХАРВЕСТ», 2004.

23. Э. Тоффер, Х. Тоффлер «Война и антивойна. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века», «АСТ», 2005.

24. М. ван Кревельд «Трансформация войны», М., ИРИСЭН», 2005.

Материал поступил в редакцию 20. 09. 2008 г.

УДК 159.9

© Митина О.В., Петренко В.Ф.
Mitina O.V., Petrenko V.F.

ИМИДЖ ГОСУДАРСТВА. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ: РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИЗМЕРЕНИЯ

IMAGE OF THE STATE, THE PSYCHOSEMANTIC ANALYSIS: RECONSTRUCTION AND MEASUREMENTS

Аннотация. *Приводится психосемантический анализ имиджа государства – одного из ключевых понятий, на основе которого формируются геополитические стратегии. Особенно он важен, когда процессы глобализации становятся доминирующими, «позиция силы» перестает быть универсальным ключом, открывающим все двери, и политические элиты должны искать пути позиционирования своего общества таким образом, чтобы это могло позволить выгодно включиться в структурированное мировое пространство.*

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 07-06-02007а.

Annonfnion. *The psychosemantic analysis of the state image is brought – one of key concepts, which is the basis for formation of geopolitic strategy. Especially, it is important when processes of globalization become dominant, "the position of force" ceases to be the universal key opening all of doors, and political elites should search for ways of their society positioning so that it could allow to join to the structured global space beneficially.*

The work is done at support of RGNF. The grant №07-06-02007a.

Ключевые слова. *Имидж, государство, психосемантический анализ, реконструкция, измерение, когнитивная сложность, восприятие, категориальная система.*

Key words. *Image, the state, psychosemantic analysis, reconstruction, measurement, cognitive complexity, perception, categorian system.*

Имидж государства одно из ключевых понятий, на основе которого формируются геополитические стратегии. Особенно это важно, когда процессы глобализации становятся доминирующими, «позиция силы» перестает быть универсальным ключом, открывающим все двери, и политические элиты должны искать пути позиционирования своего общества таким образом, чтобы это могло позволить выгодно включиться в структурированное мировое пространство. Страны конкурируют друг с другом за внимание, уважение и доверие инвесторов, за освещение в СМИ, на рынках потребления и туризма, за партнерские отношения с другими странами на разных уровнях, включая правительственный.

Имидж является многомерной характеристикой и формируется в ходе различных социальных взаимодействий и в большей степени под влиянием средств массовой информации. Географические, исторические, культурные, общественно-политические и пр. сведения о той или иной стране воспроизводятся в сознании человека на уровне конкретных понятий, обыденных представлений, чувств, мыслей, ассоциаций, организованных вокруг некоторого единого центрального значения, которое в определенном смысле можно сравнить с идеей бренда, определяющего репутацию и гарантирующего ожидаемое качество [6].

В ситуации исследования таких глубинных, часто неотрефлексированных представлений различных людей, особенно когда речь идет о групповых представле-

Митина Ольга Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, старший ннаучный сотрудник МГУ;
Петренко Виктор Федорович – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией МГУ, тел. +7(495) 453-36-76. tel.

Mitina Olga Valentinovna– the candidate of psychological sciences, the senior lecturer, the senior research scientific of MSU;
Petrenko Victor Fedorovich – the doctor of psychological sciences, the professor, the corresponding member of RAS, the manager of laboratory of MSU, tel.+7(495) 453-36-76.

ниях, наиболее адекватными и эффективными являются психосемантические методики, в результате применения которых строятся операциональные модели, позволяющие описывать и изучать категориальные структуры, опосредующие восприятие и осознание субъектом окружающего мира [8]. При этом могут решаться различные задачи. Например, сравниваться категориальные структуры жителей одной страны, опосредующие восприятие разных стран: своей ↔чужих, дружественных↔враждебных. Также плодотворным оказывается анализ различий и их объяснение, когда речь заходит о восприятии одной и той же страны людьми, имеющими к ней различное отношение: гражданами ↔ иностранцами ↔ иммигрантами ↔ эмигрантами.

Преимуществом психосемантики является возможность наглядной визуализации, построение понятной геометрической модели, которую легко интерпретировать и изучать.

Наиболее распространенным способом визуализации является размещение объектов (в нашем случае имиджей-образов стран) в виде точек-координат в семантическом пространстве, характеризующем отношение субъекта (группового или индивидуального) к этим объектам (странам) – его «личностный смысл» (в терминах А.Н. Леонтьева, 1975 г.) по поводу этих стран или более конкретно применительно к нашей задаче, характеризующем ценностные и политические установки респондента или его стереотипы в отношении к этим странам.

Наряду с традиционной формой репрезентации психосемантических данных в виде геометрических пространств в случае, когда оцениваемыми объектами являются страны (географические объекты, наделенные пространственными географическими характеристиками), более адекватной формой структурирования и хранения информации являются географические информационные системы (Баранов и др., 1999г.). Наряду с пространственными характеристиками они содержат атрибуты иного рода, с местоположением на первый взгляд никак не связанные (например, ландшафтные, социально-демографические и т.п. данные). Однако их визуализация на географической карте представляет возможности для выявления имеющих место территориальных закономерностей. Так, отображение очагов распространения холеры в середине XIX в. на карте Лондона выявило, что все они располагаются вокруг водонасосных станций с зараженной водой. Поэтому привязка оценок стран по различным социальным, экономическим, культурным и пр. характеристикам к географии может выполнять эвристическую функцию, позволяет устанавливать территориальную детерминированность. Степень выраженности того или иного показателя указывается, например, с помощью количественного фона – чем выше оценка, тем темнее (или наоборот светлее) окраска страны.

В случае, когда все выделенные категории положительно коррелируют между собой, т.е. несмотря на свою относительную независимость одновременно являются составляющими положительного имиджа, результаты можно представлять с помощью имиджевых полигонов (лепестковых диаграмм). Для той или иной страны каждый лепесток диаграммы соответствует своей категории и имеет величину, равную оценке этой страны по данной категории.

Сопоставление полигонов разных стран между собой позволяет выявить их сильные и слабые стороны, участвующие в создании имиджа, а также определить некий показатель, соответствующий интегральному имиджу и использовать его для сравнительного анализа.

Стандартный дизайн психосемантического геополитического исследования предполагает установление списка оцениваемых объектов – стран. Это могут быть все страны мира, страны определенного региона, страны, имеющие общие исторические, политические, культурные и т.п. корни. Конечно, для наиболее корректного, с точки зрения статистики, анализа желательно, чтобы список стран был жестко задан, т.е. все респонденты высказывали бы свое отношение к одним и тем же странам. Однако, если испытуемые представляют собой достаточно разнородную выборку, тем более, если они являются жителями разных государств, то количество стран, ответы о которых даже на простые вопросы будут достаточно добросовестны, осмыслены и дифференцированы, а не просто случайны или в большинстве своем ограничены дежурным «не знаю, нет ответа», может оказаться очень небольшим, и математические процедуры анализа полученных данных не позволят выявить никаких интересных содержательных закономерностей. Поэтому предпочтительнее осуществлять так называемый гибкий выбор: представляется некий общий список, достаточно репрезентативный с точки зрения исследователя, а испытуемые должны выбирать из него страны для шкалирования, соблюдая необходимую количественную норму (т.е. оценивать не менее определенного числа). Этот минимальный показатель определяется исходя из соображений среднестатистических временных затрат на заполнение психосемантического опросника (не более одного часа). Чтобы анализ результатов оценок той или иной страны был корректным, число респондентов, выбравших ее для своего анализа должно быть не менее 60 (минимальный объем

выборки, данные по которой при условии нормальной распределенности можно считать параметрическими).

Также успешность исследования (т.е. степень содержательной новизны результата) зависит от выбора шкал, по которым происходит оценка. Чтобы получить действительно новые результаты, необходима содержательная концепция и вытекающие из нее гипотезы. Шкалы должны подбираться в соответствии с этими гипотезами, не менее трех на каждую из предполагаемых категорий. Следует помнить, что использование стандартных осгудовских шкал вряд ли позволит выделить категории, отличные от тех, который получил сам Ч. Осгуд – силы, активности и оценки [8]. Поэтому, если речь идет о реконструкции категориальной системы, связанной с восприятием именно имиджа стран, шкалы должны характеризовать состояние дел в этих странах в различных отраслях экономики, культуры, образования, внутренней и внешней политике и т.п.

Как правило, шкалы должны иметь семи- (предпочтительнее) или пятизначную градацию. Например: 3, 2, 1, 0, –1, –2, –3, где число 3 означает максимальную оценку страны (данную респондентом) по предложенной характеристике, а число –3 – указывает на наличие, с точки зрения респондента, противоположной по смыслу антонимической характеристики.

Требования к испытуемым определяются необходимостью быть осведомленными хотя бы в минимальной степени в области страноведения, квалифицировано отвечать на вопросы в объеме обыденных знаний. При этом существенным является не столько соответствие субъективных представлений испытуемого объективной реальности, сколько сформированность этих субъективных представлений, т.е. оценки испытуемого должны быть неслучайны, внутренне обоснованы и согласованы с его картиной мира.

Как правило, таким требованиям удовлетворяют студенты или люди, имеющие высшее образование. Кроме этого общего требования, необходимо обеспечить репрезентативную выборку в соответствии с предметом и гипотезами исследования. Например, это могут быть иммигранты или коренные граждане, жители какой-то страны или геополитического региона, определенного возраста, рода занятий, знающие страну по собственному опыту или СМИ и т.д.

Чтобы проанализировать полученные данные и представить их для содержательной интерпретации, можно использовать весь арсенал методов, принятых в психосемантике [5]. Проиллюстрируем вышесказанное на ряде примеров.

Семантическое пространство восприятия стран мира российскими гражданами. Результаты 1998 г.

В задачу исследования входила реконструкция той системы категорий, которыми пользуется российское общественное сознание при восприятии стран СНГ, Европы, мира. Это предполагало:

- экспликацию категориальных структур, опосредующих восприятие российскими респондентами стран СНГ, Европы, мира и их сопоставительный анализ;
- построение географической информационной системы ментальных геополитических представлений россиян.

В роли испытуемых выступали жители Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Ижевска, Ростова, Саранска, Сургута, Казани и Абакана. Всего 983 человек обоего пола в возрасте от 18 до 70 лет.

Всем испытуемым для оценивания по 32 шкалам, предоставлялся единый фиксированный список стран Мира, Европы и СНГ. Индивидуальные ответы респондентов суммировались в три общегрупповые матрицы данных по СНГ, Европе и Миру и затем подвергались процедуре факторного анализа. Полный список шкал и стран, а также усредненные выборочные оценки приведены в работе [10].

Сопоставляя семантические пространства восприятия стран Мира, Европы и СНГ российскими респондентами, отметим сходство категориальных структур геополитического восприятия этих реалий, а также некоторые различия. Например, везде присутствуют четыре базисных категории восприятия:

- демократические, преуспевающие государства ↔ тоталитарно-неблагополучные;
- военная мощь государства;
- дружественность по отношению к России;
- религиозность, духовность общества.

Различия обусловлены спецификой объектов восприятия (стран мира, Европы и СНГ), поскольку семантическое пространство не является “вместилищем”, в котором размещаются объекты восприятия, а его структура (семантика, метрика и топология) производны от наполняющего их содержания. Размерность семантического пространства восприятия стран мира (как более неоднородных) оказалась более высокой, что можно интерпретировать как наличие более высокой когнитивной сложности восприятия нашими респондентами мирового пространства.

Так, наряду с первым фактором, содержащим на одном полюсе прототипический образ преуспевающих

западных демократических обществ в оппозиции к антизападным, существует и близкий ему четвертый фактор также благополучия и высокой культуры страны, но уже в сочетании с плановой, а не рыночной экономикой. Наибольшую нагрузку по этому фактору получили скандинавские страны и в первую очередь Швеция. Т.е. в сознании наших респондентов, несомненно, выделяются два фактора, отражающих два возможных пути экономического и культурного преуспевания: "западный", представленный США, Канадой, Японией и т.д., и «шведская модель социализма» с элементами плановой экономики.

Когнитивная сложность восприятия более однородного политического пространства Европы ожидаемо оказалась ниже. Первый фактор общемирового пространства, интерпретированный как «архетипические страны западной демократии» (куда попадают, например, и Япония с Австралией) ↔ «антизападные страны» и относительно независимый от первого фактора четвертый фактор общемирового пространства «политическая стабильность и преуспевание по шведскому образцу» слились в единый фактор «общее благополучие» ↔ «неблагополучие стран.»

Один из самых серьезных выводов, который можно сделать из проведенного исследования, – это наличие в политическом менталитете российских респондентов взаимосвязи между демократическим устройством государства и его экономическим процветанием. То, что богатые общества, как правило, более демократичны, связано со спецификой трудовой активности населения в постиндустриальном обществе, требующей творческой самостоятельности в принятии решений субъекта-труженика. Оптимальные условия обучения, развития и функционирования дает именно демократически устроенное государство. С другой стороны, экономическая депрессия и упадок способствуют становлению авторитарных и тоталитарных режимов.

Дружественность стран по отношению к России является одним из значимых факторов-категорий в структуре российской геополитической ментальности. Хорошее отношение к другой стране существенным образом зависит от представлений о том, как эта страна относится к России, с которой каждый из респондентов в ходе опроса с различной степенью осознанности себя идентифицировал. Подобную закономерность мы встречаем и при формировании образа другого: человек хорошо относится к тем, кто хорошо относится к нему самому.

Семантическое пространство восприятия стран мира гражданами Узбекистана. Результаты 2006 г.

Исследование проводилось по предыдущей схеме: те же 32 шкалы и фиксированный для всех список стран, который был изменен и включал страны, значимые именно для жителей Узбекистана (Тихоокеанского и Азиатского бассейна). В роли испытуемых выступали жители Ташкента. Всего 374 человека обоего пола в возрасте от 13 до 79 лет различных национальностей. Результаты во многом оказались схожи, и они подробно описаны в работе [9]. Здесь же мы дадим различные примеры графических представлений. Проекции семантического пространства изображены на рис. 1 и 2.

На рис. 3 представлено картирование показателя выраженности фактора «дружественность по отношению к Узбекистану». Более светлый тон закраски соответствует большей дружественности и духовной близости, а темный – удаленности. В табл. 1 содержатся интеркорреляции четырех выделенных факторов между собой. Можно заметить, что все они положительно связаны друг с другом, и, таким образом, чем выше оценка той или иной страны по каждому из них в отдельности, тем лучше интегральный имидж.

Таблица 1

Матрица интеркорреляций факторов

Факторы	1	2	3	4
1. Развитость демократии	1,00	0,41	0,40	0,15
2. Военная мощь государства	0,41	1,00	0,15	0,10
3. Культура и исторические ценности	0,40	0,15	1,00	0,33
4. Дружественность Узбекистану	0,15	0,10	0,33	1,00

Поэтому мы можем построить имиджевый полигон (в данном случае квартогон – четырехлепестковую диаграмму). Для этого необходимо по каждой из четырех осей отложить показатель, который получила каждая страна по соответствующему фактору (Anholt, 2007г.). Показатель этот рассчитывался на основании факторных баллов, полученных странами, по формуле

$$y = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}},$$

где x – факторный балл, который получила страна по соответствующему фактору;

$x_{\min}$ – минимальный возможный факторный балл,

Рис. 1. Семантическое пространство восприятия стран мира (Ф1, Ф2)

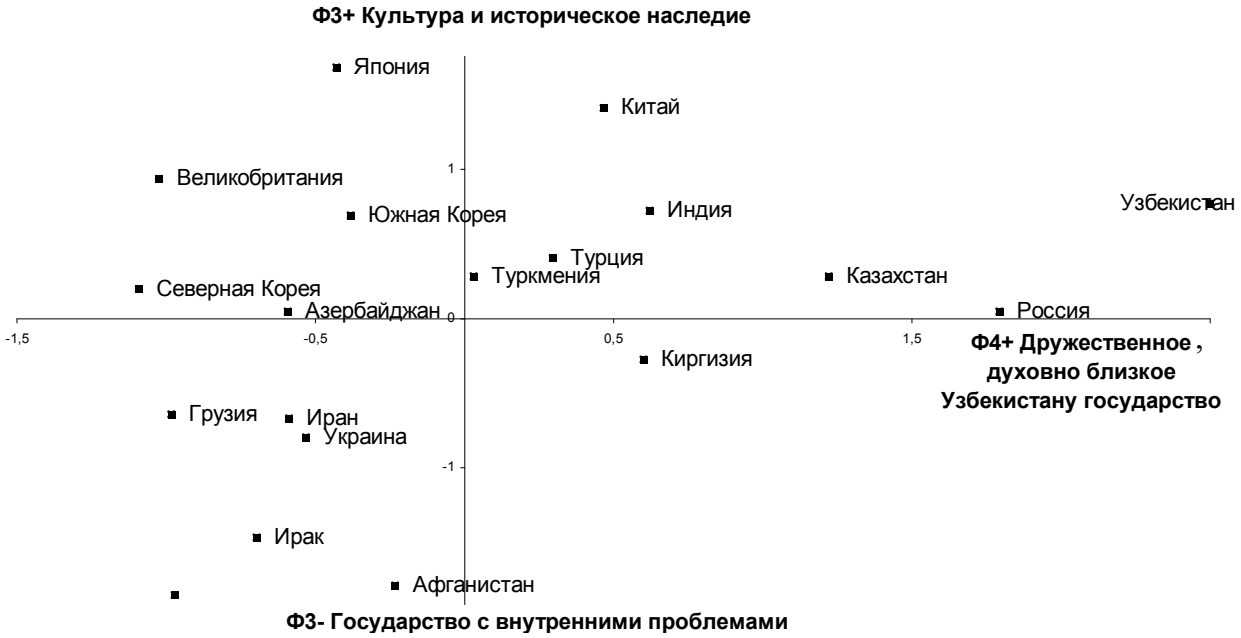


Рис. 2. Семантическое пространство восприятия стран мира (Ф3, Ф4)

полученный какой-то страной по этому фактору (из всего списка стран);

x_{max} максимальный возможный факторный балл, полученный по этому фактору какой-то страной.

Таким образом, все значения показателей стран, откладываемые по осям, лежат в диапазоне от нуля до единицы. Значения, равные единице, получают страны с максимальной выраженностью того или иного фактора. По каждому направлению это может быть своя страна, являющаяся своеобразным примером для подражания. В качестве интегрального показателя имиджа была взята сумма квадратов значений оценок страны по каждой из четырех составляющих. В определенной степени эта величина соответствует площади квартогона, однако не зависит от порядка расположения осей (порядок нумерации категорий на квартогоне - вещь достаточно субъективная). Все эти показатели теоретически могут лежать в диапазоне от 0 до 4, но фактически по реальным результатам оказались менее чем 2,5 (табл. 2). Максимальный балл получила Россия, за ней идут наиболее развитые

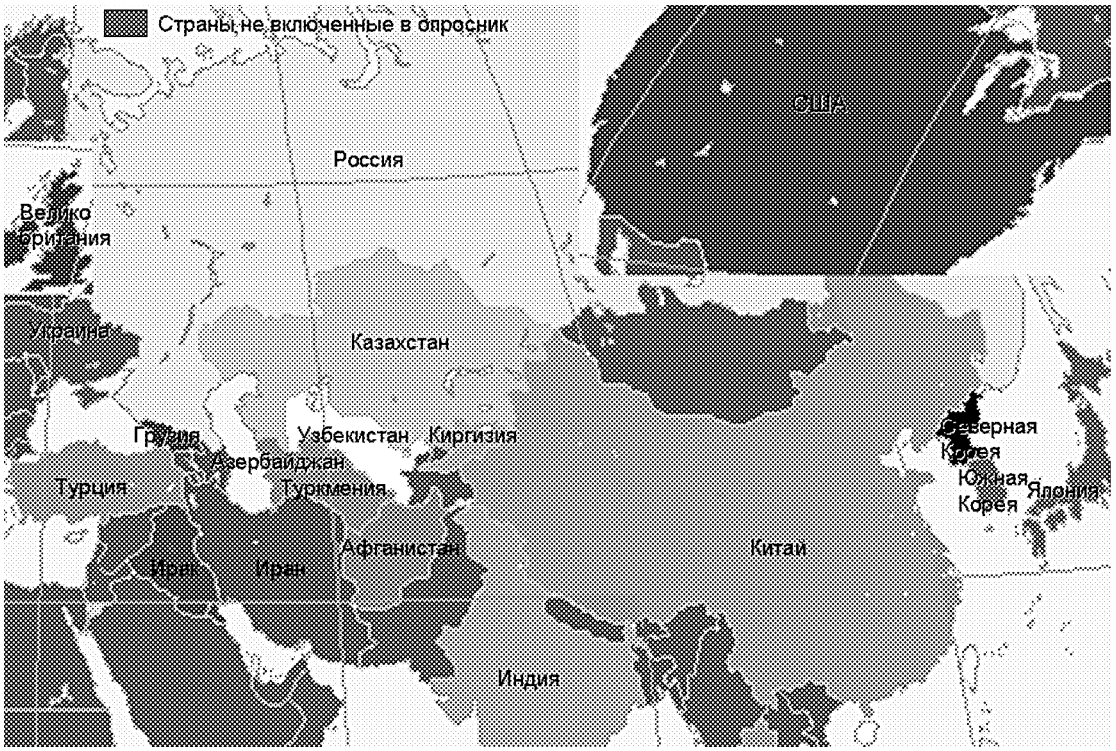


Рис. 3. Карта субъективных оценок стран респондентами
по фактору "дружественность и духовная близость к Узбекистану"

Таблица 2

Рейтинг имиджей стран с точки зрения жителей Узбекистана

Страна	Интегральный показатель имиджа
Россия	2,49
Япония	2,39
Китай	2,21
Великобритания	2,14
США	2,00
Узбекистан	1,97
Южная Корея	1,43
Казахстан	1,33
Турция	1,12
Индия	1,07
Северная Корея	0,84
Киргизия	0,71
Туркмения	0,60
Иран	0,53
Украина	0,53
Азербайджан	0,50
Ирак	0,38
Грузия	0,28
Афганистан	0,18

капиталистические страны, а также Китай. Самый низкий рейтинг получили проблемные страны, характеризующиеся внутренними конфликтами, нестабильностью. Этот результат вполне согласуется с ожиданием, а потому свидетельствует в пользу верификации используемого показателя.

На рис. 4 приведены квартогоны ряда стран - лидеров и аутсайдеров. Все они представлены на одной диаграмме, что существенно облегчает возможность сравнительного анализа.

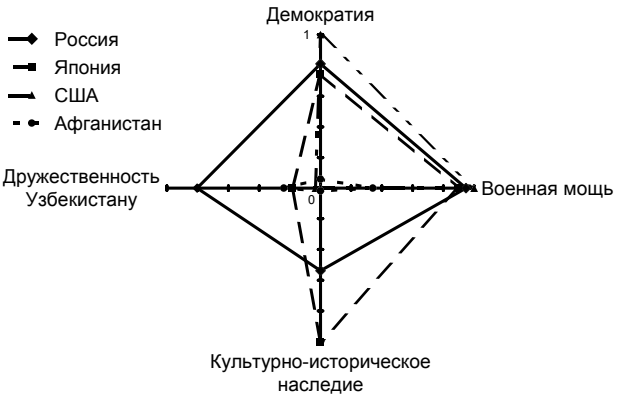


Рис. 4. Квартогоны имиджей различных стран
в сознании жителей Узбекистана

Категориальная система восприятия имиджа стран. Результаты 2007 года

В задачу исследования входила реконструкция той системы категорий, которыми пользуются жители других стран при восприятии стран мира и анализ в этой категориальной системе образа России. Иными словами, ставилась задача реконструкции имплицитной модели геополитического пространства и сопоставительный анализ положения России в этом пространстве. В роли испытуемых выступали граждане 19 стран мира, люди с высшим образованием, в большинстве студенты социальных и политологических специальностей университетов США и Западной Европы. Список шкал-дескрипторов был изменен по сравнению с используемым в предыдущих исследованиях, исходя из гипотезы о существовании дополнительных категорий восприятия имиджа (наряду с теми, которые были выделены ранее).

Всем респондентам предлагался фиксированный список шкал, по которым они должны были оценить различные страны. Каждый респондент выбирал для оценивания не менее 10 стран из общего списка, состоящего из 33 стран мира, которые знал лучше всего, и мог бы относительно них ответить на содержащиеся в анкете вопросы. Также в этот список предлагалось включить собственную страну респондента.

Индивидуальные ответы респондентов подвергались процедуре конфирматорного факторного анализа [4]. Обработка данных осуществлялась в пакете EQS.

На рис. 5 представлены факторы и детерминируемые ими переменные со значимыми факторными нагрузками. Факторы соответствуют обобщенным категориальным структурам восприятия стран, а факторные баллы, полученные той или иной страной, определяют ее имидж. Величина сравнительного критерия согласия (CFI) равна 0.85, а величина ошибки аппроксимации (RMSEA) равна 0.06. Можно говорить, что модель соответствует экспериментальным данным и позволяет судить о наличии общих категорий в восприятии образа любой страны и описывать образ России в сравнении с другими странами в единой категориальной системе.

Полученные факторы с детерминируемыми ими пунктами опросника согласуются с постулируемыми (исходя из теоретических соображений) основными категориями восприятия странх [10,11]. В большинстве своем пункты монодетерминированы (каждый относится к своему фактору). Однако 8 пунктов из 40 оказались полидетерминированы сразу несколькими факторами, что отражает факт взаимосвязи между выделенными факторами. Анализ интеркорреляций факторов показал, что все факторы, за исключением одного «военная мощь», положительно коррелируют друг с другом. Это означает, что все 8 факторов положительно работают на создание имиджа, а вот фактор военной мощи оценивается неоднозначно (рис. 6).

С одной стороны, имперская политика и военная мощь могут негативно сказываться на привлекательности страны как места туристической поездки, а также политической составляющей имиджа страны. В то же время мощный военный потенциал является своеобразной гарантией качества промышленной продукции, производимой в стране, свидетельствует о наличии в стране высокотехнологичных производств, ибо без современных новых технологий производство военной техники в настоящее время невозможно. Также с этим военным фактором положительно коррелирует культурно-исторический фактор. Вполне возможно, что это происходит из-за имплицитного присутствия и там, и там представлений о высокой образованности нации.

Таким образом, можно говорить о существовании 8-факторной модели положительного имиджа страны. Для визуализации этих представлений мы избрали форму представления в виде лепестковых октановых диаграмм.

На рис. 7 приведены октогоны имиджей России, а также некоторых других в определенных аспектах показательных стран: Швеции – страны лидера привлекательности, Афганистана – одного из аутсайдеров, США и Германии как стран – исторически сложившихся оппонентов России. Октогон Бразилии мы построили в связи с многочисленными сравнениями России с этой страной как учеными: политологами и экономистами, так и политиками, деятелями культуры, спорта.

Из рис. 7 видно, что страны с устойчивой и развитой экономикой и политической демократией (Швеция, США и Германия) обладают существенно более привлекательными имиджами. При этом наиболее привлекательная в суммарном отношении Швеция проигрывает США и Германии по факторам, связанным с промышленным производством. Имидж таких проблемных стран, как Афганистан, близок к нулю. В сравнении с Бразилией Россия выглядит существенно предпочтительнее в области культуры и исторического наследия, а по всем остальным показателям примерно одинаково.

Все показатели интегрального имиджа для восьмифакторной модели лежат в диапазоне от 0 до 8, но мы полагаем, что на настоящем этапе рассматривать их можно только с точки зрения построения рейтинга привлекательности. Для того чтобы ввести своеобразный барометр этой характеристики и говорить не только о

том, что имидж одной страны лучше, чем другой, но и насколько он лучше, необходимы дальнейшие более масштабные (в плане выборок) исследования, а также стандартизация полученных показателей.

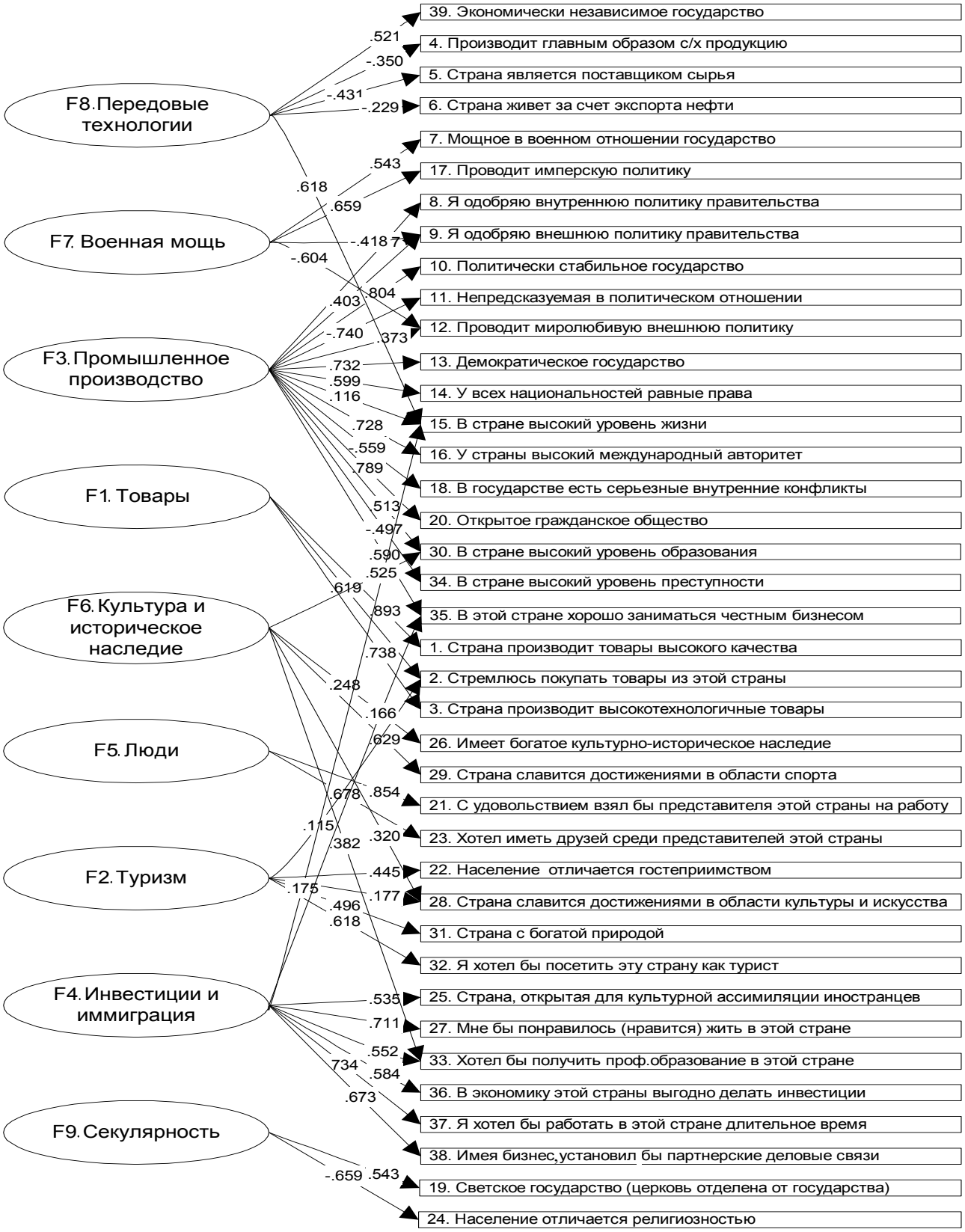


Рис. 5. Факторная структура восприятия стран

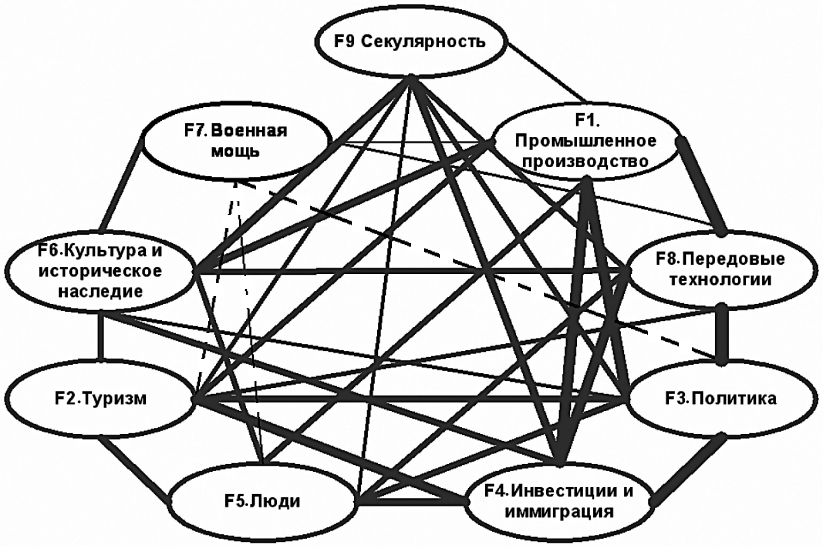


Рис. 6. Связи между категориями-факторами восприятия образа мира.
Сплошными линиями даются положительные связи, а пунктирными – отрицательные. Толщина линий отражает силу связи, мерой которой является коэффициент корреляции Пирсона. Мы полагаем, что такое графическое представление при большом числе факторов является более наглядным, нежели числовая таблица интеркорреляций девяти факторов между собой

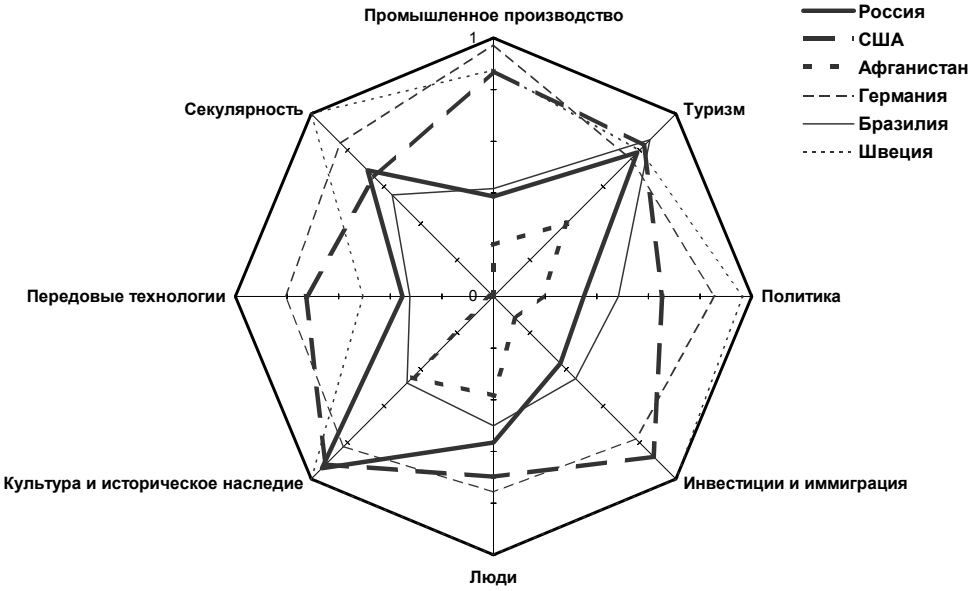


Рис. 7. Октогоны имиджей различных стран

Литература
1. Баранов Ю.Б., Берлянт А.М., Капралов Е.Г., Кошкарев А.В., Серапинас Б.Б., Филиппов Ю.А. Геоинформатика. Толковый словарь основных терминов. – М.: ГИС – Ассоциация, 1999.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. – М., 1975.
3. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991.
4. Митина О.В. Основные идеи и принципы структурного моделирования // Учёные записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 2 / Под. общ. ред. Б. С. Братуся, Е. Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2006. –С. 272-296.
5. Митина О.В. Математические методы в психосемантике // Когнитивные исследования / Отв. ред. В.Д.Соловьев. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – С. 69-93.
6. Митина О.В., Петренко О.В. Психосемантическая реконструкция имиджа России в глазах иностранцев. 2008. В печати.
7. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журн. – М., 1995. – № 1. – С. 3–18; № 2. - С. 3-14.
8. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. - М.; СПб. Изд. 1, 2. 1997, 2006.
9. Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство восприятия стран мира гражданами Узбекистана. 2007.
10. Петренко В.Ф., Митина О.В., Бертников К.А. Психосемантический анализ геополитических представлений России //Психологический журнал. – М., 2000. – №2. – С. 49–69.
11. Anholt S. Competitive Identity: the new brand management for nations, cities and regions. Palgrave Macmillan, 2007.

Материал поступил в редакцию 18. 09. 2008 г.

УДК 519.856

© Аржакова Н.В., Новосельцев В.И., Шумилкин В.Н.
Arzhakova N.V., Novoseltsev V.I., Shumilkin V.N.

МОДЕЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ БОРЬБЫ В КОНФЛИКТАХ ТИПА ДУЭЛИ

MODEL OF INFORMATION FIGHT IN CONFLICTS OF DUEL TYPE

Аннотация. *Рассматривается задача математического моделирования конфликтов типа дуэли. Выводятся расчетные соотношения для оценки их исходов с учетом информационного противоборства.*

Annonfnion. *The task of mathematical simulating of duel type conflicts is constructed. Rated equations are deduced for an estimation of their outcomes regarding information antagonism.*

Ключевые слова. *Модель, информационная борьба, конфликт, дуэль, плотность распределения, вероятность, выигрыш, противник.*

Key words. *Model, information fight, conflict, duel, distribution density, probability, gain.*

Введение

Особый класс (с точки зрения информационной борьбы) составляют конфликтные процессы типа дуэли, в которых несовместимы цели противоборствующих сторон, то есть существует некое конечное состояние, называемое выигрышем или победой, достичь которого может только одна сторона [1]. Конфликтные процессы этого типа развиваются по симметричной многошаговой схеме «мера-контрмера», когда в ответ на действие одной стороны следует действие другой стороны. Причем каждая из сторон должна располагать такими способами действий, на которые другая сторона имеет возможность ответить адекватными действиями, то есть в конфликтах этого типа должен соблюдаться определенный баланс сил. В противном случае одна из сторон будет заведомо иметь преимущество, и исход противоборства становится очевидным. Таким образом, в этих конфликтах выигрыш достигается за счет того, что одна сторона упреждает другую сторону в действиях. Другая особенность таких конфликтов состоит в том, что каждая сторона действует вполне целеустремленно, то есть имеет ясную цель и осознанно выбирает рациональные способы ее достижения с учетом возможной реакции противостоящей стороны. Для этого на каждом шаге противостоящие стороны добывают информацию о намерениях противника, прогнозируют его возможные действия и принимают решение относительно стратегии и тактики собственного поведения. При этом антагонисты стремятся воспрепятствовать друг другу в своевременном и достоверном получении информации, необходимой для управления, применяя различные приемы и способы, направленные на следующие мероприятия:

- исключение из системы управления противостоящей стороны информативно-значимых элементов;
- подавление информационно-коммуникационных каналов противника;
- нарушение работы центров обработки информации в системах управления противника, путем запуска компьютерных «вирусов» и «спама»;

Аржакова Наталия Владимировна – кандидат технических наук, специалист Научно производственного комплекса «АтомТехноПром», тел. +7(495) 453-36-76;
Новосельцев Виктор Иванович – доктор технических наук, профессор Воронежского института высоких технологий;
Шумилкин Владимир Николаевич, аспирант Воронежского государственного архитектурно-строительного университета.

Arzhakova Natalia Vladimirovna – the candidate of technical sciences, the expert of the Research-and-production Complex "AtomTechnoProm", tel.+7(495) 453-36-76;
Novoseltsev Victor Ivanovich – the doctor of technical sciences, the professor of the Voronezh Institute of High Technologies;
Shumilkin Vladimir Nikolaevich – the postgraduate of the Voronezh State Architecturally-building University.

• дезинформацию противника относительно своих намерений;

• скрытие своих истинных намерений за счет исключения возможных каналов утечки информации;

• навязывание противнику выгодных для себя способов его действий, за счет создания ложного представления относительно истинного состояния дел.

Эти и другие действия организуются и проводятся в форме информационных войн, информационных диверсий, информационных блокад и провокаций. Наглядным примером антагонистического информационного конфликта может служить информационная война, развернувшаяся вокруг известных чеченских событий. В период Второй мировой войны возник новый вид антагонистических информационных конфликтов – радиоэлектронная борьба, превратившаяся в настоящее время в один из основных видов обеспечения боевых действий.

Цель статьи показать, что в предположении марковости можно строить модели конфликтов данного типа и при этом непосредственно учитывать фактор информационного противоборства.

Модель процесса и основные расчетные соотношения

С учетом отмеченных особенностей укрупненную модель динамики конфликта типа дуэли можно представить в виде ориентированного симметричного периодического графа (рис. 1), вершины которого обозначают результаты действий его участников («А» и «Б») на каждом шаге (выигрыши – V_A^i, V_A^i, проигрыши – P_A^i, P_A^i, i – номер шага процесса), а дуги – возможные переходы процесса из состояния в состояние (выигрыш/проигрыш), взвешенные плотностями распределения вероятности времени достижения сторонами цели ($\omega_{0,i}^A(t), \omega_{0,i}^{\acute{A}}(t)$) и статистическими характеристиками начала действия также в виде плотности распределения вероятностей времени начала действия (при условии, что действие происходит мгновенно) $\omega_{D,i}^A(t), \omega_{D,i}^{\acute{A}}(t)$.

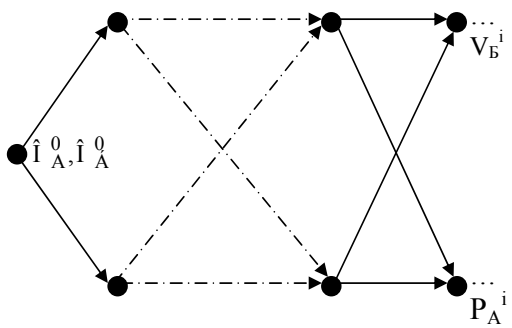


Рис. 1. Граф динамики конфликта типа дуэли (основной процесс)

Выигрыш сторон на каждом шаге состоит в достижении желаемого для них изменения ситуации. Например, если речь идет о продвижении какого-либо товара на новый рынок, то выигрыши (проигрыши) могут интерпретироваться следующим образом:

$V_A^1, V_{\acute{A}}^1(P_A^1, P_{\acute{A}}^1)$ – увеличение (снижение) объема продаж за счет упреждения конкурента в серийном выпуске товара;

$V_A^2, V_{\acute{A}}^2$ $(P_A^2, P_{\acute{A}}^2)$ – увеличение (снижение) объема продаж за счет опережения конкурента в завозе и складировании товара;

$V_A^3, V_{\acute{A}}^3(P_A^3, P_{\acute{A}}^3)$ – увеличение (снижение) объема продаж за счет упреждения конкурента в развертывании рекламной компании;

$V_A^4, V_{\acute{A}}^4$ $(P_A^4, P_{\acute{A}}^4)$ – увеличение (снижение) объема продаж за счет опережения конкурента в массовом выбросе товара на рынок. Каждый выигрыш/проигрыш, достигнутый в результате элементарного шага (кроме последнего), определяет начальные условия для следующего шага.

Суммарный выигрыш сторон после n шагов реализации процесса (в предположении его марковости) определяется выражениями:

для стороны «А»

$$V_A^{\Sigma}(n) = \hat{I}_A^0 + \sum_{i=1}^{n}\int_0^t [V_A^i \omega_i^{\grave{A}\acute{A}}(t) - P_A^i \omega_i^{\acute{A}\grave{A}}(t)]dt; \qquad (1)$$

для стороны «Б»

$$V_{\acute{A}}^{\Sigma}(n) = \hat{I}_{\acute{A}}^0 + \sum_{i=1}^{n}\int_0^t [V_A^i \omega_i^{\acute{A}\grave{A}}(t) - P_A^i \omega_i^{\grave{A}\acute{A}}(t)]dt, \qquad (2)$$

где $\hat{I}_A^0, \hat{I}_{\acute{A}}^0$ – исходное состояние процесса, интерпретируемое (для нашего примера) как объемы продаж конкурирующих сторон до начала противоборства; $\omega_i^{\grave{A}\acute{A}}$, $\omega_i^{\acute{A}\grave{A}}$ – упреждения противника на i-м шаге процесса, интерпретируемые как плотности вероятности достижения цели конкурентом «А» («Б») раньше, чем «Б» («А») осуществит свои действия и рассчитываемые по формулам

для стороны «А»

$$\omega_i^{A\acute{A}}(t) = \omega_{0,i}^A(t)\left(1 - \int_0^t \omega_{D,t}^{\acute{A}}(t)dt\right); \qquad (3)$$

для стороны «Б»

$$\omega_i^{\acute{A}A}(t) = \omega_{0,i}^{\acute{A}}(t)\left(1 - \int_0^t \omega_{D,t}^{\grave{A}}(t)dt\right). \qquad (4)$$

Как известно, для совершения целевого действия необходима информация. Ее нужно добыть, обработать и представить в соответствующем виде субъекту, принимающему решение на совершение действия. Так, в том же

примере после упреждения конкурента в серийном выпуске товара для его опережения в завозе и складировании товара необходимо произвести дополнительный мониторинг рынка, провести переговоры и заключить договоры с транспортными предприятиями, арендовать складские помещения. Очевидно, что стороны, преследуя противоположные цели, будут мешать друг другу в проведении таких операций, перекрывая конкуренту возможность получения необходимых сведений. В результате конфликтный процесс приобретает информационную составляющую [2].

Поскольку участники информационного противоборства действуют в расчете на выигрыш, то для описания информационной части процесса следует построить граф, аналогичный рис. 1, но с соответствующей заменой содержательной трактовки выигрышей $V \to I$ и проигрышей $P \to J$, где I и J – соответственно информационные выигрыши и проигрыши. Заметив, что информационный процесс должен развиваться между смежными состояниями основного процесса (например, между 1, 2 и 3), приходим к вложению графов (рис. 2). На графе основного процесса а) выделяется фрагмент (отмеченный пунктирной выноской), который разворачивается в подграф информационного противоборства б), который можно интерпретировать как полумарковский и дать его аналитическое описание на основе соотношений (1–4).

Для получения расчетных соотношений динамики конфликтного процесса в целом (то есть с учетом информационного противоборства) перейдем от безусловных ($\omega_i^{ÀÁ}$, $\omega_i^{ÁÀ}$) к условным плотностям $\varpi_i^{ÀÁ}$, $\varpi_i^{ÁÀ}$ для стороны «А»

$$\varpi_i^{ÀÁ}(t) = \frac{\omega_i^{ÀÁ}(t)}{\vartheta_i^{ÀÁ}(t)} \upsilon_i^{ÀÁ}(t), \qquad (5)$$

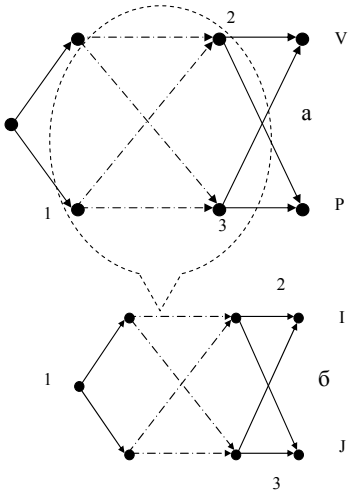


Рис. 2. Граф динамики конфликта типа дуэли с учетом информационного противоборства

где $\varpi_i^{ÀÁ}$ – плотность вероятности достижения цели конкурентом «А» раньше, чем «Б» осуществит свои действия при условии, что конкурент «А» опередил конкурента «Б» в информационном противоборстве;

$\vartheta_i^{ÀÁ}$ – плотность вероятности упреждения стороной «А» конкурента «Б» в информационном противоборстве;

$\upsilon_i^{ÀÁ}$ – плотность вероятности упреждения стороной «А» конкурента «Б» в информационном противоборстве при условии, что информационная борьба ведется в условиях опережения противника в действиях;

для стороны «Б»

$$\varpi_i^{ÁÀ}(t) = \frac{\omega_i^{ÁÀ}(t)}{\vartheta_i^{ÁÀ}(t)} \upsilon_i^{ÁÀ}(t), \qquad (6)$$

где $\varpi_i^{ÁÀ}$ – плотность вероятности достижения цели конкурентом «Б» раньше, чем «А» осуществит свои действия при условии, что конкурент «Б» опередил конкурента «А» в информационном противоборстве;

$\vartheta_i^{ÁÀ}$ – плотность вероятности упреждения стороной «Б» конкурента «А» в информационном противоборстве;

$\upsilon_i^{ÁÀ}$ – плотность вероятности упреждения стороной «Б» конкурента «А» в информационном противоборстве при условии, что информационная борьба ведется в условиях опережения противника в действиях.

Тогда с учетом информационного противоборства выражения для расчета суммарного выигрыша сторон в конфликте типа дуэли запишутся в виде

для стороны «А»

$$V_A^{\Sigma}(n) = \hat{I}_A^0 + \sum_{i=1}^{n} \int_0^t [V_A^i \frac{\omega_i^{ÀÁ}}{\vartheta_i^{ÀÁ}} \upsilon_i^{ÀÁ}(t) - P_A^i \frac{\omega_i^{ÁÀ}}{\vartheta_i^{ÁÀ}} \upsilon_i^{ÁÀ}(t)]dt; \qquad (7)$$

для стороны «Б»

$$V_Á^{\Sigma}(n) = \hat{I}_Á^0 + \sum_{i=1}^{n} \int_0^t [V_Á^i \frac{\omega_i^{ÁÀ}}{\vartheta_i^{ÁÀ}} \upsilon_i^{ÁÀ}(t) - P_Á^i \frac{\omega_i^{ÀÁ}}{\vartheta_i^{ÀÁ}} \upsilon_i^{ÀÁ}(t)]dt. \qquad (8)$$

Исходы конфликта

Введем обозначения

$$\chi_{À}(n) = \sum_{i=1}^{n} \int_0^t [V_A^i \frac{\omega_i^{ÀÁ}}{\vartheta_i^{ÀÁ}} \upsilon_i^{ÀÁ}(t) - P_A^i \frac{\omega_i^{ÁÀ}}{\vartheta_i^{ÁÀ}} \upsilon_i^{ÁÀ}(t)]dt;$$

$$\chi_{Á}(n) = \sum_{i=1}^{n} \int_0^t [V_Á^i \frac{\omega_i^{ÁÀ}}{\vartheta_i^{ÁÀ}} \upsilon_i^{ÁÀ}(t) - P_Á^i \frac{\omega_i^{ÀÁ}}{\vartheta_i^{ÀÁ}} \upsilon_i^{ÀÁ}(t)]dt.$$

Тогда после n шагов возможны следующие исходы конфликта: если $\chi_{À}(n) > \hat{I}_A^0$ и $\chi_{Á}(n) > \hat{I}_Á^0$, то выигрывают обе стороны; если $\chi_{À}(n) < \hat{I}_A^0$ и $\chi_{Á}(n) < \hat{I}_Á^0$, то обе стороны проигрывают; если $\chi_{À}(n) < \hat{I}_A^0$, а $\chi_{Á}(n) > \hat{I}_Á^0$, то сторона «Б» выигрывает, а сторона «А» проигрывает; если $\chi_{À}(n) > \hat{I}_A^0$, а $\chi_{Á}(n) < \hat{I}_Á^0$, то сторона «А» выигрывает, а

сторона «Б» проигрывает; если $\chi_{А}^{(n)} \approx \hat{I}_{А}^{0}$ и $\chi_{Б}^{(n)} \approx \hat{I}_{А}^{0}$, то ни одна из сторон не проигрывает и не выигрывает; если $\chi_{А}^{(n)} > \hat{I}_{А}^{0}$, а $\chi_{Б}^{(n)} \approx \hat{I}_{А}^{0}$, то сторона «А» выигрывает, а сторона «Б» не проигрывает; если $\chi_{А}^{(n)} < \hat{I}_{А}^{0}$, а $\chi_{Б}^{(n)} \approx \hat{I}_{А}^{0}$, то сторона «А» проигрывает, а сторона «Б» не проигрывает и не выигрывает; если $\chi_{А}^{(n)} \approx \hat{I}_{А}^{0}$, а $\chi_{Б}^{(n)} > \hat{I}_{А}^{0}$, то сторона «Б» выигрывает, а сторона «А» не проигрывает и не выигрывает; если $\chi_{А}^{(n)} \approx \hat{I}_{А}^{0}$, а $\chi_{А}^{(n)} < \hat{I}_{А}^{0}$, то сторона «Б» проигрывает, а сторона «А» не проигрывает и не выигрывает.

Помимо указанных, возможны такие исходы конфликта: если $\chi_{А}^{(n)} > \hat{I}_{А}^{0}$ и $\chi_{Б}^{(n)} > \hat{I}_{А}^{0}$, и при этом $\chi_{А}^{(n)} > \chi_{Б}^{(n)}$, то обе стороны выигрывают, но сторона «А» выигрывает больше, чем сторона «Б»; если $\chi_{А}^{(n)} < \hat{I}_{А}^{0}$ и $\chi_{Б}^{(n)} \approx \hat{I}_{А}^{0}$, и при этом $\chi_{А}^{(n)} < \chi_{Б}^{(n)}$, то обе стороны проигрывают, но сторона «А» проигрывает меньше, чем сторона «Б».

Литература

1. Новосельцев В.И. Системный анализ: современные концепции. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Воронеж: Изд-во Кварта, 2004. – 320 с.
2. Сухоруков Ю.С. Динамика ситуационных конфликтов. – В кн.: Дружинин В.В. и др. Введение в теорию конфликта. – М: Радио и связь, 1989. – 340 с.

Материал поступил в редакцию 18. 08. 2008 г.

II. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В БИЗНЕСЕ. PR И РЕКЛАМНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ. УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ И РИСКАМИ

УДК 314.727

© Орлов А.Д.
Orlov A.D.

ГИПЕРИММИГРАЦИЯ: МИФ О «НЕХВАТКЕ РАБОЧИХ РУК» И ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВЫБОРА МИГРАЦИОННО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РФ

HYPERIMMIGRATION: THE MYTH ABOUT "LACK OF WORKING HANDS" AND OBJECTIVE PRINCIPLES OF CHOICE OF MIGRANT-DEMOGRAPHIC STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *Представлен критический анализ современной миграционной политики России, обоснованы критерии выбора миграционно-демографической стратегии. Миграционная политика Российской Федерации является ареной информационного противоборства. Бизнес заинтересован, чтобы данная политика проводилась в его интересах, тогда как государственные интересы требуют совершенно другой миграционно-демографической стратегии.*

Annonfnion. *The critical analysis of modern migrant policy of Russia is represented, criteria of migrant-demographic strategy choice is proved. The migrant policy of the Russian Federation is the arena of information antagonism. Business is interested that the given policy would be spent in its interests, while the state interests require absolutely another migrant-demographic strategy.*

Ключевые слова. *Гипериммиграция, занятость, миф, принцип, выбор, миграционно-демографическая стратегия, социальная страта, труд.*

Key words. *Hiperimmigration, employment, myth, principle, choice, migrant-demographic strategy, social strata, labour.*

Миграционная политика: смена вех

После 11 сентября 2001г. стало очевидно, что глобальный ресурсно-демографический кризис, о котором говорили Макнамара и Киссинджер на рубеже 70-х и «Римский Клуб» в 80-х, перешел из латентной формы в область реальной и повседневной проблематики.

Процесс «нового переселения народов» перешел предел нечувствительности и оказался в самом центре внутренней политики всех европейских стран, где произошел радикальный пересмотр миграционно-демографических доктрин стран с индустриальным типом воспроизводства населения в сторону резкого ужесточения иммиграционной политики.

Под давлением фактов еще вчера обязательные теории «мультикультурности» и «глобализации миграционных потоков» катастрофически теряют влияние. На смену им пришла «антитеррористическая» риторика и апологетика «нового национального государства» со стороны такой знаковой фигуры, как Френсис Фукуяма.

Запад осознал, что платой за сиюминутные выгоды массового завоза «иностранного трудового легио-

Орлов Александр Дмитриевич – кандидат технических наук, доцент Московского государственного индустриального университета, эксперт ГД РФ, тел. +7(495) 453-36-76
Orlov Alexander Dmitrievich – the candidate of technical sciences, the senior lecturer of the Moscow State Industrial University, the expert of SD of the Russian Federation, tel/ +7(495) 453-36-76.

на» стал системный кризис этнокультурного единства и идентичности как отдельных европейских наций, так и европейской общности в целом.

На фоне этого поворота особенно странной выглядит ультралиберальная миграционно-демографическая политика РФ, открыто декларирующая форсированное замещение вымирающего государствообразующего населения иммигрантами.

Задача данной статьи – не только выработка миграционной стратегии с точки зрения интересов общества, но и выявление субъектов, интересы которых формируют гипериммиграцию, как крайне опасное явление.

«Нехватка рабочих рук»: экономический миф и его заказчики

Итак, первый и главный вопрос миграционной политики, который обычно даже не рассматривают: а нужна ли России иммиграция, как таковая?

Позиция сторонников иммиграции такова: для экономического роста в стране не хватает рабочих рук, коренное население катастрофически вымирает, следовательно, нужен массовый завоз иммигрантов, которые «компенсируют» демографические потери и в качестве работников «обеспечат экономический рост», который якобы не может обеспечить коренное население.

В основе этой логики, на которой выстроена сегодняшняя демографическая стратегия РФ, лежит иммиграционная политика США в период индустриального бума конца XIX- начала XX в., вплоть до «великой депрессии».

Теория «рабочих рук» была верна в специфических условиях США конца XIX – начала XX вв.: неограниченных ископаемых и земельных ресурсов, лавинообразной индустриализации, почти неограниченных рынков сбыта и установки Теодора Рузвельта на перехват глобального экономического господства.

В начале индустриальной эпохи живой труд действительно был лимитирующим фактором развития экономики. Однако уже в эпоху Франклина Рузвельта самоценность «рабочих рук» приобрела спорный характер и стала функцией наличия эффективных рабочих мест.

При этом годы жесткого ограничения миграции стали Золотым веком Америки и, подчеркнем, послевоенного бэби–бума, как демографической реакции на социальную стабильность и защищенность, как следствие превышения спроса на труд над его предложением. Благотворность миграционных ограничений для американского общества не отрицают даже очевидные сторонники «мультикультурности.

В условиях XXI в., когда 200 компаний с численностью работников не более 20 млн. человек производят половину мировой товарной продукции, разговоры о «нехватке рабочих рук» должны рассматриваться либо как подлог, либо как очевидный признак профессиональной несостоятельности правительства.

Лимитирующим фактором экономического развития стали сырьевые ресурсы, в то время как производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве более чем достаточна для устойчивого развития.

Характерно, что при обосновании так называемой «трудовой миграции» постоянно используется подмена понятий: вместо понятия рабочего места, имеющего четкую, количественно измеримую привязку к отрасли, производительности труда, конкурентоспособности бизнеса, квалификации, заработной плате и др. преднамеренно используется нечетко определенное понятие «рабочих рук», позволяющее уйти как от проблемы нехватки рабочих мест, так и от проблемы эффективности и социальной полноценности рабочих мест, предоставляемых иммигрантам.

Между тем «дешевизна рабочей силы» как минимум означает расширение социальной страты застойной бедности, в то время как низкая оплата позволяет извлекать прибыль из крайне малопроизводительного, неквалифицированного и плохо организованного труда.

Еще один ложный довод в пользу массовой иммиграции – «необходимость компенсировать депопуляцию коренного населения». Логика проста: во-первых, считается, что если коренное государствообразующее население вымирает, «его численность надо восстановить», и чем быстрее, тем лучше (появляется эмоциональный довод «срочности», требующей чрезвычайных мер).

Далее понятие реального населения с его интересами и идентичностью подменяется «численностью», которую можно легко увеличить иммигрантами.

Завершающий довод – это ложное отсутствие альтернативы, требующее механического подведения численности обезличенного населения к уровню 1991 г. Поэтому любые негативные последствия массовой иммиграции являются «наименьшим злом».

Между тем «компенсация» вымирания коренного этноса принудительным вселением инокультурного населения с высоким уровнем рождаемости – в лучшем случае экономическая абстракция, в худшем – эффективная форма сознательного геноцида и этноцида. Кроме того, замещающая иммиграция – удобная форма маскировки самой депопуляции, так как согласно используемой в РФ методике ООН иммигранты уже через год после въезда учитываются в качестве постоянного населения.

Нетрудно убедиться, что за искусственно навязанным мнением о «нехватке дешевых рабочих рук» стоят три сугубо субъективных фактора:

• очевидная заинтересованность определенных секторов бизнеса в демпинге на рынке рабочей силы;

• непосредственный интерес этнических колоний и стоящих за ними государств;

• давление международных организаций, в частности МВФ, заинтересованных в размывании российской государственности и установлении прямого контроля за сырьевыми территориями.

Пределы падения: проблема оптимальной численности населения и пределы ее сокращения

Мотивируя необходимость массовой замещающей иммиграции, ее сторонники подводят нас к еще одному фундаментальному вопросу – *вопросу об оптимальной численности населения и допустимых пределах этого оптимума.*

Итак, при сохранении сегодняшней социально-экономической ситуации к 2050 г. численность населения РФ сократится до 100 млн. человек. Но что означает эта цифра и с чем ее сравнить?

Прежде всего, из-за своих климатических условий Россия всегда была страной со сравнительно небольшим населением и его плотностью.

Сегодня уже мало кто сознает, что во время Первой всеобщей переписи населения (1897г.) на территории сегодняшней РФ проживало...67 млн. 473 тысячи человек!

Испытывала ли Российская империя острый недостаток населения, требующий, например, ввоза китайцев, африканцев или индусов, (как это широко практиковалось в Британской империи)?

Напротив, в конце XIX в. в центральной России сложилась ситуация жесточайшего аграрного перенаселения, что в неурожайные годы конца XIX в. вызвало ряд голодовок с большим количеством жертв. Имея в центральных губерниях плотность населения вдвое меньше нынешней, русское правительство искало возможности не завоза иммигрантов, а заселения новых территорий!

«Катастрофическая» для апологетов замещающей гипериммиграции численность 100 млн. человек на территории РСФСР была достигнута только на рубеже 30-х годов.

Сравните: когда на территории сегодняшней РФ проживало 67 миллионов человек, в центральных губерниях катастрофически не хватало земли, а все угодья были распаханы без трактора. А 110 лет спустя, имея на этой же территории 140 миллионов человек, правительство жалуется на «нехватку рабочих рук», «безлюдье», «вымирание» и под этим предлогом организует массовый завоз иммигрантов!

Попробуем оценить «пределы падения», то есть минимальную критическую численность населения РФ, с других точек зрения.

Учитывая, что уровень и качество жизни (как цель любого демократического и социального государства) зависит не от абсолютного, а от среднедушевого объема производства (и соответственно потребления) рост населения страны будет снижать его ресурсную обеспеченность и соответственно уровень жизни.

Хотите говорить об устойчивом развитии? Похороните абсолютные экономические показатели, замените их относительными, среднедушевыми и все сразу встанет на свои места: бесконтрольный рост населения катастрофически снижает и благосостояние, и ресурсную обеспеченность (в том числе и эффективность сырьевых поставок за рубеж, влияющих на уровень жизни через среднедушевую цифру экспорта).

Строго говоря, нехватка трудовых ресурсов в той или иной сфере никак не связана с абсолютной численностью населения: это вопрос структуры экономики и эффективности системы общественного разделения труда.

Массовый завоз рабочей силы, да еще при ограниченном спросе на нее, только расширяет социальное дно и снижает жизненный уровень и, подчеркнем особо, снижает ресурсную обеспеченность граждан.

Поэтому *в современных условиях нарастания глобального ресурсно-демографического кризиса, когда национальный доход ограничивается не наличием рабочей силы, а наличием природных ресурсов как ископаемых, так и водных и земельных, идеальным решением миграционной проблемы следует признать тривиальное, нулевое решение – политику нулевой иммиграции,* что, кстати, вовсе не равноценно «железному занавесу» или другой форме закрытости и самоизоляции.

Как видите, даже сокращение населения до 100 млн. человек к 2050 г., которым пугают нас сторонники массовой иммиграции, весьма и весьма далеко от «пределов падения», о чем предметно свидетельствуют примеры климатических аналогов РФ – Норвегии, Финляндии и Канады.

Главным условием устойчивого развития остается сохранение единой идентичности населения, несовместимое с массовой инокультурной иммиграцией.

Примером долгосрочной и успешной во всех отношениях политики «нулевой миграции» является Япо-

ния, которая и в настоящее время не только имеет самое жесткое в мире иммиграционное законодательство, но и законодательный запрет на владение иностранцами недвижимостью на территории страны. Обратим особое внимание на то, что столь жесткие ограничения иммиграции нисколько не мешают ни экономическому развитию, ни свободе передвижения самих японцев, ни успешной интеграции Японии в глобальное экономическое и политическое пространство. «Нулевая иммиграция» не снизила международного престижа Японии и до сих пор не повлекла никаких санкций со стороны иностранных государств и международных организаций. Таким образом, на примере Японии можно убедиться, что основные доводы сторонников иммиграции не имеют под собой оснований.

Гипериммиграция как механизм разрушения рынка труда и социума

Последствия миграционного ультралиберализма довольно очевидны и связаны с демпингом на российском рынке труда, и без того не страдающего избытком рабочих мест.

Подробный, авторитетный и взвешенный анализ влияния гипериммиграции на социально-экономические процессы в РФ был дан в докладе Центра социальной политики Института экономики РАН «Демография и экономика: можно ли сберечь народ России?», подготовленным к 100-летию известного отечественного демографа Бориса Урланиса коллективом под руководством И.В. Соболевой.

Подчеркнем: масштабы демпинга таковы, что речь идет уже не о дестабилизации, а о разрушении рынка труда, то есть необратимой деградации.

Помимо массовой безработицы и снижения средней оплаты труда, *гипериммиграция порождает вынужденный отказ семей от деторождения,* поскольку даже при наличии у главы семьи постоянной работы появление ребенка автоматически отбрасывает семью за черту бедности.

До половины бедных слоев (с душевыми располагаемыми ресурсами до прожиточного минимума) представлено занятым населением, что совершенно не типично для большинства индустриальных экономик, где наличие оплачиваемой работы выступает достаточно надежной гарантией от бедности.

Один из показателей давления гипериммиграции на рынок труда – отмеченная академиком Львовым аномально низкая доля заработной платы в структуре российского ВНП. Средний российский работник за доллар зарплаты производит 4,5 доллара ВНП, а американский работник - 1,4! Плюс рост и без того сверхвысокой дифференциации населения по доходам.

Кому выгоден миф о «нехватке рабочих рук», которым, по сути, голословно обосновывается политика замещающей гипериммиграции? Только ли правительствам «несостоявшихся государств», экспортирующим свою социальную катастрофу? Ответ тривиален: российскому бизнесу, работодателям, сбивающим цену на труд и соответственно получающим сверхприбыли за счет снижения издержек на оплату труда. Фактически мы имеем пролоббированный на государственном уровне завоз штрейкбрехеров. При этом все прямые, косвенные и отсроченные издержки импорта безработицы и бедности плюс их не менее опасные социально-демографические последствия ложатся на граждан, живущих наемным трудом, и бюджеты, и будущие поколения.

Всего две цифры: по данным академика Львова, для ликвидации бедности в РФ требуется не более 10 млрд. долл. в год, в то время как по явно заниженным данным ФМС, только вывоз зарплаты трудовыми мигрантами превышает 20 млрд. Без комментариев.

Неэкономические угрозы гипериммиграции также довольно очевидны, еще более катастрофичны и связаны с замещением государствообразующего этноса, размыванием и дроблением идентичности населения.

От втягивания отдельных регионов в орбиту соответствующих государств – до ускоренной «югославизации» России с последующим разделом государства и оккупацией третьими странами. Подчеркнем: «югославизация» России, размывание и дробление единой идентичности ее населения – официальное направление политики Запада в отношении РФ. В этом же направлении ведется и ультралиберальная миграционная политика.

Объективные критерии желательности иммигрантов

Неизбежный выход для России – ужесточение иммиграционной политики, вплоть до японской модели «нулевой иммиграции», либо саудовской модели «нулевой натурализации».

В качестве минимальной меры защиты внутреннего рынка труда неизбежна общепринятая в мировой практике дифференциация иммигрантов по критериям желательности.

Принципом выбора критериев желательности должна быть не только востребованность претендента на рынке труда или наличие существенного капитала (экономические критерии), но и реальная практика развития межнациональных отношений в различных государствах,

в особенности практика этнических и социальных конфликтов с участием иммигрантов и этнических колоний.

И хотя критерием желательности не может быть этническая, расовая или конфессиональная принадлежность человека, как таковая, следует видеть за деревьями лес и признать, что у каждой этнической общины можно выделить обобщенные социально-демографические характеристики, влияющие на результаты миграционных процессов.

При этом ведущим комплексным критерием безопасности миграционной политики будет отсутствие тенденции к образованию этнически обособленных от социума принимающей страны общин и анклавов.

Идеальным с точки зрения *этнокультурной совместимости* результатом иммиграции является их ассимиляция (интеграция) в социум страны пребывания в течение 1-2 поколений и приобретения общей идентичности.

Максимально нежелательным – образование обособленной общины, не склонной к интеграции, враждебной или потенциально враждебной коренному населению.

Важнейший критерий желательности иммигрантов – характерная для данного этноса рождаемость, определяющая тенденции роста общины иммигрантов (этнической колонии), то есть склонность к демографической экспансии.

Другой критерий потенциальной опасности – потенциальная мощность миграционного потока (миграционной экспансии), определяемая численностью населения и рождаемостью страны-эмитента (то есть абсолютным приростом населения) при наличии разности уровня жизни.

Следует отметить, что такая система объективных критериев желательности иммигранта (востребованность на внутреннем рынке труда, наличие капитала, максимальная этнокультурная совместимость и умеренная рождаемость) фактически положены в основу миграционно-демографической доктрины Евросоюза, США и Канады. И в таком качестве могут рассматриваться в качестве образца для РФ.

Новая миграционная политика и интеграция СНГ

Список последствий замещающей гипериммиграции для России катастрофичен: очевидный рост безработицы, снижение оплаты труда, снижение рождаемости среди коренных жителей РФ, резкое усиление межнациональных противоречий, переход к социальной модели «третьего мира» (хроническая бедность), а в перспективе раздел РФ.

Но что получают страны СНГ, использующие экспорт безработицы как способ латентного финансирования за счет РФ?

Тоже ничего хорошего. Консервацию социальной катастрофы, обесценивание неиспользуемых производительных сил, жилья и др. за счет массового оттока экономически активного населения в РФ, тотальная зависимость от денежных потоков, высылаемых колониями (диаспорами) с территории РФ, делающая «несостоявшиеся государства» заложниками стабильности российской экономики и социальной ситуации, которую они сами же усугубляют своей стратегией «миграционного паразитирования» на экономике РФ.

Подчеркнем особо: найдя легкий способ экономической подпитки за счет эмиграции, многие сопредельные с РФ государства довели внутреннее производство до полного развала и самостоятельно выйти на еще советский уровень неспособны по целому ряду причин.

Естественный вопрос: как компенсировать нашим соседям утрату ставших привычными денежных потоков, связанных с экспортом безработицы в РФ?

Ответ первый: компенсация. Непосредственная компенсация в виде прямой адресной гуманитарной помощи от имени России. О масштабах прямых и косвенных потерь мы уже говорили. Не проще ли прекратить латентное дотирование и возобновить дотирование СНГ в качественно новом формате - в форме прямой и политически обусловленной гуманитарной помощи, осуществляемой российскими государственными структурами и НПО, а также через межгосударственные проекты и целевые программы в экономике и гуманитарной сфере.

Важно, что переход от латентного дотирования к прямой адресной поддержке принципиально поднимет авторитет и влияние РФ в ближнем зарубежье.

Такая политика прямого управления дотациями (а чаще – кредитами) через НПО, международные институты (МВФ, МБРР и др.), правительственные агентства (USDA, USAID) широко используется странами НАТО, в том числе на территории РФ и Украины. Подчеркнем: прямая гуманитарная поддержка соседей может и должна быть политически обусловленной, в частности, неразмещением иностранных военных баз и определенными гарантиями для русской диаспоры и бизнеса.

При этом эффективность затрат на «новую интеграцию» – прямую экономическую поддержку стран СНГ по принципу «закрытие внутреннего рынка РФ труда в обмен на эффективную экономическую поддержку» следует оценивать, исходя как минимум, из прямых экономических потерь, связанных с неконтролируемым дем-

пингом на рынке труда РФ.

Однако самый перспективный путь выхода из тупика «миграционных войн» – смена курса от «окончательного развода» к новой интеграции, предполагающей как системную программу экономической помощи и далее совместное восстановление и модернизацию несырьевого сектора экономики стран Содружества в рамках совместных проектов как межгосударственных, так и коммерческих. Помимо прямой выгоды, эти проекты создадут социальный эффект – полноценные и стабильные рабочие места и в РФ, и в ближнем зарубежье.

О возможностях такого развития говорит не только опыт Советского Союза, но и многочисленные экономические объекты, возведенные в целом ряде стран мира не безвозмездно, а на сугубо коммерческой основе. Почему модель отношений, работавшая с Индией 60-х годов, не может работать в условиях Киргизии или Таджикистана?

Однако главным результатом «новой интеграции», оправдывающим любые затраты, будет предотвращение катастрофических системных последствий тупиковой политики Москвы, сочетающей отказ от экономической поддержки СНГ с политикой замещающей гипериммиграции.

Выводы

1. В настоящее время в РФ отсутствует адекватная демографическая стратегия в области миграции, отвечающая национальным интересам и требованиям национальной безопасности.

Сегодняшняя миграционная политика носит ситуативный характер, в значительной мере определяется давлением заинтересованных этнических лобби и иностранных государств, не отражает интересов большинства населения и в результате создает систему угроз и конфликтов, имеющих тенденцию к росту и обострению.

2. Целевым критерием миграционной стратегии в условиях нарастания мирового ресурсно-демографического кризиса следует считать сохранение субъектности и идентичности населения, что несовместимо с массовой инокультурной иммиграцией, особенно в условиях суженного воспроизводства государствообразующего населения.

3. Экономические доводы в пользу «ввоза рабочих рук» откровенно манипулятивны и отражают узкие интересы определенных страт бизнеса, в то время как нарастающий демпинг на российском рынке труда становится одной из наиболее острых социальных проблем, не имеющих решения в рамках действующей миграционно-демографической политики.

4. Само по себе абсолютное сокращение численности населения РФ не является угрозой, так как достаточно далеко от нижней границы экономического оптимума для соответствующей климатической зоны.

5. С точки зрения национальных интересов, субъектом которых следует считать население РФ, оптимальной можно считать политику «нулевой» или минимально возможной иммиграции, успешным примером реализации которой является Япония.

6. Политика минимизации и дифференциации иммиграции не исключает, а, наоборот, оптимально сочетается с политикой реинтеграции постсоветского экономического пространства, так как создает рабочие места и соответственно снижает миграционное давление.

Литература:
1. Демография и экономика: можно ли сберечь народ России? (к 100-летию БЦ. Урлaниса) / Под рук. И.В. Соболевой. - М., Центр социальной политики Института экономики РАН, 2006.
2. Маркарьян С.Б. Иммигранты в Японии: проблемы адаптации. Ассоциация японоведов. http://www.japan-assoc.ru/links/index.html.
3. Полыхаев И. Японская иммиграционная политика. http://zhurnallib.ru/p/polyhaew_i/japonija.shtml
4. Лозанский Э.Д. Этносы и лоббизм в США: о перспективах российского лобби в Америке. - М.: Международные отношения, 2004.
5. Бурдуков П., Орлов А. Демография, как продолжение политики иными средствами. http://ethnocid.netda.ru/ analitika /060116burdukov.htm. 1997.

Материал поступил в редакцию 04. 09. 2008 г.

УДК 314.727

© Осьмачко С. Г.
Osmachko S.G.

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ РЕФОРМИРУЮЩЕГОСЯ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ И БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ ВЫТЕСНЕНИЕ

CRISIS OF IDENTITY OF RUSSIAN SOCIUM BEING RERFORMED: IDEAL TYPES AND BUREAECRATIC REPLACEMENT

Аннотация. *Рассмотрены некоторые актуальные проблемы социальной идентификации, возникшие в последние годы в России.*

Annonfnion. *Some actual problems of the social identification appeared last years in Russia are examined.*

Ключевые слова. *Кризис идентичности, реформирование, российский социум, идеальный тип, бюрократическое вытеснение, хозяйственная активность.*

Key words. *. Crisis of identity, reforming, Russian socium, ideal type, bureaucratic replacement, economic activity.*

Трудность оценки современного положения России, состояния каждого россиянина предопределяется не столько содержанием реформ, проводившихся в последние 25 лет, сколько затруднениями в их методологии, связанными, прежде всего, с общими проблемами социальной идентификации.

Понятия «идентичность», «идентификация», «самоидентификация» носят исключительно сложный, многоуровневый и междисциплинарный характер (рис. 1).

В современной литературе авторы, говоря об идентичности, обращаются к трудам Э.Х.Эриксона, М.Вебера, П.Бурдье, П.Бергера, Т.Лукмана и др. Особую актуальность теории идентичности (в отношении России, россиян) придает крайне назревшая потребность нашего общества в понимании «себя в отношении себя», «себя в отношении окружающего», «окружающего в отношении себя». Именно через механизмы самоидентификации можно и нужно объективно определяться относительно сущности индивидуальной и социальной реальности. И в таком аспекте поиски идентичности, самоидентификации выступают не столько особенностью, сколько потребностью каждого и всех.

Кроме этого, самоидентификация есть процесс обнаружения не абсолютной, но объективной истины в области общих и частных самооценок. Этот процесс носит циклический, маятниковый характер, когда периоды относительно равномерного движения сменяются кризисами (застоем, зависанием, ускоряющимся возвратом) а те в свою очередь - новым по качеству движением.

Ничто и никто не может долго оставаться тождественным самому себе. Идентичность есть уподобление, не сама тождественность, но ее поиск. Между вещами, процессами, явлениями может существовать и подобие (похожесть, совпадение нескольких признаков), и равенство (совпадение основных сущностных признаков), и одинаковость (совпадение всех известных признаков) и т.п. При оценке реформирующейся политической, социально-экономической системы России важно видеть различие этих нюансов, дабы не впадать ни в дряблый политический софизм, ни и объективистско-пошлую демагогию в оценке пройденного пути.

Что есть критерий идентичности? В разные времена в качестве такового назывались душа, тело, сознание, ответственность, государство и пр. Нам представляется,

Осьмачко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор Ярославского высшего зенитного ракетного училища ПВО, тел. +7(495)543-36-76.

Osmachko Sergey Grigoryevich– the doctor of historical sciences, the professor of the Yaroslavl Supreme Antiaircraft Missile School of Airdefense, tel. +7(495)543-36-76.

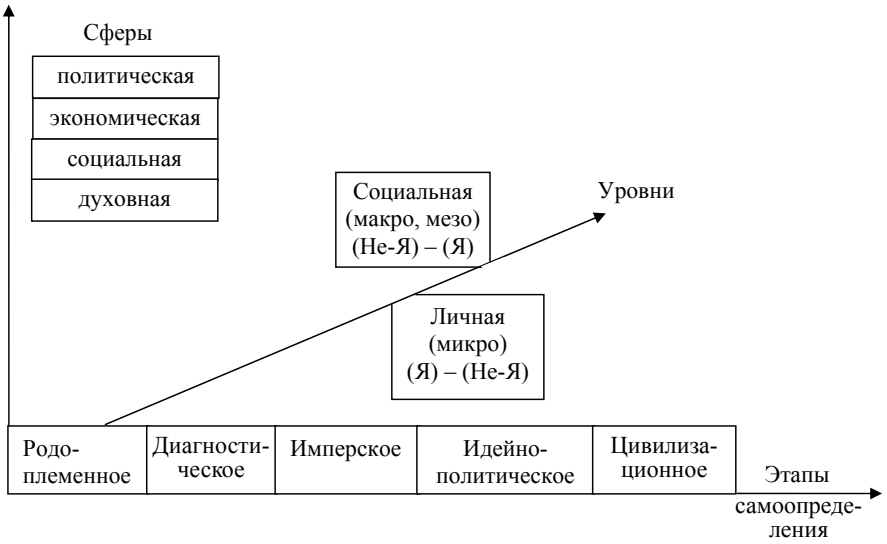


Рис. 1. Система идентичности

что субстанциональный подход здесь непродуктивен. Он в лучшем случае мог институционально обслуживать авторитарно-тоталитарные идентификационные модели. Ныне в условиях развития процессов глобализации, усиления индивидуализма, прагматизма, уместнее говорить об изначальной необходимости точечной идентификации (от малого к менее малому, от частного к общему, от персонального к социальному), вектор которой суммируется с достаточной очевидностью.

Поиск идентичности – всегда поиск сходства. Здесь важен и процесс объективного самопознания, и объективного сравнения с иными. Поэтому вывод о том, что ни существующий отдельно человек, ни закрытое общество не могут быть объективными в самооценках, не могут достигать высоких степеней самоидентификации, не кажется парадоксальным. В этом аспекте Россия, отказавшись от автаркии «железного занавеса», россияне, как бы вдруг узнавшие об окружающем мире и о себе так много, имеют шанс на успешное преодоление очередного кризиса идентичности.

Логика векторной, точечной идентификации заставляет усомниться в первостепенной важности для сегодняшнего этапа нашей истории выработки так называемой национальной идеи. Преодоление кризиса идентичности будет происходить по пути постоянного уточнения политического, экономического, социального и духовного курсов развития человека и общества. В настоящее время эти направления в России только абрисно оформляются, и рассчитывать на вдруг возникшую «удобную» теорию, идею, которая «нас спасет», значит потакать дряхлеющим, но не ушедшим архетипам (неважно каким: вещий старец, князь-спаситель, Родина-мать, президент на все времена и т.п.), пособничать внешне осуждаемой архаике.

В основе кризиса любой идентичности (в определенной степени условно, схематично) лежит противоречие устаревающей традиции и растущей, частично неопределенной новации. Старое, во многом не соответствуя реалиям, демонстрирует эффект слабости; новое дает силу и надежду (не всегда оправданную). Старое реагирует на окружающие изменения дологически, стандартно, новое – рационально и нетрадиционно. Утрата традиции для человека, общества сродни катастрофе, но опаснее и вреднее искусственный отказ от еще значимых форм существования персональной и социальной реальности. Не случайно У.Черчилль утверждал: «Нации либо следуют своим традициям, либо умирают».

Человек и общество с сильными, слабыми кондициями идентификации существенно различаются между собой (табл. 1).

В условиях слабого типа самоидентификации растерянное сообщество может с облегчением воспринять «национальные идеи», круто замешанные, например, на агрессии, национализме, ксенофобии, религиозной нетерпимости, расизме, диктатуре, образе внутреннего и внешнего врага и т.п. Тем более это массовое, обыденное сознание отражает мир в бинарном («черно-белом») варианте, а исторический процесс ему представляется двухступенчатым: «раньше» (все было хорошо или плохо) и «теперь» (все стало хорошо или плохо). В таком случае, например, при оценке текущего момента необходимость модернизирующих реформ выносится за скобки, а они сами, их акторы видятся причинами неблагополучия (что мы и наблюдаем в отношении либерализации 90-х гг. прошлого века). Способность видеть меняющуюся преемственность, конечно же, репрезентирует иную картину положения России и в России.

Таблица 1

«Я» и «не Я» в процессе самоидентификации: сильный и слабый уровень осуществления

Сильный	Слабый
Объективность в оценке себя и окружающего; способность организовывать деятельность на более долгий период, возможность законного порядка, реалистического планирования; способность достигать заявленные цели, выполнять принимаемые решения; способность выбирать варианты поведения, развития; способность противостоять внутреннему и внешнему давлению	Искаженное восприятие себя и окружающего; импульсивная деятельность, сиюминутность, планирование влиянием момента; достижение меньшего, чем возможно, успеха в продуктивной деятельности из-за больших затрат энергии на защиту искаженных, нереалистических представлений о себе и окружающем мире; враждебность к реалиям иного мира

Трудно не согласиться с Ф. Ницше, утверждавшим, что «история должна... прежде всего, сообщать людям мужество быть честными». В одной из своих работ наш великий соотечественник М. Е. Салтыков-Щедрин, называя русское «общество» позапрошлого века «сбродом», с горечью писал: «Благодаря своекорыстному и пустомысленному настроению этого сброда, незаметно потонули первые, робкие проблески сознательного отношения русской мысли к русской действительности. Рядом с величайшей драмой ... шла позорнейшая комедия пустословия и пустохвальства, которая не только застилала события, но положительно придавала им нестерпимый колорит. Люди заведомо презренные, лицемеры, глупцы, воры, грабители-пропойцы, проявляли такую нахальную живучесть и так укрепились в своих позициях, что, казалось, вокруг происходит нечто сказочное. Не скорбь слышалась, а какое-то откровенно подлое ликование, прикрываемое рубрикой патриотизма. Никогда пьяный угар не охватывал так всецело провинцию, никогда жажда расхищения не встречала такого явного и безнаказанного удовлетворения». Слишком знакомая картина. Типическая реакция немодернизированного социума на резкое изменение ситуации. Но проблема типического в социальной и персональной самоидентификации обязательно должна решаться на позитивном основании.

В точечной, локальней идентификации не обойтись без изначально обобщающих ориентиров. В качестве одного (может быть, ведущего) выступают «Россия», «россияне» – во многом условный, но все интегрирующий образ, предполагающий ответ на вопросы: что есть Россия? Кто мы? Кто я? Как мы и я соотносимся с Россией? и др.

Этот высший ориентир идентификации сходен с идеальным типом, введенным М.Вебером. Он также конструируется, создается и обыденным сознанием, и политической идеологией. Задача элиты нации – понимая сущность архетипического, типического, ментального, исторического, цивилизационного, сиюминутно-повседневного и пр. в нас самих, в окружающем, не просто отражать, оценивать цепь происходящих событий, но творчески ее конструировать, обогащать духовно, вырабатывать некий научный образ, идеал идентификации россиян (здесь разработка «национальных идей», «новой идеологии» уместна, но как частная задача, подчиненная решению общей проблемы национальной самоидентификации).

Решение этой задачи позволит переходить от определения, уточнения общероссийской социумной идентичности к требуемой сегодня идентичности модернизационного типа.

Объективная социумная (общероссийская) самоидентификация, как процесс соотнесения коллективного «Мы» с прошлым, настоящим и будущим, в данный момент исключительно необходима. В основе этого процесса лежит противоречие старого, уходящего и нового, становящегося. На наш взгляд, Россия – страна становящейся цивилизации, культуры, облик которой пока лишь смутно проявился в исторической реальности.

После распада СССР в общественном и индивидуальном сознании наблюдается острейший кризис идентичности (рис. 2).

Вопрос, с чем соотносить, отождествлять Россию, носит далеко не праздный характер. С одной стороны, мы наблюдаем какие-то позитивные моменты модернизационного движения. Здесь можно отметить открытость внешним воздействиям, полицентризм, распространение новых технологий, создание информационного пространства. Думается, что в конце XX в. в России началось создание современного либерального общества, которое (с точки зрения идентичности) движется к более высокому типу личностно-общественного соответствия.

С другой стороны, традиционная иерархия идентичностей (держава – группа – семья – индивид) долгое время находилась в закостеневшем состоянии. Граждане СССР, например, четко осознавали себя частью большой державно-народной общности и чрезвычайно болезненно отреагировали на распад Советского Союза. Нынешние державные потуги российских властей их чаще всего

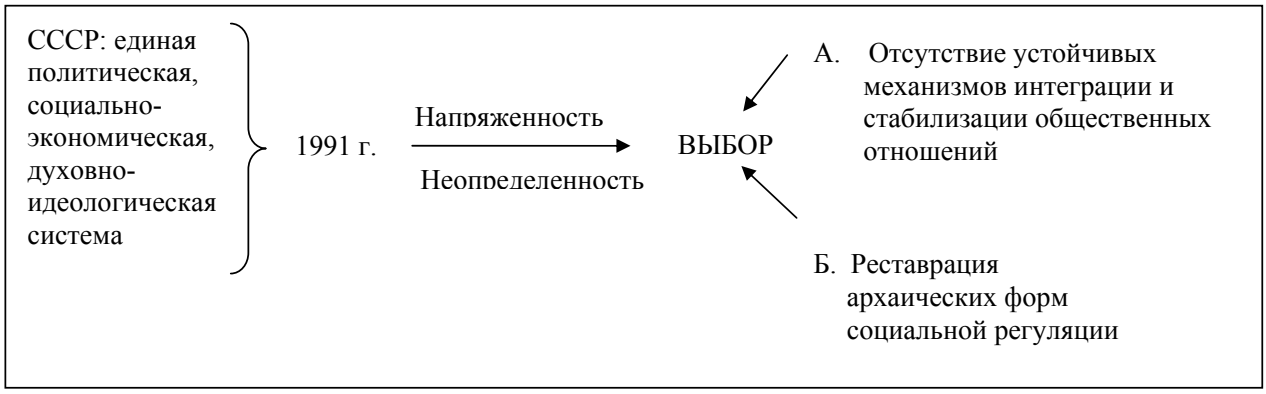


Рис. 2. Структурный кризис общероссийской идентичности

не удовлетворяют. Архетип этатизма, державная ментальность - сильнейшие раздражители идентификационных актов, основа внутреннего политического конфликта. Результатом действия вышеназванных процессов является архаизация общественных отношений, возврат к традиционным основаниям самоопределения (семья, обычаи, традиции и пр. - то, что дает ощущение незыблемости, фундаментальности, основательности).

Напомним, что традиционным является то общество, в котором собственно традиция выступает основным способом передачи социального опыта; доминируют формы личной зависимости человека от человека; ограничителем личных свобод выступает внеэкономическое принуждение; не поощряются личные и социальные инновации и пр.

Таким образом, кризис российской идентичности вызывает острые дискуссии о том пути, по которому должна пойти Россия. Тем более, что нынешнее основание самоопределения – цивилизационное – полицентрично, то есть изначально спорно.

Полицентричность позиций самоопределения приводит к тому, что многие проблемы, казалось бы, однозначные, трактуются субъективно:

1) российское общественное состояние является проявлением отсталости или самобытности?

2) проявления свободомыслия априорно позитивны; но почему идеолого-информационные лакуны немедленно заполняются околонаучной белибердой, религиозным мракобесием, отрицанием де-факто атеизма. Казалось бы, общество, озабоченное идеей выживания, не оценивает режим свободомыслия как первоочередную проблему; но почему даже небольшие его «посевы» дают преимущественно «урожай сорняков»?

3) богатство в России традиционно рассматривается как порок, обман, воровство, жестокость и пр. Положительно уже то, что оно все чаще выглядит ведущим элементом этики успеха. Возможно, постепенно формируется социокультурный механизм вовлечения богатства в процесс решения социальных проблем. Хотя, однозначно, уровня этической регуляции, этот механизм еще не имеет. М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» показывал (на примере перехода от традиционного общества к капиталистическому), что для прорыва на новый уровень социально-экономического развития необходимо органичное соединение практицизма и высокой этической культуры. Потребительский индивидуализм достаточно нормален, если он базируется на конструктивной хозяйственной активности. При этом мы имеем дело с производителем, созидательным хозяином. В противном случае, когда освобождение индивидуальных практических мотиваций осуществляется через отмену альтруистических ценностей, мы обязательно сталкиваемся с авантюристами, стремящимися к быстрому обогащению, спекулянтами, нуворишами.

Относительно последней социальной группы отметим, что их жизнь:

а) складывается из периодов, лишенных необходимой внутренней смысловой связи;

б) не наполнена долговременной устойчивой положительной мотивацией. В итоге, подобного рода дельцы становятся доминирующей силой, способной деформировать общественные представления о либеральной демократии;

4) происходит переосмысление значения гражданственности (в данном случае речь идет о способе самоидентификации личности в политико-правовом отношении). Если в обществе наблюдается отчуждение граждан от политики, то не менее заметен и разрыв между правами и обязанностями субъектов политических отношений. В этих условиях гражданственность традиционно негативно заменяется лояльностью власти, а традиционно позитивное ее проявление вырождается в нонконформизм или политический активизм.

Эти и многие другие примеры свидетельствуют

о значимости и необходимости адекватного процесса общественно-субъектной идентификации.

Представители современной бюрократической элиты, приступая к очередному предвыборному витку «усовершенствования» России, вынуждены учитывать *не только характер переживаемого Россией этапа трансформации, но и проблематику социокультурной, личностной идентификации.*

Ученые традиционно выделяют несколько основных эпох (этапов) социальной трансформации в России (табл. 2).

воздействует на все проблемы современного российского социума, в том числе и на определяющие воспитательные процессы в стране и в армии.

Переход от «казарменного социализма» и либеральной демократии западного образца происходит с огромными затруднениями; результат этого процесса в настоящее время непредсказуем.

Ответ на вопрос, почему в России так трудно осуществляется любая программа реформ, в чем причина их низкой эффективности, насильственности и затратности, даст возможность лучше определить направления

Таблица 2

Периодизация этапов социальной трансформации в истории России

Исторический вектор направленности преобразований	Хронология
От удельно-княжеской, холопско-городской к абсолютистско-вотчинной, аграрно-крепостнической традиционализации.	VIII-XVI вв.
Ранняя военно-просвещенческая модернизация.	XVII-сер.XIX вв.
Через маятниковые трансформации – к зрелой модернизации:	середина XIXв. – наше время
• реформы Александра II, положившие начало комплексной модернизации России;	50-70-е гг.XIX в
• революционно-деформированная модернизация, военно-техническая модернизация сталинской эпохи;	1-я пол. XX в.
• переход к зрелому модернизационному процессу	с середины 80-х гг. XX в.

Современная Россия - это уже не то геополитическое пространство, которое существовало до 1917 г. или в советское время. Распад СССР породил следующие реалии: образовалось новое государство с вдвое меньшим количеством населения; урезанной территорией и необорудованными границами; произошел разрыв вековых экономических и социально-политических связей; основной цивилизационнообразующий этнос оказался неадекватно расселен на различных территориях и пр. Новая геополитическая реальность властным образом

дальнейшего движения.

На трудности реформ влияли следующие обстоятельства:

1. Негативные традиции взаимоотношений государства и общества (рис. 3)

2. Чрезвычайный характер основных реформаторских инициатив власти, связанный с осознанием (подлинным или мнимым) потребностей «догоняющего» развития страны (рис. 4).

Соответственно логике «преследования», вместо

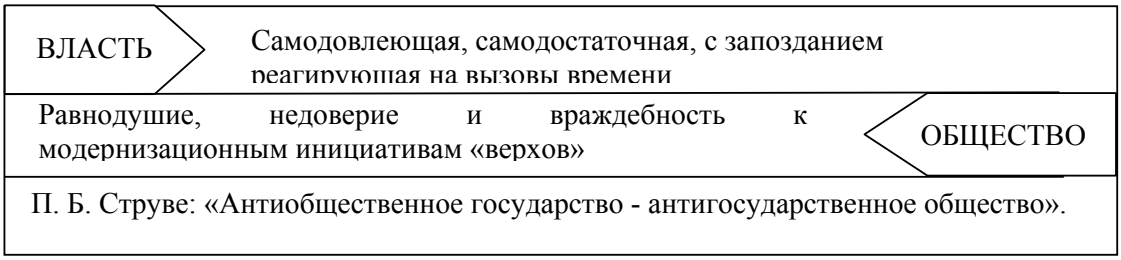


Рис. 3. Негативные традиции во взаимоотношениях государства и общества

Россия – «догоняющая» цивилизация	Бессинтезный характер складывания (до и после Древнерусского государства)
	Княжеско-вотчинный (военно-служилый) характер колонизации Владимиро-Суздальской земли и складывания Единого российского государства

Рис. 4. Исторические факторы образования «догоняющей» цивилизации в России

постепенных реформ в России чаще осуществлялись резкие вторжения в общественный процесс в виде:

а) социального взрыва (массовые движения, революции);

б) «революций сверху», инициированных властью (последняя, не ограничивая себя в средствах, не останавливалась перед ломкой устоявшихся норм и институтов), с помощью которых пытались преодолеть системный кризис в стране.

3. Осуществление преобразовательной деятельности в условиях обострения социальных противоречий в обществе, вследствие чего задачи модернизации достаточно быстро отступали на второй план, уступая сиюминутным потребностям борьбы за власть (например, становление сталинизма в 20-30-е гг. XX в., исход «перестройки» М. С. Горбачева, конфликт Б. Н. Ельцина и советской власти в 1991-1993 гг. и пр.).

4. Отсутствие преемственности усилий реформаторов от поколения к поколению, от режима к режиму в разрешении некоторых проблем стратегического характера.

5. Слабая скоординированность нововведений с широко понимаемыми национальными интересами страны, инициирование и осуществление их в угоду лишь отдельных сословий, классов, социальных групп, кланов, элит.

6. Недостаточный учет факта многонационального и многоконфессионального состава населения страны, неупорядоченности межрегиональных и федеративных отношений в масштабах огромного государства.

Таким образом, можно выделить определенную иерархию факторов успешности реформ в России:

- своевременность;
- конструктивность;
- наличие четко продуманных, реалистических концепций и планов преобразований;
- ориентированность на широкие социальные слои;
- постоянная корректировка направления реформ, сроков, темпов, форм и методов их реализации в соответствии с общественными вызовами;
- наличие механизма постоянного давления общества на власть с целью принуждения ее к своевременной и адекватной реакции на вызовы времени;
- минимизация цены реформ для населения.

Сегодня реформы в России, безусловно, востребованы. С другой стороны, в последнее время делаются пессимистические выводы о фатальной нереформируемости нашей страны. С ними трудно согласиться, хотя нужно понимать, что процесс реформирования предполагает оптимальную эффективность реформаторских усилий.

В социально-политической системе России огромную роль играет бюрократия. В любом обществе она (чиновничество, аппарат) есть необходимое и неизбежное условие функционирования политики и власти. Некоторые специфические особенности работы органов власти (разрастание и усложнение функций, владение техникой административной работы, обладание информацией и документацией, возможность готовить и интерпретировать государственные решения, вести переписку с населением и пр.) делают большую часть общества и высшие инстанции зависимыми от аппарата, а сам аппарат – достаточно авторитарным и самовластным. Отсюда, конечно, и проистекает негативный смысл слов «бюрократия», «чиновничество» и т.п.

В трудах М. Вебера показано, как с приходом капитализма происходит усиление бюрократии в процессе закономерного политического отчуждения власти (рис.5).

Развитие капитализма
Рационализация всей общественной жизни
Неизбежная формализация социальных отношений (негативное значение)
Становление бюрократии как доминирующей формы организации
Обезличивание человека, утрата им индивидуальной инициативы и свободы, превращение индивидуума в бесстрастного исполнителя воли организации

Рис. 5. Бюрократизация как негативное следствие политического отчуждения (по М. Веберу)

В результате чиновничество:

а) обладает политической собственностью - свободой распоряжения массами людей по своей воле. За счет должности бюрократ удовлетворяет свои потребности; карьерный рост становится ростом возможностей деструктивно-коррупционного значения;

б) отождествляет общество, государство и порядок управления. Соответственно бюрократизированное государство постоянно идеализирует чиновников, распространяет представление о них, как об идеальных гражданах, необходимом элементе решения всех проблем. Естественно, что остальные граждане делятся на лояльных и неблагонадежных в зависимости от принятия или непринятия этих подходов.

Сложность российской версии бюрократизации состоит в том, что в среде управленческих отношений у

нас до сих пор сохраняется несколько типов руководства и подчинения (табл. 3).

Таблица 3

Основные типы руководства и подчинения в политической культуре России

Наименование типа	Содержание
Традиционный	Основан на авторитете родоплеменных связей и отношений землячества, кунакства, клановости и пр. Распространен на Северном Кавказе, у коренных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока и пр.
Сюзеренно-вассальный	Характерен для отношений бывших кочевников в европейской и азиатской частях страны.
Авторитарно-патерналистский	Встречается в российской «глубинке», в том числе связанной с деятельностью ВПК, ТЭК.
Государственно-бюрократический	Характерен для официальной деятельности преимущественно городских государственных учреждений.
Государственно-криминальный	Коррупционный в последние годы получает повсеместное распространение и опирается на вышеперечисленные традиции

Бюрократия удивительно эффективно приспособилась ко всем указанным типам руководства и подчинения. Приходится констатировать, что появившиеся в 90-в гг. XX в. в политической практике России «островки», элементы современной политической культуры, скопированные с западных образцов, демонстративно противостоят авторитаризму, бюрократизму, традиционализму и пр. Но эти модернизированные фрагменты плохо приживаются на густо унавоженной бюрократической почве и более приукрашивают политический фасад, нежели обеспечивают политическое участие. Российская бюрократия сегодня находится в состоянии сложной эволюции, характерными чертами которой являются:

1) государственный формализм, т.е. превращение политических целей государства в канцелярские задачи. Такое снижение качества в свою очередь является проявлением политического провинциализма и аутсайдерства нашей элиты;

2) отсутствие ответственности бюрократических властных групп перед народом. Бюрократическое управление становится недоступным сознательному контролю, но претендует на всеобщность и разумность;

3) значительный численный рост бюрократии, ее дробление на основе соперничества конкурирующих политико-финансовых кланов, оказывающих возрастающее влияние на формирование отечественной политики;

4) корпоративизм и кастовость. Чиновники относятся друг к другу как «уважаемые люди»; но они испытывают презрение ко всем, кто не допущен к власти, распределению благ и пр. Государственная должность все более приобретает наднациональный характер;

5) высокий уровень коррумпированности;

6) формальный характер департизации управленческого аппарата;

7) патрон-клиентный характер отношений между различными уровнями управления;

8) вертикальная структурированность бюрократического корпуса, жесткая иерархичность (чрезвычайно усложненная и малоэффективная);

9) монополизация политических разума, морали, смысла, успеха. Любая система государственного управления стремится исключить себя из числа причин социального неблагополучия. Власть чаще всего снимает с себя вину за социальные противоречия и возлагает ее на общество и граждан (находятся деструктивные силы, объективные обстоятельства, случайности, даже природные катаклизмы и пр.). Для нейтрализации критики своих действий чиновничество использует механизмы формализации и отчуждения;

10) политический авантюризм (активное участие в политической жизни, пренебрегающее знанием реальной обстановки, соотношением сил и средств, закономерностей общественной жизни). Авантюрная политика, как правило, заканчивается поражением, влечет за собой материальные и прочие потери, но расплачивается за это тот же народ, но не власть.

Все вышеперечисленное, к сожалению, демонстрирует рост самодовлеющего значения бюрократии, которое вытесняет здравый смысл из всех российских реформаторских кампаний, затрудняет социальную идентификацию.

Материал поступил в редакцию 04. 09. 2008 г.

III. ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

УДК 371

© Бухарин С.Н.
Buharin S.N.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА БУРЖУАЗИИ ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(часть II)

INFORMATION WAR OF BOURGEOSIE AGAINST THE RUSSIAN EMPIRE (PART II)

Аннотация. *Данная статья является продолжением материалов, опубликованных в предыдущем номере. В работе исследуется роль буржуазии в падении Российской империи.*

Annonfnion. *The given article is continuation of the materials, published in previous issue. The role of bourgeoisie in falling of the Russian Empire is researched in the paper.*

Ключевые слова. *Информационная война, буржуазия, Российская империя, внешняя агрессия, большевики, поражение, временное правительство.*

Key words. *Information war, bourgeoisie, Russian empire, external aggression, bolsheviks, defeat, provisional government.*

Внешняя информационная агрессия

Помимо внутренних противников в информационной войне, Россия подверглась информационной агрессии как со стороны Германии, так и своих союзников, прежде всего Англии.

Как писал в «Очерках русской смуты» генерал А.И. Деникин: «Наряду с аэропланами, танками, удушливыми газами и прочими чудесами военной техники, в последней мировой войне появилось новое могучее средство борьбы – пропаганда... Широко поставленные технически, снабженные огромными средствами органы пропаганды Англии, Франции и Америки (в особенности Англии) вели страшную борьбу словом, печатью, фильмами и... валютой, рапространяя эту борьбу на территории вражеские, союзнические и нейтральные, внося ее в область военную, политическую, моральную и экономическую... Германия потерпела поражение политическое, экономическое, военное и моральное. Только взаимодействие всех этих факторов предрешило фатальный для нее исход борьбы, обратившейся под конец в длительную агонию. Можно было лишь удивляться жизнеспособности немецкого народа, который в силу интеллектуальной мощи и устойчивости политического мышления, продержался так долго, пока, наконец, в ноябре 1918 г. «двойной смертельный удар как на фронте, так и в тылу» не сразил его. При этом история, несомненно, отметит большую аналогию той роли, которую сыграли «революционные демократии» России и Германии в судьбах народов. Вождь немецких независимых социал-демократов после разгрома познакомил страну с той большой и систематической работой, которую они вели с начала 1918 г. для разрушения немецкой армии и флота во славу социалистической революции. В этой работе поражает сходство приемов и методов с теми, которые практиковались в России».

Бухарин Сергей Николаевич – кандидат физико-математи-ческих наук, старший научный сотрудник ИПУ РАН им академика В. Трапезникова, тел +7(495)580-48-80.
Buharin Sergey Nickolaevich – the candidate of physical and mathematical sciences, the senior research scientist of IMP RAS of a name of the academician V.Trapeznikov, tel. +7(495)580-48-80.

Информационная война Германии против России велась в трех направлениях – в политическом, военном и социальном [6]. На первом направлении была поставлена цель – расчленить Россию. Первым шагом в направлении реализации данной цели было повозглашение 5 ноября 1916 г. Польского королевства с территорией, которая должна была распространяться в восточном направлении «как можно дальше». Планировалось создание «независимых», но находящихся в унии с Германией Курляндии и Литвы; раздел Белорусских губерний между Литвой и Польшей и, наконец, подготовка отсоединения Малороссии, осуществленного в 1918 г. В связи с этими планами активно поддерживались сепаративные круги в данных регионах империи.

Сил и средств для осуществления информационной агрессии у Германии было более чем достаточно. Как писал А. Деникин: «В состав немецкой квартиры входило прекрасно оборудованное «бюро прессы», которое, помимо воздействия и направления отечественной печати, руководило и пропагандой, поникавшей преимущественно в Россию и Францию. Милюков приводил циркуляр германского министерства иностранных дел всем представителям его в нейтральных странах: «Доводится до вашего сведения, что на территории страны, в которой вы аккредитованы, основаны специальные конторы для организации пропаганды в государствах, воюющих с германской коалицией. Пропаганда коснется возбуждения социального движения и связанных с последним забастовок, революционных вспышек, сепаратизма составных частей государства и гражданской войны, а также агитации в пользу разоружения и прекращения кровопролитной бойни. Предлагаем вам оказывать всемерное содействие руководителям означенных пропагандистских контор».

Когда российское высшее военное командование попыталось создать подобный орган при Ставке, инициатива не нашла должного понимания ни со стороны Временного правительства, ни со стороны буржуазной общественности. Все колоссальные усилия 2-го генерала-квартирмейстера генерала Маркова по созданию органа информационного противоборства при Ставке («рупор» Ставки) были пресечены решением Временного правительства и лично Керенского передать выделенные для данной цели финансовые ресурсы в распоряжение солдатских комитетов.

«С началом кампании немцы изменили направление своей работы в отношении России: не нарушая связей с известными реакционными кругами двора, правительства и Думы, используя все средства воздействия на эти круги и все их побуждения – корысть, честолюбие, немецкий атавизм, иногда своеобразное понимание патриотизма, – немцы вступили одновременно в тесное содружество с русскими революционерами в стране и особенно за границей в многочисленной эмигрансткой колонии. На службу немецкому правительству прямо или косвенно были привлечены все: крупные агенты шпионажа и вербовки вроде Парвуса (Гельфанда); провокаторы вроде Блюма, причастные к русской охранке; агенты-пропагандисты – Ульянов (Ленин), Бронштейн (Троцкий), Апфельбаум (Зиновьев), Луначарский, Озолин, Кац (Камков) и многие другие. А за ними шла плеяда недалеких или неразборчиых людей, выброшенных за рубеж, фанатически ненавидящих отринувший их режим – до забвения Родины, или сводивших с ним счеты, служа подчас слепым оружием в руках немецкого генерального штаба...

Началось с широкой революционной и сепаратисткой пропаганды (украинской) в лагерях военнопленных. По свидетельству Либкнехта, «германское правительство не только способствовало этой пропаганде, но и само вело таковую». Этим целям служил «Комитет революционной пропаганды», основанный в 1915 г. в Гааге, «Союз освобождения Украины» в Австрии, «Копенгагенский институт» (организация Парвуса) и целый ряд газет революционного и пораженческого направления, частью издаваемых всецело на средства немецкого штаба, частью субсидируемых: «Социал-демократ» (Женева – газета Ленина), «Наше Слово» (Париж – газета Троцкого), «На чужбине» (Женева – с участием Чернова, Каца и др.), «Русский вестник», «Родная речь», «Неделя» и т.д. Такого же рода деятельностью – распространением одновременно пораженческой и революционной литературы наряду с чисто благотворительным делом – занимался «Комитет интеллектуальной помощи русским военнопленным в Германии и Австрии» (Женева), находившийся в связи с официальной Москвою и получавший оттуда субсидии...

Наряду с печатным словом немцы приглашали сподвижников Ленина и Чернова, особенно из редакционного комитета «На чужбине», читать сообщения в лагерях, а немецкий шпион консул фон Пельхе занимался широкой вербовкой агитаторов для пропаганды в рядах армии среди русских эмигрантов призывного уровня и левого направления..

Петроградская власть больше всего боялась обвинения в недостаточной демократичности. Министр Милюков неоднократно заявлял, что «правительство признает безусловную возможность возвращения в Россию всех эмигрантов, без различия их взглядов на войну

и независимо от нахождения их в международных контрольных списках». Министр вел спор с англичанами, требуя пропуска задержанных ими большевиков Бронштейна (Троцкого), Зурабова и др. Но с Лениным и его единомышленниками дело было сложнее. Их, невзирая на требования русского правительства, союзники, несомненно, не пропустили бы. Поэтому, по признанию Ламсдорфа [6], немецкое командование отправило Ленина и его спутников (17 человек в первой партии) в Россию, предоставив им свободный проезд через Германию [6]. Эта информация для большинства граждан России является сенсационной. Буржуазное Временное правительство и Германия совместными усилиями возвратили в Россию Ленина и его наиболее радикальных единомышленников. Сделано эт было вопреки воли союзников России – Англии и Франции, которые были против этого безумия. Если кто-то подумает, что данная операция была совершена с целью подвергнуть врагов Российской империи репрессиям, то жестоко ошибается. Ленин 3 апреля 1917 г. был в торжественной обстановке встречен в Петрораде, где и произнес свои знаменитые «апрельские тезисы»: «Долой войну!» и «Вся власть Советам!» Большевики совершенно свободно осуществляли свою деятельность вплоть до попытки проведения ими в июле восстания. Даже после кровавых беспорядков, организованных большевиками в военное время, немедленных репрессий не последовало. Более того правительстао запретило помещать в газеты сведения, «порочащие доброе имя товарища Ленина». Чхеидзе, Церетели, Некрасов и Терещенко пришли в ярость, услышав о планах размещения в печати правды о заговорщиках. Как бы то ни было, обнаруженное прямое преступное участие главарей большевизма в бунте и измене заставило правительство приступить к репрессиям. Ленин и Апфельбаум (Зиновьев) бежали в Финляндию, Бронштейн (Троцкий), Козловский, Раскольников, Ремнев и многие другие были арестованы. Несколько анархо-большевистских газет закрыто. Впрочем, эти репрессии на имели серьезного характера. Многие заведомые руководители выступлений не привлекались вовсе к ответственности, и их работа по разрушению продолжалась с последовательностью и энергией. Министр юстиции Переверзев, осмелевшийся начать борьбу с большевизмом при несогласии других членов правительства под давление Совета вынужден был уйти в отставку. Его преемники Зарудный и Малянтович приступили к выпуску из тюрем арестованных большевиков, а последний – и к ликвидации всего их дела. Малянтович на совещании высших чинов министерства и прокуратуры высказал даже такой преступный взгляд , что в деяниях большевиков не усматривается «злого умысла», что во время японской войны «многие передовые люди откровенно радовались успеху Японии и, однако, никто и не думал привлекать к ответственности[6].

Разгром российских войск в летнем наступлении 1917 г. продемонстрировал всему миру, что армия в России перестала существовать.

Падение Временного правительства

С четырех часов ночи до утра 7 ноября (25 октября) 1917 г. Керенский оставался в Петрограде, в помещении глвного штаба, откуда рассылал приказы по казачьим частям и по юнкерским училищам, находящимся в городе и окрестностях. Все эти части и училища отвечали, что выступить не могут.

Комендант города полковник Полковников метался между штабом и Зимним дворцом, очевидно, не имея никакого плана. Керенский приказал развести мосты; в течение трех часов ничего не предпринималось, а затем один офицер при пяти солдатах по собственнй инициативе отправился к Николаевскому мосту, сбил охранявший его красногвардейский пикет и развел мост. Однако, как только он двинулся дальше, какие-то матросы навели мост снова.

Керенский приказал занять типографию «Рабочего пути». Офицеру, назначенному на это дело, был обещен взвод солдат; два часа спустя ему обещали дать отряд юнкеров, а затем и совсем забыли о приказе.

Имела место попытка отобрать у большевиков почтамт и телеграф; после нескольких выстрелов правительственный отряд заявил, что не желает более противиться Советам.

Делегации юнкеров Керенский заявил: «Как глава Временного правительства и верховный главнокомандующий, я ничего не знаю и ничего не могу вам посоветовать. Но в качестве ветерана революции я призываю вас, юные революционеры, остаться на своих постах и защитить завоевания революции» [6]. Армия полностью деградировала и потеряла управляемость, Керенский остался совершенно один, он пожинал плоды своей разрушительной деятельности.

Сегодня почти официальным стало мнение о том, что большевики совершили революцию на деньги немецкого Генерального штаба. Но революции не было, не было штурма Зимнего дворца. Почитайте Джона Рида [22]. Даже пальцем не надо было тыкать во Временное правительство, чтобы оно пало. Власть валялась в грязи, и только большевики взяли на себя ответственность ее поднять.

Большевики, действительно, аккумулировали финансовые средства, поступающие от обеих воюющих коалиций. У Англии и Германии были свои интересы, первые были заинтересованы в продолжении участия России в войне, вторые – нет. Средства из Германии поступали группе, которую возглавлял Ленин, поток средств из Антанты был организован Троцким, Бухариным, Литвиновым, которые некоторое время проживали в США и Англии, будучи в вынужденной эмиграции.

Но деньги от немецкого Генерального штаба и Великобритании получали также высокопоставленные чиновники царской администрации и Временного правительства. Существуют факты, подтверждающие это. Никто не будет возражать, что в российской элите были германская и английская партии, и неизвестно чья деятельность была более губительной для Империи. Что еще более отвратительно, так это бизнес, который делал громадные деньги на кровавой войне. Известны факты активного сотрудничества через третьи страны немецкого и русского бизнеса. «Ничего личного», бизнес есть бизнес.

В связи с версией «революции за немецкие деньги» демонизируется фигура Парвуса. Он якобы составил подробный план организации информационной агрессии против правительства и самодержавия, финансирования оппозиционных газет, организации забастовок на стратегических предприятиях и объектах. На реализацию данного плана через коммерческие фирмы Гельфанда-Парвуса в Стокгольме, Константинополе и Сибири перечислялись определенные финансовые средства. В государственном архиве Российской Федерации хранится запись самого Парвуса – «миллион рублей в банкнотах на ускорение революционных процессов в России через ведомство немецкого посольства в Копенгагене».

Факт финансирования большевиков Германией и Антантой не подлежит сомнению, однако нельзя согласиться с выводом Н. Нарочницкой, что собранные факты «снимают всякие сомнения в том, что только помощь Германии обеспечила большевикам и их проекту победу в том кризисе, который имел, безусловно, и внутренние глубокие причины» [21].

Во-первых, Германия финансировала не только большевиков, но и царских чиновников, членов Временного правительства, функционеров политических партий, т.е. многочисленное немецкое лобби в России. В.И. Ленин в апломбированном вагоне был пропущен через территорию Германию по требованию Временного правительства вопреки воле Антанты.

Во-вторых, даже с учетом зарубежного финансирования левые радикалы в сумме располагали ничтожными по сравнению с буржуазией средствами. Что значит миллион по сравнению с миллиардами, которые контролировала буржуазия и монархия. Другой вопрос, правые и левые образовали коалицию действий и выступили единым фронтом против монархии.

В-третьих, буржуазия располагала значительными административными ресурсами, она доминировала в Думе, ей принадлежали основные СМИ в Российской империи.

В-четвертых, подрывная деятельность большевиков по организации забастовочного движения на стратегически важных объектах с треском провалилась и никак не сказазалась на бурном росте военной промышленности.

Докажем последнее. Призводство машинного оборудования всех типов выросло с 308 млн. рублей в 1913 г. до 757 млн. руб. в 1915 г. и 978 млн. руб. в 1916 г. Россия обошла в производстве пушек Францию и Англию. Россия стала производить 9 миллионов снарядов в год. На прифронтовые склады стали поступать в массовом количестве грузовики, телефонные аппараты и другие средства современной войны. Было подготовлено производство танков. Армия, начавшая войну с 10 тысячами телефонных аппратов, довела их численность в 1916 г. до 50 тысяч. Как пишет английский историк Н. Стоун, характеризуя промышленные усилия страны, «в 1916 году начала возникать новая Россия».

Наши расчеты показали [3], что при имеющихся ресурсах большевики никак не могли обеспечить своему «проекту» победу, решая проблему в лоб. Они победили не благодаря помощи Германии, а исключительно из-за своей гениальной стратегии и тактики, воспользовавшись ресурсами всех без исключения своих противников и временных союзников.

Поражение белых в информационной войне с красными

В отличие от Временного правительства большевики понимали жизненную важность информационной составляющей борьбы за власть. Захват власти большевиками консолидировал оппозицию, объединил бывших врагов в единый фронт против новой власти. Несмотря на то, что одним из первых декретов Совета Народных Комиссаров был «Декрет о печати», создающий условия для монополизации основных средств массовой информации в руках большевикв, обстановка на информаионном фронте складывалась не в пользу власти. Оппозиционные газеты, ежедневно закрываемые, на следующий день вновь открывались под новыми названиями, при этом они подвергали новый режим жесткой критике и осыпали его на-

смешками. Даже газета М. Горького «Новая жизнь» движения «Единство», близкого к большевикам, характеризовала режим как «комбинацию из демагогов и бессилия».

«С каждым днем, – писала она, правительство Народных Комиссаров запутывается все более и более в проклятой прозе обыденщины. Так легко захватив власть, большевики никак не могут вступить фактически во владение ею... Новая власть рвет и мечет, засыпая страну декретами, один другого «радикальнее и социалистичнее». Но в этом бумажном социализме, предназначенном более на предмет ошеломления наших потомков, нет ни желания, ни умения разрешить очередные вопросы дня...».

В условиях массированного давления на власть и ее дискредитации в периодических изданиях, внутри коалиции большевиков и левых эсеров возникает оппозиция, требующая покончить с «политическим террором» и снизить давление на оппозиционную прессу.

Данную позицию характеризует выступление большевика Ларина (Лурье) в ноябре 1917 г. в зале ЦИК Смольного [20]:

«Необходимо смягчить мероприятия, принятые против свободы печати. Они были необходимы во время борьбы, но теперь не имеют никакого оправдания. Печать должна быть свободна, поскольку она не призывает к погромам и мятежам».

Левой оппозицией принимается следующая резолюция: «Декрет Совета Народных Комиссаров о печати отменяется... Политические репрессии подчиняются предварительному разрешеню трибунала, избираемого ЦИК и имеющего право пересматривать также все уже произведенные аресты, закрытие газет и т.д.».

Лидер большевиков В. И. Ленин понимал решающую роль прессы в окончательной победе режима и обеспечении условий его существования, поэтому большевиками была выдвинута альтернативная резолюция: «Закрытие буржуазных газет вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контреволюционных попыток, но и являлось необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты – собственники типографий и бумаги – не могли бы становиться фабрикантами общественного мнения.

Дальнейшей мерой должна быть конфискация частных типографий и запасов бумаги, передача их в собственность Советской власти в центре и на местах с тем, чтобы партии и групы могли пользоваться техническими средствами печатания сообразно своей действительно идейной силе, т.е. пропорционально числу своих сторонников.

Восстановление так называемой «свободы печати», т.е. просто возвращение типографий и бумаги капиталистам – отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской ревоюции, т.е. мерой, безусловно, котреволюционного характера.

ЦК предлагает поэтому большевистской фракции ЦИК категорически отвергнуть всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати, и безоговорочно поддержать в этом вопросе Совет Народных Комиссаров против претензий и домогательств, продиктованных мелкобуржуазными предрассудками или прямым прислужничеством интересом контреволюционной буржуазии».

В поддержку резолюции выступил Л.Д. Троцкий: «Во время гражданской войны право на насилие принадлежит только угнетенным... Если мы не остановились перед национализацией танков, то с какой стати нам терпеть газеты финансистов? Старый строй должен умереть, и это должно быть понято раз и навсегда...».

В заключение выступил В.И. Ленин: «Гражданская война еще не закончена, перед нами все еще стоят враги, следовательно, отменить репрессивные меры по отношению к печати невозможно».

Голосование отвергло резолюцию Ларина и левых эсеров двадцатью пятью голосами против двадцати. Точка зрения Ленина собрала тридцать четыре голоса против двадцати четырех.

Таким образом, руководство большевиков лучше руководителей других партий понимало роль информационного противобортва в борьбе за власть. При этом сдедует отметить, что вплоть до самого прихода к власти не было более яростных борцов за свободу слова, нежели большевики! «Три недели назад большевики были самыми яростными защитниками свободы печати... Аргументы, приводимые в этой резолюции, странным образом напоминают точку зрения старых черносотенцев и царских цензоров: они ведь тоже говорили об «отравителях народного сознания» (Из выступления В.А. Карелина в ноябре 1917 г. в Смольном).

Напомним, что сразу после того, как власть оказалась в руках большевиков, уже через три дня Совет Народных Комиссаров издал «Декрет о печати» и «Декрет о введении государственной монополии на объявления», которые существенно ограничивал свободу слова в России.

В ноябре 1917 г. на заседании ЦИК была принята упомянутая резолюция, которая, по существу, сконцен-

трировала все средства массовой информации и типографские мощности в руках большевиков. Большевики воспользовались административным ресурсом и монополизировали печать, что явилось одним из решающих факторов, определивших их стратегическую победу.

Лидеры «белого движения» также понимали роль средств массовой информации в противостоянии с большевиками. Для оказания информационного противодействия в сентябре 1918 г. генерал Алексеев учредил «Осведомительное отделение при председателе Особого совещания», поставив во главе его Чахотина. Задачи, поставленные Отделению, заключались в осведомлении командования о политическом положении, осведомлении населения о работах, задачах Добровольческой армии и пропаганде ее идей. Первоначально Отделение состояло из двух «бюро» – «печати» и «информационного». Так был основан «Осваг», который просуществовал до конца Гражданской войны. Как функционировал «Осваг», пишет А.А. Валентинов со слов очевидцев событий [25]. «Когда генерал Врангель вступил в обязанности правителя и главнокомандующего Вооруженныи силами юга России, он первым делом провозгласил беспощадную борьбу с канцелярщиной и рутиной». «Началась стремительная замена одних лиц, учреждений другими. Фактически, впрочем, дело сводилось лишь к калейдоскопической перемене фамилий и вывесок, а зачастую только последних.

Был упразднен знаменитый «Осваг», составивший целую эпоху в период политики Особого совещания, но вместо одного «Освага» расплодилась чуть ли не дюжина маленьких «освагнят», представляющих в подавлющем большинстве случаев скверную карикатуру своего родоначальника...

В середине апреля 1918 г., когда казначейство В.С.Ю.Р. выдало одной рукой последние миллионы потрясающих «ликвидационных» «освагному» персоналу, оно же другой рукой должно было вскармливать новых младельцев того же, увы, происхождения..., а на свет Божий из куч проектов выглядывали тройками и пятерками «телеграфные агентства», какие-то секретные отделы под литерами (были и такие), журналы толстые, журналы тощие, газеты ежедневные, еженедельные, понедельничные, воскресные, народные, казачьи, рабочие – какие хотите.

Ничего, разумеется, пояснять, что почти весь «освагный» персонал перекочевывал в «новые» учреждения и органы уведомления...

Кредиты на пропаганду и «осведомление» грозили достичь огромных размеров. Ведомство господина Бернадцкого возопило о милосердии и осмотрительности. Целый ряд «новорожденных» оказался лишенным необходимого питания. Началась борьба за право на собственное существование. Каждый из новорожденных пытался изо всех сил добиться признания за собою. И не стеснялся в выборе средств и способов, как бы половчее подставить ножку своему соседу...

Отчаявшись в возможности поставить дело рациональным образом, генерал Врангель разрешил его в конце концов чисто по-кавалерийски, отдав свой известный приказ о том, что пропаганда, по-видимому, не нужна, и пусть-де население судит о власти по делам ее.

Редаготы, инфоты, осготы и иже с ними исчезли с лица земли. Все было заменено опять одним институтом: «Отделом печати при начальнике гражданского управления» – тем же самым бессмертным «Освагом», роковым творцом внутренней политики на территории В.С.Ю.Р...

На этой-то именно благодатной почве и расцвела позже махровым цветом пагубная чебывщина, считавшая своим верноподданнейшим долгом петь только дифирамбы, смотреть только сквозь розовые очки, говорить только об обреченности противника, видеть только первоклассные позиции там, где люди знаний и опыта не видали ничего, кроме скверных канав, и т.д...

Конечно, несправедливо было бы олицетворять все в одном господине Чебышеве, имя которого упомянуто выше как имя наиболее яркого выразителя предельно гибельной идеологии. Лично мне, пишет А.А. Валентинов, довелось видеть бывшего вдохновителя роковых идей Особого совещания лишь три раза: два раза в частном доме, и последний раз – в Константинополе, благополучно высадившегося с первого же прибывшего из Севастополя иностранного миноносца и устроившегося там начальником какого-то очередного осведомительного бюро... 10 июля 1920 г. вышел (в Мелитополе, авт.) первый номер нашей полувоенной газеты «Голос Фронта». Цена – пятьдесят рублей. Неделю назад советские «Известия» в четыре большие страницы продавались здесь по полтора-два рубля за номер. Отпечатан на лоскутке бумаги и бессодержателен, как и вся наша казенная пропаганда. Население от такой цены шарахается в сторону...

Казалось, вся логика вещей с абсолютной очевидностью показала, что закон необходимо обратить в свой главный козырь. Казалось, что деревня будет ознакомлена во всех деталях с земельной реформой...Фактически же дело свелось к напечатанию (в далеко недостаточном количестве экземпляров) самого текста закона со штампом «цена 100 рублей». Это – после бесплатной советской пропаганды, после стоимости советских газет в 1,5-3 рубля за номер...

Существующие тогда органы печати делились на

три категории:

1) военный официоз, каковыми считались «Военный голос» и отчасти прекрасная казачья газета «Сполох» в Мелитополее»;

2) независимая печать («Крымский вестник» и «Юг России» и в течение короткого промежутка времени несколько других газет);

3) казеннокоштная печать.

Военный официоз в лице «Военного голоса» считался таковым лишь номинально, если иметь в виду, что задачи официоза не ограничиваются печатанием казенных объявлений и приказов. Фактически редакция его в лице генерала Залесского вела бесконечную упорную борьбу против загромождения трех четвертей каждого номера сотнями приказов о производствах в следущий чин и объявлениями о торгах на гнилую интендантскую картошку. Не было никакой возможности убедить власть имущих, что бессмысленно и преступно тратить ежемесячно миллионы на печатание перечней фамилий, когда проще и много дешевле печатать периодически эти перечни в отделных выпусках...Печать, не получившая казенных субсидий, была предоставлена в смысле преодоления всех технических затруднений самой себе. Ей был предоставлен один лишь удел – бесконечная борьба с глупой злобной цензурой. Деятельность крымских цензоров – сплошной сборник веселых анекдотов...

Таково было положение «своекоштной» печати. Не в пример ей казеннокоштная печать находилась на положении «кота на масленице». К ее услугам были все виды легальных и нелегальных субсидий...

Все эти колоссальные траты на содержание органов пропаганды могли бы, разумеется, иметь свое оправдание, если бы они производились: на издание газет, доступных, по крайней мере, для массы населения и при условии принятия на себя издателями обязательств выпускать и распространять их в достаточном количестве.

Что было в действительности?

Всем, жившим в Крыму, отлично было известно, что цены на газеты возросли к осени до одной тысячи рублей за номер в половину нормального листа (при цене советских 1,5-3 рубля) и семь восьмых их читалось за чашкой утреннего кофе, так как были написаны языком, едва ли доступным для простого народа. Все это поразительно напоминало прошлогоднюю пропаганду исключительно в залах и буфетах 1-го класса.

Еще великолепней обстояло дело с распространением этих органов. По официальным сведениям, затребованым ставкой в июне, все получавшиеся ежедневно на фронте газеты распространялись следующим образом:

1-й корпус	485 экз.;
2-й корпус	565 экз. (через день);
Конный	330 экз.;
Донской	270 экз.

Всего, следовательно, 1650 экземпляров на весь фронт, на всю армию со штабами! Если вычесть из этого количества добрую половину, оседавшую в канцеляриях, у писарей и т.д., то станет понятным, почему люди, сидевшие в окопах, получали харьковские и московские газеты раньше севастопольских, а в деревнях в августе расклеивали майские номера...

Особого распределительного органа не существовало. И на это-то тратились те десятки миллионов, которых было и без того в обрез...

Конец «Белой гвардии»

Миф о благородстве белых офицеров и дикости их противников, действительно, оказался мифом. Первое же знакомство с архивами белого движения опровергает идиллические представления, которые в настоящее время господствуют в обществе. Белые тоже убивали, грабили, насиловали и, что самое отвратительное, наживали состояния на гражданской войне. И если у красных подобное выжигалось каленым железом, то белые в большинстве случаев ограничивались приказами «немедленно отстранить от должности командиров частей, где обнаружены бесчинства» [6]. Факты коррупции, поразившей белое движение, в частности, описывает В.Л. Горн – присяжный поверенный, гласный Псковской городской думы, государственный контролер Северо-Западного правительства. Так, во время наступления генерала Юденича на Петроград «возникла идея организации русско-эстонского и англо-русского банков. На обоих берегах Финского залива зашевелились ждавшие случаи разные спекулянты... К правительству приставали со всех сторон разные гешефтмахеры, посредники и просто «доброжелатели», наперебой предлагавшие разные проекты, комбинации и просто продукты... Трудно было не заразиться тогдашней горячкой, и чего мудреного, что ею заболели вскоре наши тыловые деятели. Взорванный в мае 1918 г. мост под Ямбургом через реку Лугу Управление военных сообщений чинило в течение почти всей петроградской кампании... Но это нисколко не помешало начальнику того же Управления полковнику Третьякову выступить с проектом постройки узкоколейной железной дороги для стратегических целей. Правительству предлагалось заключить договор на совершенно сомнительное предприятие, потому что строить железную дорогу в условиях

гражданской войны могло прийти в голову только изобретательным на разные расходы тыловикам...

Доставленных американцами продуктов было вполне достаточно, считая армию даже в 40 тысяч человек, чего в действительности никогда не было. Тыловики, однако, рассудили иначе, и на ноябрь месяц 1918 г. потребовали от Министерства продовольствия муку, сало для армии на 200 тысяч человек...

Продовольственную смету на 100 тысяч все-таки утвердили. По чьему-то настоянию С.Г. Лианозов тем не менее запросил генерала Юденича, не находит ли он, что цифра 200 тысяч человек чрезвычайно преувеличена интенданством? Генерал, видимо, опять смалодушествовал и... поддержал интенданство, в контакте с которым работал начальник снабжения армии генерал Янов...
А армии в «90 тысяч» мы не имели даже после взятия Царского Села, ибо в течение всего похода наша армия не превышала 30 тысяч бойцов...

Выявилась довольно своеобразная деятельность генерала Янова. Зная, что бензин уже закуплен С.Г. Лианозовым и должен в ближайшие дни прибыть в Ревель, генерал Янов вдруг запросил у торгового отдела Министерства бензин в количестве, превышающем раз в 7 действительную потребность, и, так как ответ мог быть только отрицательным, на другой день попросил у генерала Юденича чудовищный кредит в 44517 фунтов стерлингов и заказал бензин в Копенгагене. Цена на бензин, и притом на ненужную огромную партию, в 1,5 раза выше той, по которой купил через господина Гулькевича С.Г. Лианозов. «Ясно было, – говорилось в одном свидетельском показании комиссии, – что генерал Янов чрезвычайно был заинтересован в том, чтобы ему удалось заказать огромную партию бензина, и заказать нигде в другом месте, как в Копенгагене...»

Также блестяще генерал Янов пытался закупать аэропланы, валенки, прочее имущество за границей . Все за спиной и без ведома наших органов снабжения. Вступая часто в договоры с людьми явно ненадежными, как, например, американский капитан Мартин, обязавшийся доставить 20 аэропланов, в то время как американское правительство категорически запретило ему вывоз всяких военных материалов, о чем и уведомило господина Гулькевича в Стокгольме...

Особенно позорным пятном на отдельные чины армии ложится грабеж гатчинского дворца...

«Кроме того, – читаем мы в совершенно секретном донесении начальнику контразведывательного отделения от 2 декабря 1919 г., – получены сообщения, что чинами 1-го стрелкового корпуса из Гатчины было вывезено два или три вагона дворцового имущества, среди которого находится серебряная и иная дворцовая посуда с гербами и вензелями, а также другие ценные вещи. Имущество это разделено между В-вым, З-ным и А-вым, у которого среди прочих вещей находится золотой парчи халат. Некоторые из названных лиц спешно распродают доставшееся на их долю имущество, некоторые сие хранят».

Хищения оказались очень крупные. Имущество долго после похода продавалось в Ревеле, сначала тайно, а потом, когда перешло к перекупщикам, совершенно явно, вплоть до публикации в местных газетах:

«Охотничья карета Александра II, отделана костью, продается на Б. Розенкранцкой 16, узнать в магазине №1....»

В войсках А. Деникина и П. Врангеля обстановка мало чем отличалась от воинства Н. Юденича.

Вот, что писал в мемуарах генерал А. Деникин [6] о тамбовском рейде генерала Мамонтова, который телеграфировал: «Высылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки. Донской казне 60 миллионов рублей, на украшение церквей – дорогие иконы и церковную утварь...». Невероятно! Белая гвардия, голубая кровь и грабеж...

Бывший председатель Таврической губернской земской управы В. Оболенский вспоминал (В. Оболенский «На чужой стороне». Кн. XI, 1925, Изд. «Ватага» и «Пламя»):

«В Симферополе были губернатор, вице-губернатор, управляющий государственным имуществом, казенная и контрольная палаты, – словом, полный бюрократический аппарат, некогда управлявший целой губернией. А теперь, чтобы управлять половиной этой губернии, все эти местные ведомства были возглавлены центральными министерствами в Севастополе, в которых количество чиновников было, конечно, больше, чем в Симферополе. Все эти чиновники были завалены работой, но добрая половина ее заключалась в переписке с подчиненными им губернскими учреждениями. Это уродливое двухэтапное управление половиной губернии обходилось крайне дорого...

Зимой 1921 года я ехал на пароходе из Константинополя в Марсель с двумя офицерами Корниловской дивизии. Они мне рассказывали, что дивизия эта пришла с фронта в Севастополь в числе 400 человек. А когда при эвакуации они грузились на пароход, то состав дивизии возрос до 3000 человек...Возможно, что эти цифры неточны, но несомненно, что маленькая крымская армия, как и русская армия великой войны, страдала гипертрофией тыла...Особенно эта диспропорция тыла и его без-

надежная развращенность бросались в глаза в сутолоке севастопольских улиц, в шуме его ресторанов, в кричащх нарядах веселящихся дам...»

«Где же мне взять честных, толковых людей? Где они, Герман Иванович?!... Где их, наконец, найти?!... Где?!» Из обращения барона П.Н. Врангеля к генералу Г.И. Коновалову [23].

Как писал белый эмигрант Раковский (Г. Раковский «Конец белых». Изд-во «Воля России», Прага, 1921): «Главную роль в Крыму, и особенно в армии, играли военно-полевые суды... Здесь за все преступления выносились, главныи образом, два приговора – расстрелять или оправдать... Людей расстреливали и расстреливали. Генерал Кутепов прямо говорил, что «нечего заводить судебную канитель, расстреливать и все...»

В то время, когда в Крыму с таким старанием и заботливостью культивировался сыск во всех его родах и видах, когда за минимальные преступления грозили драконовские кары, в это же время в гражданских и военных органах управления среди высших чинов администрации совершенно безнаказанно изо дня в день происходили у всех на виду грандиозные хищения, творилась невообразимая вакханалия взяточничества. Совершались подлоги и т.д., взятки брали все – от низших до высших чинов. Взятками никто не брезговал...»

Летом 1917 г. на совещании в Ставке, в г. Могилеве, в присутствии Керенского генерал Деникин заявил буквально следующее (Деникина М.А. Генерал Деникин. М.: AST-ПРЕСС. 2005, 302 с.): «Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики – лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма». Все оказалось гораздо серьезнее, армию, как и все белое движение поразила страшная зараза коррупции. Честные и благородные «белые» терялись в массе булгаковских «парамош». Аристократия совершенно выродилась, лучшие ее представители были совершенно беспомощны за пределами своих дворцов.

Заключение

Приведенный обзор драматических событий выявил множество вопросов. Рассмотрим некоторые.

Вопрос первый. Совсем недавно бывший госсекретарь США Киссинджер отметил: «парадокс июля 1914 г.» заключался в том, что страны, имевшие причины начать войну, не были привязаны к жестким мобилизационным планам, а империи, обладавшие жесткими мобилизационными планами, такие, как Германия и Россия, не имели политических причин вступать в войну. Действительно, в течение столетия (1815-1914 гг.), вследствие раздела Польши, доля России в импорте из Германии увеличилась в 11.5 раза и составляла почти 50% от товаров, ввозимых в Россию. Германское экономическое проникновение, по мнению английского ученого Б. Пеэрса, «было чем-то вроде привычки позволять немцам делать в России все, что они считали необходимым для себя. Теперь Германия стала огромной враждебной силой между Россией и европейской цивилизацией».

Глубокая экономическая интеграция делала нецелесообразными конфликты между Россией и Германией.

Германия и Россия находились на подъеме. Темпы экономического роста в этих странах были самыми высокими в мире. Германия по доле в мировом промышленном призводстве (14,8%) в начале прошлого века обошла Англию. В 1914 г. Германия производила 17,6 млн. тонн стали – больше, чем Россия, Британия и Франция вместе взятые. Германский «Сименс» доминировал в европейской электротехнической промышленности, «Байер» и «Хехст» производили 90% мировых красителей. Угля Германия добывала в 1914 г. 277 млн. тонн, тогда как Россия 36 млн. тонн, а Франция 40 млн. тонн. Германия стала посягать на континентальное преобладание не только в экономическом, но и в политическом отношении. Военный бюджет Германии достиг в 1914 г. 442 млн. долл. против 324 млн. долл. в России и 197 млн. долл. во Франции [3].

Рост экономики Германии стал сдерживаться отсутствием рынков сбыта продукции и дефицитом сырья [30]. Англия блокировала доступ опасного конкурента в свои колонии. Экономика Германии достигла предела роста. Альтернатива была такова – либо война, либо стагнация. Загадка заключается в следующем: почему Германия ввязалась в войну с Россией, то есть стала действовать против своих национальных интересов. Так, С.Д. Сазонов [31] приводит документы, свидетельствующие о том, что «Германия, стараясь как-будто сдерживать венский кабинет от непоправимых решений... более всего заботилась о том, чтобы виновной в будущей войне оказалась не Австрия, не Германия, а Россия». Какова была роль Великобритании в развязывании войны? Англия была единственной заинтересованной стороной в этой войне. Обратимся к компетентным мнениям министра иностранных дел Российской империи С.Д.Сазонова [31] и члена Государственного совета П.Н. Дурново.

Сазонов Сергей Дмитриевич (29. 07. 1860 г. – 25. 12. 1927 г.), русский государственный деятель, дипломат. Из дворян Рязанской губернии. На диплома-

тической службе с 1883 г. С сентября 1910 г. по июль 1916 г. – министр иностранных дел. Продолжал курс на сближение с Великобританией и Японией. Безуспешно пытался сплотить балканские государства и Турцию под эгидой России против Австро-Венгрии. Вёл переговоры с Германией, завершившиеся Потсдамским соглашением 1911 г., заключил соглашения с Японией в 1912 г. и 1916г. В 1914–1916 гг. вёл переговоры с Великобританией и Францией о сотрудничестве в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг. и об условиях будущего мира. В 1918–1920 гг. член белогвардейских правительств Колчака и Деникина, их представитель на Парижской мирной конференции, где добивался расширения интервенции против Советской России. Умер в эмиграции, в Ницце.

Сергей Дмитриевич Сазонов на пост министра иностранных дел был назначен, когда ему исполнилось уже 50 лет, 20 из которых он прожил за границей. С.Д. Сазонов был на два года старше премьер-министра П.А. Столыпина, с которым состоял в родственных отношениях (они были женаты на родных сестрах). Таким образом, новоиспеченный министр обладал большим опытом дипломатической службы, однако при этом до назначения его на пост министра иностранных дел С. Сазонов значимых результатов в своей многолетней деятельности не имел.

Сергей Дмитриевич боялся прослыть германофилом: «Я полагал, что мне не следовало связывать мое первое официальное появление за границей с посещения Германского двора, чтобы не дать нашим союзникам ложного впечатления о моей политической ориентации. Я и без того предвидел, что мое искреннее стремление договориться до приличных отношений с немцами приведет к тому, что я попаду в Париже под подозрение в германофильстве. Это опасение оправдалось, и мне понадобилось некоторое время, чтобы обелить себя в этом отношении в глазах наших союзников и друзей» [31]. Новый министр был англофилом, и это обстоятельство сыграло роковую роль в судьбе Российской империи.

Российские союзники – Англия и Франция ни при каких условиях не желали допускать бурно растущую германскую экономику на международные рынки. Наиболее острые противоречия складывались вокруг железной дороги, которая по замыслу немцев должна была пройти из Германии до Багдада. Ради осуществления данного проекта Германии и нужен был союз с дряхлой Австро-Венгрией с ее влиянием на Балканах. Однако с этим проектом никак не могла согласиться Великобритания, поскольку Берлин мог оказаться в опасной близости с Индией. И здесь, как никогда кстати, в союзниках оказывается Россия, которая в лице министра С. Сазонова и «общественности» готова пролить кровь за «православных братьев» на Балканах в битве с австрийцами и немцами.

Сазонов теряет массу времени на умиротворение «братьев славян», которые перегрызли друг другу горло, ведет бессмысленные переговоры с Румынией и Турцией. С плохо скрываемым негодованием отвергает все попытки Германии сблизиться с Россией. Более того, всю конфиденциальную информацию о переговорах с Германией он передает союзникам. Короче говоря, дело идет к войне, так нужной «английским друзьям» России.

Следует отметить, что сразу же после высокого назначения С.Д. Сазонова принял Петр Аркадьевич Столыпин и поставил ему задачу обеспечить всеми силами мир для России на ближайшие 10 лет. Сергей Дмитриевич искренне считал, что все свои силы и «талант» положил на решение поставленной задачи. В мемуарах С. Сазонова не найти ни тени сомнения в правильности своих деяний. Тяжелое впечатление оставляют эти воспоминания. Эксминистр эмоционален и постоянно оперирует субъективными понятиями «английские и французские друзья», «славянские братья», «долг» и т.п., что удивительно слышать из уст главы внешнеполитического ведомства.

Министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов – яркий пример «кадрового голода», который испытывала Российская империя в последние годы своего существования.

С.Д. Сазонов влюблен в себя и весьма не критичен к своей дипломатической деятельности, зато горазд давать нелицеприятные характеристики своим современникам, в частности, достается С.Ю. Витте – «отсутствие воспитания и культуры». А вот какую характеристику Сергей Дмитриевич дает Петру Николаевичу Дурново: «Обладая научным багажом штурманского офицера и лишенный общей культуры, Дурново проложил себе путь к высшей государственной должности своим трезвым умом и сильной волей. Достигнув высших степеней, он тем не менее никогда не мог отделаться от свойственного ему полицейского мировоззрения». «Культурный» С. Сазонов не гнушается и сплетнями: «Это был бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново, сломавший себе шею в результате инцидента романтического характера, где голос страсти заглушил у него разум».

Между тем П.Н. Дурново по масштабам личности и интеллекту на порядок превосходил министра С. Са-

зонова.

Дурново Петр Николаевич – государственный деятель. Родился в 1844 г., окончил курс Морского кадетского корпуса гардемарином и поступил на службу во флот; несколько лет провел в дальних плаваниях. Окончив курс в военно-юридической академии, был помощником прокурора военно-морского суда. В 1872 г. перешел в ведомство Министерства юстиции; был товарищем прокурора, потом прокурором различных окружных судов и палат. В 1881 г. перешел в Министерство внутренних дел. С 1884 г. до 1893 г. при министрах Толстом и И.Н. Дурново был директором департамента полиции; широко практиковал административный арест и административную высылку. С 1893 г. – сенатор; в 1900 г. – товарищ министра внутренних дел, причем в его непосредственном ведении находились почта и телеграф. В октябре 1905 г. граф Витте поручил Дурново портфель внутренних дел. Одновременно он назначен членом государственного совета. Время его управления министерством было временем борьбы с революцией. Он широко прибегал к репрессивным полицейским мерам и не противодействовал различным погромам. В начале декабря 1905 г. были арестованы участники Совета рабочих депутатов Петербурга и других городов; запрещено весьма большое число газет. Вообще вопреки обещаниям, данным в манифесте 17 октября 1905 г. Дурново не признавал ни свободы слова, ни свободы собраний. Перед самым открытием Государственной думы, в конце апреля 1906 г. Дурново, вместе с остальными членами министерства Витте вышел в отставку. В начале 1911 г. он выступил решительным противником проекта министра внутренних дел Столыпина о введении земства в западных губерниях и способствовал его отклонению Государственным советом. Ожидалась отставка Столыпина, но вместо того 12 марта 1911 г. была на три дня закрыта сессия Государственного совета и Государственной думы, и в это время закон о земстве проведен в порядке статьи 87-й. Дурново вместе с другим членом Государственного совета В.Ф. Треповым получил без просьбы о том отпуск за границу, откуда вернулся лишь после смерти Столыпина. По возвращении он занял опять свое место в рядах правых членов Государственного совета. 15 августа 1906 г. одна русская социал-революционерка убила в Интерлакене путешественника-француза, приняв его по ошибке за Дурново.

В феврале 1914 г. П.Н. Дурново в знаменитом письме Николаю II изложил свои взгляды на сложившуюся в Европе обстановку. Все прогнозы, изложенные в данной записке, сбылись, что свидетельствует о глубоком государственном уме Петра Николаевича. Вывод, которым заканчивается письмо: необходимо расторгнуть союз с Англией и привлечь к франко-русскому союзу Германию.

Если монархия приняла бы к действию рекомендации П.Н Дурново, то и суверенитет «славянских братьев» был бы обеспечен, и проливы оказались под контролем России, а Британская империя прекратила бы свое существование на 20 лет раньше.

Вопрос второй. Советские историки обходили стороной историю появления в апреле 1917 г. В.И. Ленина в Петрограде. Либеральные российские историки смаковали миф о транспортировке через Германию в апломбированном вагоне лидера большевиков с чемоданом денег в руках, но те и другие лукавили. На самом деле будущие руководители «октябрьского переворота» были возвращены на Родину по настоятельным просьбам демократического Временного правительства, причем вопреки воле союзников. В этом и заключается загадка – союзники ясно представляли себе все риски, связанные с данной акцией «демократического правительства», а объяснение действий последнего не поддается никакой логике.

Впрочем, есть возможное объяснение – «общественность» и практически вся интеллигенция были поражены «вирусом демократии», который на протяжении почти столетия культивировался в Российской империи через буржуазно-демократичекие средства массовой информации. Интеллигенция впадала в эйфорию по случаю всяких политических убийств, которые смаковали массовые печатные издания, выражала восторги по случаю оправдания террористов и негодовала по поводу их суровых наказаний. К началу XX века быть недемократичным было некультурно, нестильно. Буржуазный демократ всегда думал, как он выглядит со стороны, достаточно ли демократично?

Это парализовывало практическую деятельность в условиях кровавой войны. Россию этот опыт ничему не научил. К концу того же XX века тот же «вирус демократии» развалил Советскую империю, позволил обогатиться криминалу.

Психологи считают, что все люди имеют склонность во всем искать смысл, даже в самой дремучей глупости. Российская элита на исходе Великой империи выродилась, лучшие ее представители были непроходимыми глупцами. Только так можно объяснить их действия в начале прошлого века.

События конца XX века, произошедшие в России,

практически повторяют события, произошедшие в ней в начале того же века. Та же обезумевшая и пораженная «вирусом демократии» интеллигенция, требующая крови и свобод. Либеральное правительство, разрушающее армию и систему государственной безопасности и та же расплата – распад, войны, всеобщее обнищание и пир на этом обогатившихся. Только глупцы повторяют свои ошибки.

Литература

1. Маниковский, А. АБоевое снабжение русской армии в мировую войну.Со вступ. ст. П. Е. Дыбенко ; Научно-уставной отдел Штаба РККА.Том 1 / -2-е изд., перераб. и доп. /Е. З. Барсуков. мМ. ;Л. :Госиздат. Отдел военной лит.,1930. –408 с. :табл., схем.
2. Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Том I. — М.: Воениздат МВС СССР, 1948. — 392 с.; Том II. — М.: Воениздат МВС СССР, 1949. — 344 с.; Том III. — М.: Воениздат МВС СССР, 1949. — 384 с.; Том IV. — М.: Воениздат МВС СССР, 1948. — 420 с.
3. Бухарин С.Н., Глушков А.Г., Ермолаев И.Д. Информационное противоборство. Книга 2. Теоретические основы. М.: Полиори. 2004 – 500 с.
4. Яковлев Н. 1 августа 1914. М.: Молодая гвардия, 1974.
5. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм. 2002. – 671.
6. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. Воспоминая. Мемуары. Минск: Харвест. 2003. – 463с.
7. Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: Т.1. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. –800 с.Т.2 – 800 с.
8. Шацилло К. Ф. Исторические альтернативы в России на рубеже двух веков // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX в. М., 1996.
9. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне: Генералы и политика. м М.: РОССПЭН, 2000.– 399 с.
10. Ронге М. Разведка и контрразведка. Киев : СИНТО, 1993. – 239 с.
11. Мосолов А.А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900-1916. М.,: Центрполиграф, 2006 – 271 с.
12. Палеолог М.Дневник посла. М.: ЗАХАРОВ. 2003. 826 с.
13. Lincoln B. Red victory:A history of the russian civil war. -N. Y. , 1989.
14. Пикуль В.С. Нечистая сила. М.: Светоч, 1991.
15. Николай II. «Дневник» М.: Захаров. 2007. 512 с.
16. Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгортм, 2002.
17. Шульгин В.В. 1920. Очерки — М.: Гиз, 1922.
18. Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война 1918-1921. СПб.: Полигон, 2002.
19. Э.Людендорф Мои воспоминания о войне 1914-1918. Пер. с нем. Т. 1-2. М., 1923-24.
20. Рид Джон. Десять дней, которые потрясли мир. Государственное издательство политической литературы. М. 1957.
21. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения. 2004.
22. Сидоров А.И. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М. 1973.
23. «Архив русской революции, т.V. Берлин, 1922.
24. Катков Г.М. Февральская революция. М.: Центрполиграф. 2006, 450 с.
25. Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. М.: Центрполиграф, 2005. 384 с.
26. Керенский А. Ф. Трагедия дома Романовых. М.: Центрполиграф, 2005. 207 с.
27. А.И. Гучков рассказывает, «Вопросы истории», 1991, №7-10.
28. М.; Л., 1926; Дневник генерала Сухомлинова: 9 июля 1914 — 31 декабря 1915 // Дела и дни. 1920. Кн. 1; 1922. Кн. 3.
29. Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906-1917. Дневник и воспоминания. М., 2001.
30. Тарле Е.В. Политка: История территориальных захватов (XV-XX век). М., ЭКСМО-ПРЕСС, 2001.
31. Сазонов С.Д. Воспоминания. Минск: ХАРВЕСТ, 2002.
32. Курлов П.Г. Гибель Императорской России. Мемуары.
33. В.Г. Орлов Двойной агент. Записки русского контрразведчика.

Материал поступил в редакцию 11. 09. 2008 г.

УДК 371

© Бражников И. Л.
Brazhnikov I.L.

ПРАВОСЛАВНАЯ ГЕОПОЛИТИКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ORTHODOX GEOPOLITICS ON THE POSTSOVIET SPACE

Аннотация. *Рассмотрены актуальные проблемы православной геополитики. Данный материал является фрагментом доклада, прочитанного на научно-богословской конференции «Москва — Третий Рим: формула единения и примирения» XVI Рождественских чтений.*

Annonfnion. *Actual problems of orthodox geopolitics are considered. The given materials are a fragment of the report, which has been read through at scientifically-theological conference "Moscow – the Third Rome: the formula of a unification and reconciliation" of the XVI "Christmas readings".*

Ключевые слова. *Православная геополитика, постсоветское пространство, церковно-государственные отношения, либерализация, католический мир, московский патриархат.*

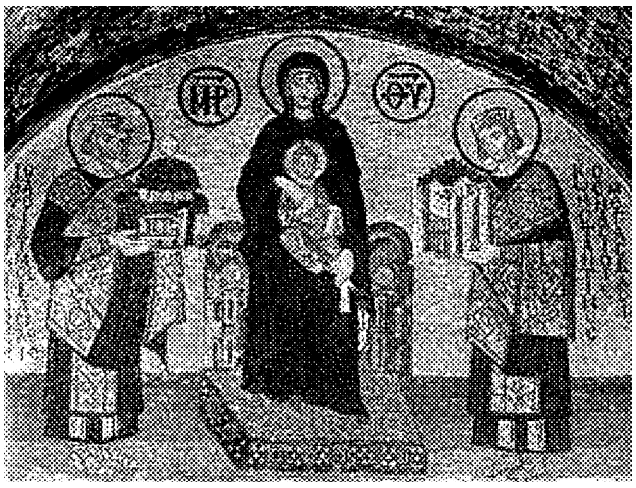
Key words. *Orthodox geopolitics, postsoviet space, the church-state relations, liberalization, the Catholic world, the Moscow patriarchy.*

Царь отличается от прочих начальств, он свят в своем стремлении поддерживать благочестие во всей Вселенной, он собирает Вселенский Собор и законодательно закрепляет догматы. Царь вообще неотделим от Церкви. Как невозможна геополитическая субъектность христианского Запада без Папы, точно так же невозможна субъектность христианского Востока без Царя.

I. Невозможно христианам не иметь Царя

Субъект православной геополитики

Несмотря на приближающееся двадцатилетие крушения Советской империи, надежды на реинтеграцию всё ещё остаются у доброй половины бывших граждан СССР. В числе факторов возможной реинтеграции называют и Русскую Православную Церковь, для которой большинство стран СНГ – это ее каноническая территория. Неслучайно З. Бжезинский считает, что после коммунизма главным врагом для интересов США на постсоветском пространстве является Московский Патриархат. Именно он не дает окончательно выпасть из сферы влияния России целому ряду народов и земель.



Говоря о Русской Церкви как интегрирующем факторе, необходимо, прежде всего, обозначить некоторые константы православной геополитики. Такими константами являются, прежде всего, понятия Империи, Царской власти как «удерживающего ныне», а также представление о России как уделе Пресвятой Богородицы, что особенно важно в период, начавшийся после 2 марта 1917 г., то есть после свержения монархии в России и чудесного явления иконы Божией Матери «Державная». Все эти константы безусловны и их необходимо принимать в расчет, если мы намерены вести разговор о геополитике православия. Отдельно следует сказать о теории «Москва — Третий Рим», точнее, о степени ее актуальности в сегодняшнем мире.

Исходя из вышеназванных констант, субъектом православной геополитики может являться только Император, Царь или в самом крайнем случае тот, кого можно было бы назвать «местоблюстителем престола», и больше

Бражников Илья Леонидович – кандидат филологических наук, доцент МГПУ, тел. +7(495)543-36-76.

Brazhnikov Ilya Leonidovich – the candidate of philological sciences, the senior lecturer of MSIU, тел. +7(495)543-36-76. .

никто другой. Светский правитель, министр или Президент, с одной стороны, или Епископ, Архиепископ, Митрополит, Патриарх – с другой, полноценными субъектами православной геополитики быть не могут по определению. Следовательно, и у Российской Федерации, коль скоро она определяет себя как демократическое светское государство, от которого Церковь «отделена», никакой православной геополитики, строго говоря, быть не может. Впрочем, определять себя можно как угодно: весь вопрос в том, следовать или не следовать этим определениям на практике.

Если государство Российская Федерация будет следовать конституционному определению самой себя, о православной геополитике можно забыть навсегда. Некоторые патриотически настроенные умы склонны порой задаваться вопросами, которые на самом деле являются риторическими, вроде: «Почему до сих пор не подписан Союзный договор с Белоруссией?» или: «Почему Россия политически не поддерживает православных на Украине?» (*«Мишку мучает вопрос: / Кто здесь враг таинственный? / А ответ ужасно прост, / И ответ единственный»*, — как с известной долей сарказма пел в свое время В. Высоцкий). Он заключается в том, что православная геополитика в сегодняшнем мире попросту *не имеет субъекта.*

Казалось бы, очевидно, что таковым субъектом должна выступать сама Православная Церковь. Но Православная Церковь, в отличие от Католической, состоит из 15 автокефальных церквей, сохраняющих общую традицию и признающих друг друга, но политически друг от друга независимых. Любому, кто обратится к данному вопросу, становится понятно, что 15 – число очень условное, и автокефальных церквей (чисто гипотетически) может быть и 16, и 20, и 30 – если только в православном мире их отделение будет признано каноническим. А в отсутствие единого полноценного субъекта признание/непризнание становится игрой, которая может продолжаться довольно долго – хоть до прихода Антихриста.

Прот. Всеволод Чаплин в своей недавней публикации о понятии «канонической территории» совершенно справедливо отмечает: «Христианский мир бросает своего рода вызов принципам мирской власти: если в "мире сем" обычным является захват территории, равно как и борьба за нее, в христианском сообществе – Церкви – подобный захват объявляется при любых условиях незаконным, подлежащим исправлению и чреватым утратой высшей свободы во Христе и порабощением грехам стяжательства, властолюбия и распри. Пастырь должен уважать другого пастыря, епископ – другого епископа, митрополит – другого митрополита, и в каждом месте, на каждой "территории" должен быть только один носитель законной церковной власти, только одна Церковь. Такой идеал, укорененный в евангельской нравственности, и составляет основу разделения областей пастырской ответственности». Но прот. Всеволод тут же сам и оговаривается: «К сожалению, православный мир этот идеал в значительной степени утратил. Во многих местах – не только в диаспоре, но уже и на канонических территориях, признанных де-юре или де-факто, – появляются параллельные епархии и епископы. Причина этого в кризисе межправославных отношений, которые, не побоюсь этого сказать, страдают от тяжкой и хронической болезни, таящей смертельную опасность».

Итак, межправославные отношения находятся сегодня в кризисе, притом кризис этот может обернуться смертью «пациента» – это признает весьма авторитетный в данном вопросе специалист. Прот. Всеволод мягко намекает и на главную причину этого кризиса: «Конфликты вокруг территорий в церковной среде были и раньше, однако они... разрешались *на основе соборности*. Сегодня же *те, кто заявил о своем исключительном праве созывать всеправославные собрания* (выделено мной – И.Б.), фактически остановили этот процесс, как только в его рамках начались реальные попытки добиться ясного равноправия Поместных Церквей и разрешить все проблемы именно на его основе». Эвфемистическая формула «те, кто заявил» не оставляет сомнений в том, что речь идёт о Константинопольском Патриархате и его нынешнем главе – Вселенском патриархе Варфоломее, решившим вернуть реальный вес своему историческому титулу.

Остов Империи

Надо отметить, что в свое время (V в.) такому титулованию резко противилось подавляющее большинство церковных общин Империи, во главе с общепризнанным тогда авторитетом – Римским папой. Именно это обстоятельство (претензия Константинополя на верховенство на православном Востоке в обход, к примеру, таких исторически и богословски состоявшихся кафедр, как Эфесская и Кесарийская) привело к Халкидонским спорам и отпадению ряда церквей (в частности, Армянской) от Экуменического (Вселенского) патриархата.

И сегодняшняя ситуация распада Империи, когда СССР ушёл с огромных территорий, оставив после себя в качестве управляемых структур только епархии Русской Православной Церкви, однажды уже была в истории, в другую пограничную эпоху. Если мы живем на стыке Мо-

дерна и Постмодерна, когда буквально на наших глазах начинается пересмотр всех границ, то на стыке Античности и Средневековья точно так же, как Советский Союз, распалась под натиском варваров Западная Римская Империя. И тогда, точно так же, словно остов Империи, в качестве единственных работающих структур оставались православные (тогда ещё) епархии. Власть епископа оказалась последним бастионом Империи, а Римский епископ воспринимался в том числе и как гражданский лидер, практически как местоблюститель Императора. С ним заключали договора, соглашения, он защищал Рим от нападок варваров.

Таким был, в частности, епископ Амвросий Медиоланский, заставивший на коленях стоять у порога храма самого Императора, таков был и святой Папа — святитель Лев Великий. В 452 г. от Р.Х., когда гунны подошли к Риму, именно он уговаривает Аттилу отступить. И практически следом за этим, в письме Императору, Папа говорит о непризнании 28 канона, дававшего Константинопольской кафедре 2-е место после Рима и преимущество перед другими. Лев I буквально вынуждает императора Валентиниана III издать эдикт о церковном верховенстве Рима. Именно этот откровенный шантаж императорской власти в письме, в котором уже различим почерк будущих пап-теократов, и привёл через 20 лет Западную Империю к полному краху. Рядом со столь сильным епископом места для императорской власти уже не было. Рождался новый геополитический субъект – Римско-католическая церковь во главе с Папой.

Однако авторитарность и антисоборность папства, папоцезаризм, раскрывшийся несколькими столетиями позднее и приведший единую Христианскую Церковь к великой схизме, не позволяют говорить о Папе как полноценном субъекте христианской геополитики. Борьба пап с императорами – как восточными, так и западными, — красноречивый тому пример. Тем не менее сама геополитическая субъектность Папы для Западного мира, разумеется, не подлежит никакому сомнению. Равно как и Царя – для христианского Востока.

Церковь и Царство

На исходе византийского «тысячелетнего царства Христа» власть Василевса таяла на глазах. Московский великий князь Василий I Дмитриевич распорядился не поминать Царя за церковной службой. Вскоре после этого он получил письмо от Константинопольского Патриарха Антония IV, где тот указывал на его ошибку: «Слышу, что ты говоришь: «Мы имеем Церковь, но Царя не имеем». Не думаем, чтоб и это было хорошо. Царь, как Царь святой, имеет большое значение в Церкви: он не такой Царь, как другие начальники и местные правители. Изначала цари утверждали и поддерживали благочестие по всей вселенной; они же собирали Вселенские Соборы и сами подкрепляли и законом предписывали решать все, относящееся до православных догматов и образа жизни христиан согласно с Божественными и священными канонами; они же много потрудились против ересей и издавали указы о кафедрах архиереев, о разделении епархий и разграничении их пределов. А потому и имеют великую честь в Церкви... Итак, нет ничего хорошего, сын мой, если ты говоришь: “мы имеем Церковь, а не Царя”. *Невозможно христианам иметь Церковь, но не иметь Царя.* Ибо царство и Церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга».

Это послание 1393 г. является драгоценной частью православного Предания, так как кратко и емко раскрывает сущность учения о Царстве: Царь отличается от прочих начальств, он свят в своем стремлении и возможности поддерживать благочестие во всей Вселенной, он собирает Вселенский Собор и законодательно закрепляет догматы, определяет правила христианской жизни. *Царь вообще неотделим от Церкви.* Как невозможна геополитическая субъектность христианского Запада без или помимо Папы, точно так же невозможна субъектность Востока без или помимо Царя.

Однако положение Царя в Церкви в данном (то есть геополитическом) аспекте представляется даже более важным и незаменимым, поскольку именно на нём, согласно Иоанну Златоусту, лежит священный долг Удерживающего, катехона. Распространение благочестия или препятствование нечестию (в том числе и с опорой на силу) во всей Вселенной, по слову патриарха Антония, – это и есть суть «удерживания», она же и основа православной геополитики. Исходя из этой цели, Царь расширяет пределы Империи, завоевывает народы или вмешивается в дела сопредельных государств.

Некоторые сегодня высказывают мысль о том, что РФ со своей «вертикалью власти» тоже может быть Удерживающим, но это вызывает большие сомнения. Если нынешняя российская государственность и является удерживающей, то уже в сильно усеченном виде. Двуглавый орел, вопреки декларативности российского герба, не держит в своих царственных когтях скипетра и державы. В отсутствие Царя он имеет тот вид, в каком его изображало Временное правительство – то есть лишен всех знаков отличия. Никакая временная власть не может быть удерживающей, так как удерживать нужно прежде всего само время. Именно в этом суть царственности.

Владимир Карпец пишет совершенно точно: «Греческий текст Символа Православной веры о Царствии Божием гласит: οὐ τής βασιλείας οὐκ ἑσται τέλος, что буквально переводится как «нет и не будет конца» (т.е. буквально – цели движения). Это в точности соответствует представлениям о времени как подвижном образе вечности, способном приобретать грани и индивидуальные черты. Кстати, о. Павел Флоренский указывает, что «каждый срок в сакральном смысле должен быть «заполнен лицом, его характеризующим». В истории это и есть сакральный Царь, Император, в месяцеслове (который разбирает о. Павел) – святой дня... «Уловленное в сеть» время само оказывается пленено катехоном, «удерживающим ныне». «Выпустить время на свободу» – и есть открыть дорогу «духовному волку», антихристу и его антицарству, антиимперии».

Держава, которую Царь держит в руке – символ удерживающего. Скипетр – символ власти. Вместе это и есть *удерживающая государственность*. В ситуации, когда власть отказывается от скипетра или державы, ни о каком удержании речи уже быть не может. Это ведет к распаду – в том числе территориальному — на республики, которые становятся «независимыми» государствами, в действительности уже не обладающими никакой государственностью вообще.

Беззубость и почти полная беспомощность нынешней России на постсоветском пространстве напрямую связаны с пресловутым «демократическим выбором» России. Либеральная доктрина о разделении светской и духовной власти не позволяет гражданской власти проводить православную геополитику даже на просторах бывшего СССР, не говоря уже о византийской ойкумене, где на самом деле тоже ждут ее возвращения.

Обратной стороной этой либерально-демократической доктрины является то, что геополитические действия предпринимает сама Церковь в лице уполномоченных на то епископов, но все эти действия, вне поддержки верховной власти, весьма и весьма рискованны и совсем не «симфоничны».

Епископы, как бы харизматичны и ортодоксальны они ни были, при всех усилиях не смогут отстоять интересы Православной Церкви во внешнем мире. Там им противостоит жёсткая безбожная власть и гораздо более мощное и организованное католическое духовенство. Потому Император Константин и назывался «епископом внешних дел Церкви» и потому, согласно православному пониманию, власть епископов обязательно нуждается в подкреплении императорской властью, только тогда она будет действительно имперской легитимной структурой. В противном случае наступает власть беззакония, подобное тянется к подобному, и между Западом и Востоком, Православием и неправославием начинается противоестественное смешение: Восток и Запад, по незабвенному слову К. Леонтьева, начинают «срастаться ягодицами».

Согласно классической формуле кодекса Юстиниана, симфония властей — это: власть Царя, власть епископов и власть Поместного Собора. Это не Церковь+Государство. Это Царь+Собор (клир+миряне). Или, собственно, Собор, где главное лицо – Царь, а действующие лица представляют клир и мир. Структурно это соответствует трём уровням христианской Вселенной: Бог+Ангелы+люди.

Трагедией мирового христианства было то, что один из епископов, имеющий перед другими первенство чести, счел свою власть равной, а затем и более высокой, нежели царская. После этого Вселенский Собор стал невозможен. Далее был отнят Удерживающий в лице Римского Императора. Однако удерживающая власть перешла на Московских Великих Князей, ставших новыми Царями для православного мира и Белыми Царями для мира неправославного. В этом, собственно, и заключалось понимание Москвы как Третьего Рима. Но 2 марта 1917 г. закончился и этот период. Русский народ и его государство перешли под покров самой Царицы Небесной, а мир, почти уже ничем не удерживаемый, неуклонно устремился к своему концу.

Последней «вспышкой» третьеримского мира было краткое возрождение Русского Православия во время Великой Отечественной войны и в первые годы после. Тогда вновь, как в XVII в., стоял вопрос об объединении мирового православия под эгидой Москвы. Москва, как и в XVII столетии, могла стать столицей мирового Православия, главным субъектом православной геополитики. Однако, как и в XVII веке, этого не случилось.

Собственно административная часть нынешней РПЦ всё ещё несёт отсвет сталинской системы. Быть может, именно этим и обусловлены её прочность и долголетие. Но это значит, что этой системе необходим «Сталин». Тогда будет ясно, что за действиями православных русских священников, когда они действуют на международной арене, стоит ответственная воля сильного правителя, политически покровительствующего Православию. Если его в ближайшие несколько лет не появится, церковно-государственные отношения в РФ ожидает новая волна либерализации, которая может привести к слому всей постсталинской системы.

II. Православная геополитика

на постсоветском пространстве

Апокалиптическая ось истории

Настоящее время для православной геополитики нельзя назвать благоприятным. С одной стороны, как было сказано, Россия после 1917 г. непосредственно управляется своей Небесной Покровительницей. С другой стороны, мировая власть находится в руках постхристианских элит, которые прямо отрицают не только владычество Богородицы, но и само Её бытие (для них она "просто Мария"). И государство Израиль, и американские «неоконы» вкупе с «христианскими сионистами», и весь западный посткальвинистский иудео-христианский мир в целом – это земные силы, противодействующие власти Пресвятой Богородицы, в отличие, скажем, от сил традиционного Ислама, в котором Мириам почитается как Приснодева.

Русский богослов и мистик Евгений Шифферс ещё в начале 80-х гг. XX века писал об эсхатологическом нерве нашего времени – оси Дивеево/Сион – как полюсах предельного почитания и предельного отрицания Богородицы: «Дом Богородицы противостоит в духовной карте мироздания, учитывающей кладбища умерших праотцов, Дому Блудницы...» Вполне возможно, он был прав, и новый геополитический разлом пройдёт, действительно, по этой оси. Как пишет Шифферс, западный мир почему-то видит себе угрозу «в России, в месте, где Святая Мать Мальчика-Бога чтится со всей уникальной жалостью к Богу-Младенцу». То есть глобальное противостояние последних времён не будет конфликтом, скажем, «авраамических» религий против неоязычества (как это позиционируется, в частности, неоконами), но именно конфликтом чтящих Пресвятую Деву и хулящих её, противопоставляющих ей новейший гламурный образ Вавилонской блудницы.

Именно этот образ из книги Апокалипсиса идеально представляет мир победившего глобализма и является предельным переворачиванием образа Богородицы. Здесь структурное противопоставление Блудницы верхом на звере — Жене, облеченной в Солнце, точно такое же, как противопоставление Антихриста – Христу. В современном Вавилоне прежде всего подвергается искажению представление о женском и женщине.

«Идеал Мадонский» и «идеал Содомский»

Геополитическое противостояние моделируется сегодня, в частности, в мире шоу-бизнеса. Можно вспомнить, что не так давно, 11 сентября 2006 г., в день Усекновения главы Пророка и Крестителя Господня Иоанна, в Москве, на Воробьевых горах, должен был состояться концерт Вероники Луизы Чикконе, более известной своим сценическим псевдонимом «Мадонна». Обстоятельства кончины Иоанна Предтечи создавали для первого в истории выступления американской поп-дивы в Москве недвусмысленную параллель с танцем Саломеи.

Однако самым скандальным было использование певицей священных для христианина символов: во время исполнения одного из номеров Мадонна является зрителю «распятой» на гигантском кресте и с терновым венцом на голове. Это шоу, в котором незадолго до праздника Воздвижения кощунственно обыгрывается образ Честного Креста, с православной точки зрения, выглядел не иначе, как глумление над Распятием. Под давлением Церкви и общественности выступление было перенесено на один день, но все-таки состоялось. 12 сентября в Лужниках около 20 тысяч зрителей увидели в том числе и номер с «самораспятием».

Находящимся всё ещё под Покровом Божией Матери, к счастью, пока невозможно представить, чтобы какая-либо эстрадная певица выбрала бы себе в качестве псевдонима имя Пресвятой и выступала бы с ним на сцене. Трагедия современного Запада в том, что святые образы там давно развенчаны культурой: «идеал Мадонский» и «идеал Содомский» смешались в мире, где гламурный глянец постеров структурно заменил святые Лики икон.

Разумеется, видеть в самой Луизе Веронике Чикконе апокалиптическую Блудницу будет преувеличением. Но она, несомненно, является её сценической моделью, приближающей проявление «матери блудницам и мерзостям земным» (Откр. 17, 5).

Следует отметить при этом, что воспитанная в итальянской католической семье Луиза Вероника отреклась от Христа, приняла новое имя Эстер (Эсфирь), и в настоящее время ее духовной жизнью руководит каббалист – далекий, как утверждают, от иудаистической ортодоксии.

Католики, кстати, не остались в стороне от этого события. После выступления певицы в Риме представители Ватикана отметили, что концерт Мадонны «непочтителен, носит черты дурного вкуса и провокации». Консервативный католический кардинал Эрсили Тонини выразился так: «Распять себя во время концерта в городе пап и мучеников — это неприкрытая враждебная акция».

Традиционные католики осуждают певицу. Но так ли уж согрешила, с точки зрения католицизма, Луиза Вероника, выбирая себе сценический псевдоним «Мадонна»? Не было ли это в некотором смысле предопределено, ког-

да католический мир отступил от канонов иконописи?

Человеческое искусство всегда снижает Образ. Снижение Образа влечет за собой утрату Образца. Ни в леонардовых, ни в рафаэлевых мадонн уже невозможно верить. Западная культура неуклонна в своем падении: икона – картина – постер. Протестантский мир, яростно отвергший икону, оказался особенно падок на культуру постера. Постер, вырезанный из глянцевого журнала, формально ничем не отличается от иконы, вырезанной из православного календаря. Решающая разница между одним и другим в том, что именно изображено. Постер (как и вся выстроенная на нём современная культура Glamour) – это сотворенный кумир, на которого реально молится сегодня весь постхристианский мир.

Так что тревогу западным христианам нужно было поднимать много раньше – пять столетий или, как минимум, четверть века назад, когда Луиза Вероника Чикконе в первый раз отреклась от своего христианского имени. А ведь с этим именем связано одно из ключевых преданий Христианства, как раз напрямую относящихся к теме святых образов – икон. Святая праведная Вероника полотенцем вытерла окровавленное лицо Спасителя, когда Он следовал на Голгофу. Придя домой, она обнаружила, что на полотенце запечатлелся Его Лик. Этот самый плат святой Вероники со временем попал в Рим и стал известен под именем Нерукотворного образа.

Сама певица, разумеется, не видит в своих действиях ни кощунства, ни соблазна. «Существует множество домыслов по поводу моего появления на кресте, и я хотела бы объясниться раз и навсегда, — заявила она вскоре после окончания турне. — Нет никакой разницы между тем, носит человек крест на шее или "поднимается на него", как сказано в Библии... В глубине души я верю, что Иисус, если был жив сейчас, сделал бы то же самое».

«Если бы Иисус был жив сейчас...» — каждая фраза этой «подражательницы Христу» звучит как искушение для почитающих Воскресшего и Восшедшего на Небеса Господа – Источника Жизни. Несомненно, те, кто руководит ею, направляют свои удары в самое сердце христианской культуры – в святыню Образа, в святыню имени.

По стопам «Мадонны» сегодня идёт небезызвестная Бритни Спирс. Информационное агентство Интерфакс-Религии распространило информацию о том, что Французский продюсер Филипп Реббоа собирается снять сатирическую комедию «Дорогой младенец Иисус» с Бритни Спирс в роли «Богородицы». По замыслу Ф. Реббоа, 26-летняя Спирс изобразит беременную 19-летнюю девушку, не знающую точно, кто является отцом ее ребенка. Во время родов в сочельник по городу Вифлеему (США, штат Мэриленд) поползут слухи о втором пришествии Христа.

То есть налицо очевидная стратегия смешения образа Пречистой с совершенно иными образами и смыслами. Побеждающий сегодня мир иудо-кальвинистского глобализма – это мир транснациональной содомии – гомоэротики, феминизма, трансвестизма и т.п. Это мир антикатехонический, предшествующий приходу антихриста. Неслучайно, что именно этот мир столь последовательно отрицает Царскую власть — власть иерархии, организованной по мужскому принципу. И, напротив, удерживающая государственность России, начиная с великого князя Андрея Боголюбского и вплоть до последнего Царя, ритуально убитого в один и тот же день со св. кн. Андреем, строилась на откровении Богородицы, явленном через святых благоверных князей и преподобных, воплощенном в храмовом зодчестве и мистике святых икон. Трудно не согласиться с тем же Шифферсом, говорящим (в тот момент, когда описываемые явления только-только зарождались) о том, что «в истории есть сообщества, то есть объединения людей, имеющие целью разрушение Дома Богородицы. Писание называет их «синагогой Сатаны» и, действительно, сообщество причастных этой синагоге должно иметь стратегию и тактику разрушения «внутренней идеи» святой Руси».

«Блудница, сидящая на водах многих»

Однако существуют такие толкования апокалиптического противостояния наших дней, которые, если сохранять исследовательскую честность, никак нельзя обойти вниманием. В частности, известно толкование Льва Тихомирова , связывавшего образ Жены-Любодейцы с Россией. Говоря об апокалиптическом Вавилоне, он пишет: «*Но если это царство, то очевидно такое, которое было раньше очень тесно связано с Богом, со Христом, на подобие церкви. Иначе предание себя не Богу, а благам земным – во всяком случае не было бы «изменою», не было бы «прелюбодейством». Прелюбодеянием обозначается в Библии – поведение Израильского народа, но никак не Персидского или какого иного царства, никогда и не вступавшего с Господом в обручение Завета. Прелюбодеицей является у пророков «Дева Израиля», но не «Дщерь Вавилонская».*

Если принять во внимание все это, то скорее всего можно представить себе, что Жена Любодеица есть

никто иной, как Россия, изменившая Богу. Ни одна нация не сливала так своего гражданско-политического бытия с церковным, как Россия. Только древний Израиль представляет с нею в этом аналогию, ибо даже и Византия несла в себе наследство политического учреждения – древнего Рима, а Россия, подобно Израилю, родилась вместе с обручением Господу».

Однако ведь Тихомиров не предполагал, что государство Израиль вновь возникнет на карте мира. И потому пророческое выражение «Дева Израиля» скорее следует здесь понимать буквально. Кроме того, Россия отнюдь не «родилась вместе с обручением Господу». Здесь у Тихомирова очевидная аберрация. Завет с Господом подписан лишь одним народом, и лишь у этого народа есть понятие Шехины (народа Израиля как супруги Бога в изгнании), и, следовательно, лишь этот народ может блудить, т. е. изменять своему Господу с другими. Относительно же России можно говорить об измене Царю, но не Богу. Богу Россия не изменяла никогда, даже во времена СССР, о чем свидетельствуют как сонм новомучеников и исповедников, так и, с другой стороны, тайное отрицательное (апофатическое) исповедание, инкорпорированное в мировоззрение среднерусского коммуниста. Россию с Богом связывают отнюдь не брачно-договорные отношения. Русские скорее милостью Божией усыновленные дети в Дому Пресвятой Богородицы, потому и измена здесь, строго говоря, невозможна. Возможен бунт против Отца и Матери, уход из дома, но и возвращение блудных детей под Материнский покров. Но это совсем другой сюжет, не имеющий отношения к Апокалиптической Блуднице.

Против России говорит и выражение «сидящая на водах многих» (Откр. 17, 1). В особенности это очевидно после развала СССР: Россия практически отрезана от морей, к которым она пробивалась веками. Впрочем, Откровение может предполагать пресные воды. Тогда напротив, Россия очень даже подходит под это определение.

И всё же очевидно, что даже в нынешних мерзостях своих Россия подражает Западу. Россия (в данном случае это преимущество) всё ещё мало цивилизованна. Культура Вавилона является привнесённой в Россию, а не произрастает органически, как в США. Потому рано или поздно Россия сбросит эту культуру, откажется от неё. Или – по Леонтьеву – произойдёт «срастание ягодицами» с Западом. Но в самом худшем случае Россия прирастёт к мировому Вавилону, а не явится центром зла. Собственно, именно поэтому либеральный внешнеполитический курс России, нацеленный на сближение с Западом, на стратегическое партнёрство с Америкой – это курс на Вавилон. Москва постепенно приобретает черты Вавилона, но всё же, думается, апокалиптическое пророчество относится к другому городу на семи холмах.

Город на семи холмах

Семь холмов, это, согласно толкованию самого Откровения, семь холмов, на которых стоит город («Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена» 17, 9). Таким городом является первый Рим (что дало повод протестантам видеть Блудницу в Римско-Католической Церкви), Второй и Третий Рим (Константинополь и Москва), но также и Киев, Вашингтон, Кенигсберг (Калининград), Киров (Вятка), Амман (Иордания), Яунде (Камерун) и многие другие города.

И только Вашингтон сделан как прямая копия Рима, с повторением названий самих холмов. И только Вашингтон сегодня может рассматриваться как «великий город, царствующий над земными царями» (Откр. 17, 18). Именно это обстоятельство может примирить с риторикой Владимира Путина, когда он говорит : «Мы не хотим никем командовать, мы не хотим быть никакой супердержавой, которая доминирует и навязывает свои решения». В этом звучит твёрдый отказ от Вавилонского соблазна, хотя проблема прозападного курса и преувеличенной роли так называемой экономики остается. Если уж Москва не новый Вавилон, то быть одним из «десяти рогов», «упивающихся вином блудодеяния», а потом получающим от Зверя власть уничтожить Блудницу – честь ещё более сомнительная. Верится, что Пречистая от этой печальной участи нас сохранит.

Вообще же формула СНГ (10+1) явно разработана в кабинетах протестантов-фундаменталистов, назвавших Москву Империей зла, т. е. отождествивших её с Вавилоном, который должен разрушить 10 рогов – правителей бывших республик. Однако лучше поищем эти самые «10 рогов» среди стран, которые будут уничтожать США. И это вовсе не обязательно исламские страны, как полагает В. Цымбурский.

Католический мир в данном случае выступает как бы посредником между ортодоксальным Православием, сохранившим понятие о правильном миропорядке, и миром глобального компромисса. Римско-Католицизм предстает как завершенный модерн, несущий в себе как элементы традиции, так и антитрадиции. Союз православных и католиков (а возможно, и консервативных протестантов-лютеран) против постхристианской цивилизации глобализма – проект, о котором грезил на рубеже XIX и XX вв. Владимир Соловьев, сегодня не кажется таким уж несбыточным. К этому «восстанию против со-

временного мира» мог бы органически примкнуть и традиционный Ислам, а в самые последние времена и тот «остаток Израиля», который спасётся, по свидетельству Апостола Павла (Рим. 9, 27) .

Но пока англо-саксоно-иудеохристианский глобализм имеет больше ресурсов, доминирует и действует с большим опережением. Обратим внимание на то, что везде, где имеет место конфликт между православными и мусульманами или католиками и мусульманами, эти конфликты искусственно разжигаются и поддерживаются атлантистским сообществом. Именно США и Англия взрастили так называемый «исламский терроризм». Проект Великой Албании поддерживаются теми же силами. Поэтому неслучайно конфликт в Косово хотят решить «без участия России». Как это сделать? Очень просто.

Европравославие

Для этого должен быть создан альтернативный центр европейского или даже мирового Православия. Собственно, его даже не нужно создавать, поскольку он успешно действует уже с начала XX века. Речь идёт, естественно, о Фанаре – резиденции Константинопольского патриарха, в последнее время всё чаще вновь именуемого Вселенским. И Ватикан, и Вашингтон сегодня крайне заинтересованы в том, чтобы этот патриархат, политически полностью контролируемый, рос и расширял свое влияние. И процесс распада Советской Империи создает для этого все предпосылки.

Православный публицист Елена Матьязова совершенно точно отмечает : «Для осуществления своих целей Ватикану просто необходим Стамбульский Патриархат именно как фиктивный центр Вселенского Православия, позволяющий себе вторгаться во внутренние дела различных Поместных Православных Церквей для проведения экуменической политики. Что касается Вашингтона, то он оказывает Фанару государственную, светскую поддержку и помощь. Патриарх Варфоломей активно выступил за независимость от России Украины и Грузии, и соответственно независимости от Московского Патриархата их православных Церквей, в связи с чем он открыто поддержал произошедшие в этих странах «бархатные» революции. А в течение ближайшего времени Стамбульский Патриархат официально получит в рамках Европейского Союза особый статус Патриархата, представляющего единую Православную Церковь стран-членов Европейского Союза со всеми из этого следующими полномочиями». То есть перед нами идеальный подконтрольный США (а точнее мировым постхристианским элитам) формат Православия для Западной Европы. «Вторая по чести» христианская кафедра (после Рима). На этот центр могут быть сориентированы как успешно демократизированные балканские православные, так и те приходы, которые не приняли воссоединения РПЦ и РПЦЗ, в чем мы недавно легко убедились на примере бегства под Константинополь епископа Василия Осборна.

За 400 лет не увенчались успехом и неоднократные попытки сделать центром мирового Православия Москву. Вернее, в XVI-XIX столетии она им являлась, пусть и неформально. Но и это неформальное лидерство было куплено очень дорогой ценой. Во-первых, понимание Третьего Рима патриархом Никоном привело к расколу Русской Церкви, роковой характер и последствия которого начинают в достаточной степени осознаваться только сейчас. Во-вторых, геополитика Русских Императоров, начиная с Петра I, хоть и была геополитикой Третьего Рима, объективно вела к секуляризации и эгалитаризму. Освобождение православных народов могло быть достигнуто (и было достигнуто) путем поддержки национально-освободительных движений. А последние, в свою очередь, возглавлялись масонскими организациями. И потому, сыграв решающую роль в освобождении Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, добившись влияния, Россия затем все равно теряла эти страны в качестве союзнических, а кроме того, портила отношения с консервативными империями Европы – Германией и Австро-Венгрией, что напрямую вело к трагическим войнам XX века.

Так происходит и доныне, и все эти страны, уже дважды освобожденные Россией, являются странами-участницами НАТО. Нельзя не поразиться прозорливости Константина Леонтьева, предвидевшего это ещё в середине XIX столетия. Леонтьев, с его сугубым почитанием Божией Матери и послушанием афонским и оптинским старцам, прозревал суть будущего геополитического «расклада». Вопреки всем и прежде всего своим учителям-славянофилам он говорил о необходимости союза с Османской Турцией в противодействии националистическим началам, в пределе логично ведущим к протестантизации, тотальному всесмешению и конечному распаду мира.

Как ни прискорбно это сознавать, но геополитического единства православных народов не существует. Существует, несомненно, их культурная близость, но геополитически раз за разом и Греция, и Болгария, и Румыния оказываются по другую сторону фронта. Сербия и Черногория являются лишь исключением, подтверждающим это правило. И когда большевики, придя к власти, стали поддерживать Турцию против греков, это было по-леонтьевски — геополитически они были правы. В результате Сталину удалось создать ту систему, при кото-

рой большинство православных стран Восточной Европы стало ориентировано на Москву. Но хотя сталинский СССР и поддерживал православие в Румынии и Болгарии и, к примеру, на Украине против униатов и католиков, все же итоги нескольких десятилетий этого единства неутешительны.

Некоторые выводы

Нынешней России нечего делать в Константинополе, и даже от решения Косовской проблемы ее сегодня отстраняют, так как необходимый для Европы формат Православия уже найден. Все православные поместные Церкви, которые находятся в странах ЕС и НАТО, будут со всей принудительностью европейского гуманизма вовлечены в проект европравославия под эгидой Константинополя.

Там же, в Константинополе, может найти свой центр и Украинская Православная Церковь, если под давлением оранжевой власти она вздумает отделиться от Московского Патриархата. Неслучайно Киевский митрополит Владимир причащал Ющенко на Афоне, где в последнее время не очень жалуют русских иноков. Факт вопиющий и тревожный, поскольку Виктор Ющенко причащается и в раскольническом Киевском патриархате, нимало не раскаиваясь в этом. Очевидно, в его сознании единая Поместная Украинская Церковь уже существует. Но, выходит, она существует и в сознании Владыки? Вне всякого сомнения, автокефалия Украинской Церкви – это новый этап дезинтеграции постсоветского пространства. Противостоять этому можно только политическим путем. Церковь сама не справится с этой задачей, и нас могут ожидать в будущем все новые и новые расколы. Без Православного Императора Церковь безоружна. Она сама распадается на части. Поэтому вместо расплывчатости и дешёвого популизма либеральных формулировок необходима чётко артикулированная заявка на постсоветское пространство. Думается, что именно к Русской Церкви последних времён обращено Господне слово из Апокалипсиса: «Только то, что имеете, держите, пока приду» (Отк. 2, 25).

Только такая Русская Церковь будет сильна и авторитетна, которая будет держаться своего Священного Предания, своих традиций, не станет заигрывать с мировыми силами, а будет до конца противостоять им. Центр ортодоксии должен находиться не на Чукотке, а в Москве. Потому что Москва – это Третий Рим.

Материал поступил в редакцию 16. 09. 2008 г.

УДК 371

© Бражникова Я.Г.
Brazhnikova Y.G.

ОТ ПАРИЖА ДО ЧУКОТКИ

FROM PARIS TO CHUKOTKA

Аннотация. *Показано, что Русская православная церковь в последнее время стала одним из основных театров глобальной информационной войны. Случилось это после того, как США разработали и начали реализовывать план раскола РПЦ и вытеснения ее с постсоветского пространства. Настоящая статья описывает один из эпизодов данной войны.*

Annonfnion. *It is shown that Russian Orthodox Church recently became one of the basic theatres of global information war. It happened after the USA have developed and have started to realize the plan of ROC split and its replacement out from the postsoviet space. The presented paper describes one if the given war episodes.*

Ключевые слова. *Недостоверная информация, паломничество, древние святыни, диалог, католичество, политическое сотрудничество, европравославие мусульманство, христианские конфессии.*

Key words. *Unreliable information, pilgrimage, ancient relics, dialogue, Catholicism, political cooperation, Euroorthodoxy, Moslem, Christian confessions.*

Стоил ли Париж мессы?

Европейское «паломничество» святейшего патриарха Алексия II, состоявшееся 1–4 октября 2007г., уже спровоцировало множество недоумений, кривотолков, обвинений, опровержений, оправданий, обращений, заявлений, а может быть, даже и уходов под землю, о которых пока еще молчат сводки новостей. Главной причиной этих «кругов на воде» стала, мягко говоря, недостоверная информация, распространенная из официальных церковных источников – отдела коммуникации ОВЦС и пресс-службой Московской Патриархии. И дело здесь вовсе не в том, что указанные источники намеренно исказили информацию о прошедших событиях с целью скрыть от православных верующих и широкой общественности какую-то нелицеприятную «страшную правду», в которой и не замедлили заподозрить Патриархию сторонники епископа Диомида и другие «истинно-православные». И не в том, что в недрах ОВЦС замышлялось и проектировалось мероприятие, которое должно было остаться неизвестным народу (и все это в условиях информационного общества!) Дело в том, что в осеннем Париже 2007г. сошлись воедино все основные векторы геополитики православия – Рим, Фанар и Москва, стянув воедино всю православную ойкумену – от Атлантики до Чукотки. Сошлись не в унии и тем более не в единстве, а, наоборот, в скрытом противостоянии, о перипетиях которого не сможет узнать читатель из миролюбивых культурологических и аполитичных коммюнике информагентств. И, забегая вперед, стоит сказать, что в той информационной войне, местами переходящей в рукопашную, которая ведется сегодня против Русского Православия, Парижская битва, к великому сожалению, оказалась проигранной.

Информируя о ходе пребывания Святейшего в столице Франции, Служба коммуникации ОВЦС сообщает, что «после православного молебна, который совершил исполняющий обязанности настоятеля Трехсвятительского подворья в Париже иеромонах Нестор (Сиротенко), Святейший Патриарх Алексий, православные клирики и миряне поклонились Терновому венцу,

Бражникова Яна Геннадиевна –кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии РГГУ, тел. +7(495)543-36-76.

Brazhnikova Yana Gennadievna – the candidate of philosophical sciences, the senior teacher of faculty of social philosophy of RSHU, tel. +7(495)543-36-76.

частице Животворящего Креста Господня и гвоздю, которым было пронзено тело Спасителя», «великой святыне христианского мира, хранящейся в соборе Парижской Богоматери». «По завершении молебна» (выделено авт.) Предстоятель Русской Православной Церкви обратился к собравшимся в храме:

«Хотел бы, прежде всего, выразить чувство нашей благодарности Вам, Ваше Высокопреосвященство архиепископ Андре Вен-Труа, за приглашение посетить Ваш кафедральный собор, а также за возможность поклониться одной из величайших святынь христианского мира — Терновому Венцу Господа нашего Иисуса Христа. Благодарю Вас и за то, что православные христиане регулярно могут совершать здесь молитву и богослужение....»

Здесь же – и позже, уже опровергая слухи о *«якобы имевшем место совместном православно-католическом богослужении в Соборе Парижской Богоматери»*, Служба коммуникации ОВЦС и пресс-служба Патриархии предлагают успокаивающий «комментарий экскурсовода»: *«В связи с развитием паломничества православных верующих в различные страны мира для поклонения святыням древней Церкви, развивается и традиция совершения православных богослужений перед святынями, хранителями которых ныне являются представители иных христианских церквей. Как правило, православным паломникам предоставляется для этого разрешение и оказывается любезное содействие. Так, клирики Корсунской епархии, равно как и многочисленные представители Русской Церкви, посещающие Париж, регулярно проводят православные богослужения перед Терновым венцом Господа Иисуса Христа. По свидетельству инославных христиан, православные паломничества такого рода предоставляют «прекрасную возможность для более близкого знакомства с богослужением и духовной традицией Православной Церкви».*

Описанная идиллия соответствует действительности – и даже более того. От некоторых «клириков Корсунской епархии» мне приходилось слышать, что католические храмы во Франции хронически пустуют – ибо это страна, где «наследие Французской революции» – не пустые слова, а древнехристианские святыни как, например, недавно обретенные православным иереем мощи святой императрицы Елены прозябают под спудом отнюдь не метафорической пыли. Православные молебны в Нотр-Даме – явление желанное для католиков и не такое уж редкое – ввиду участившихся православных паломничеств к древним святыням. Таким образом, подчеркивается, что Святейший совершил паломничество в сопровождении митрополита Кирилла, о. Всеволода Чаплина, о. В. Вигилянского и т.д. Правда, позже ОВЦС вынужден был добавить, что «во время молебна в соборе также присутствовали архиепископ парижский и некоторые клирики его епархии».

При этом нам сообщают, что в этот же день в этом же месте состоялось еще одно событие, а именно «беседа Предстоятеля Русской Церкви с католическим архиепископом Парижским Андре Вен-Труа»: *«3 октября Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II встретился в соборе Парижской Богоматери с архиепископом Парижским Андре Вен-Труа»*. После чего приводится сильно урезанный вариант обращения архиепископа: «*Католики Парижа и особенно я как архиепископ имеем честь приветствовать Вас в этом древнем соборе. Он уже 800 лет является центром этой части Парижа и архитектурным символом христианской веры во всем городе... Мы польщены Вашим присутствием и радушно принимаем Вас здесь сегодня».*

«Долгая история человечества, особенно история Европы в течение XX века, показала, к каким ужасным последствиям приводят политические идеологии, предпочитая любви господство партий или идолопоклонство перед расой или властью, — подчеркнул он. — Этот долгий трагический период показал, что укрепленные могуществом Воскресения настоящие последователи Христа, даже обреченные на молчание и подполье, сохраняли силу веры, нередко ценой собственной свободы и жизни».

«У нас с вами разные традиции и разные социально-культурные контексты, но эти различия не только не препятствуют, но и способствуют развивающемуся между нами обмену дарами Божия Провидения. Это, в частности, происходит благодаря русским богословам из иммиграции» — отметил архиепископ Парижский Андре Вен-Труа.

Он сообщил, что католики Франции с большим интересом следят за возрождением Православной Церкви в России и благодарят Бога за плоды, которые оно приносит, особенно в таких сферах, как возрождение приходской и монастырской жизни и церковного социального служения: «Мы, католики, уверены, что многому научимся и многое получим из опыта Православных Церквей. Осмелюсь предположить, что наш собственный опыт живой веры в совершенно другом контексте также может быть не лишенным интереса для вас».

Патриарх, как сообщает ОВЦС, ответил на это следующее: *«Мы готовы поделиться опытом, накопленным и в годы гонений, и в благоприятное время»*. При этом:

Святейший Патриарх Алексий поблагодарил за возможность поклониться великим святыням и за то, что православные христиане имеют возможность совершать перед ними молитвы и богослужения. Его Святейшество также отметил, что богослужение могли увидеть в прямом эфире зрители ряда телеканалов, в частности, канала Russia Today. А архиепископ Андре Вен-Труа засвидетельствовал готовность верующих католиков постигать традиции Православия, причем относящиеся не только к прошлым векам, но и к современной жизни.

В заключение (выделено мной – Я.Б.) встречи, — информирует ОВЦС — Его Святейшество подарил собору Владимирский образ Божией Матери. В качестве памятного дара архиепископ Андре Вен-Труа преподнес Предстоятелю Русской Православной Церкви изображение Рождества Христова.

Вот такой молебен и такая встреча состоялись, по данным сайта «patriarchia.ru» 3 октября 2007 г. в Париже. Любознательные верующие могут также узнать, что в Париже Патриарх встретился с президентом Франции Николя Саркози (видимо, в качестве политической нагрузки к паломничеству), а тот, в свою очередь рассказал, что внимательно следит за подъемом России, в котором огромную роль играет Русская Православная Церковь. После такой оптимистичной подборки фактов любознательному российскому читателю остается лишний раз поблагодарить Бога за то, что ему суждено было родиться в это время и в этом месте и воочию наблюдать торжество вселенского православия во главе с Русским Патриархом. И дабы не утратить этой иллюзии, ему рекомендуется пресловутую любознательность придержать.

Цензура и информационная политика – вещь необходимейшая. В том случае, когда опасность утечки информации сведена к минимуму. Но когда описываются события, предназначенные для прямой трансляции – не только по центральному каналу Франции, но и – в чем абсолютно уверена католическая, «приглашающая», сторона (совершенно очевидно, что это было ключевым «информационной» целью Ватикана, «замятой» православной стороной) – для синхронной трансляции по центральному российскому ТВ, — подобная «цензура» выглядит как расписка в собственной несостоятельности. Телетрансляция парижского молебна, так и не состоявшаяся, вопреки убежденности католиков, — в России (отчего в анонс о «беседе» были «врезаны» странные слова «благодарности» за возможность трансляции по каналу Russia Today – благодарен за это должен был быть, напротив, скорее архиепископ, а не Патриарх) – доступна, как и информация службы коммуникации ОВЦС, пользователям Интернета. А пользователям интернет архивов blip.tv она доступна аж в двух вариантах – с комментарием католической стороны и с комментарием православной программы «Orthodoxie». Если взять в скобки католический комментарий, который заслуживает отдельного анализа и описать то, запутанным отражением чего служит информация от ОВЦС, получается следующее.

3 октября 2007 г. при значительном скоплении верующих обоих христианских конфессий, телекамер и журналистов (как именно католическая сторона готовила информационную почву для визита «Patriarche Russe» скажем позже) под католическое «Аллилуйа» делегация русской православной Церкви во главе со Святейшим входит в огромный Собор Нотр-Дам де Пари. Архиепископ Парижский Андре усаживает Святейшего в центре Собора и обращается к нему с приветственным словом, начало которого приводится ОВЦС как часть их «беседы». Опираясь на известные риторические приемы из арсенала «больше никогда» при описании ужасов XX в., когда поклонение расе и всему, что разделяет людей, затмило любовь, архиепископ переходит к идее «христианского единства, к которому мы стремимся» (l'unite a la quelle nous aspirons) и заканчивает монументальным высказыванием, срывающим бурю оваций: Nous prierons chaquun dans sa tradition... mais comme Il soit Un nous serons uns! (Мы помолимся каждый в своей традиции... но как Он един, мы будем едины). В ответ (обратите внимание – еще до начала молебна, а не по завершении его, как сообщили официальные церковные СМИ) Патриарх произносит свое обращение, начиная с архиепископа и переходя к православным, пришедшим помолиться в этот день вместе с ним. Со второго же абзаца Святейший, как вы можете убедиться, переносит образ преодоленных «ужасов прошлого», о которых говорил европейский иерарх, в современность, в неотвратимое и трагическое будущее: «И пусть окружающий нас мир полон поклонения пустым и ложным идолам. Пусть он наполнен унынием, отчаянием, растерянностью, скорбями. Мы знаем, что нам открыты врата Неба, и призываем всех войти в него. Войти, откликаясь на Божий призыв: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со мною» (Откр. 3. 20). Этот призыв обращен к каждому человеку и к каждому народу. Благодарение Богу, что многие люди услышали его за века истории христианской Европы. Миллионы людей откликаются на него и сегодня. Пришло время объединить наши усилия перед лицом новых вызовов современности. Мы, христиане, должны найти возможность совместно свидетельствовать о Евангельской истине и о непреходящих нравственных ценностях. Мы видим, что совре-

менное общество с утратой нравственных ориентиров и господством ложных ценностей становится все более бесчеловечным и жестоким, порождая множество конфликтов и противостояний как между отдельными людьми, так и между сообществами и народами. Поэтому обращаюсь сегодня ко всем вам, дорогие братья и сестры во Христе, с чувством глубокой тревоги и сознанием нашей общей ответственности перед Богом за состояние современного мира».

Французские телезрители (в том числе и те немногие из них, кто является православным или католиком) наблюдают происходящее, упакованное в очень грамотный комментарий (и это всего лишь малая часть той кропотливой работы, которая уже к этому моменту проделана католическими СМИ в области общественного мнения). Комментирует Ришар Эскудье, ответственный за экуменические контакты Римско-католической Церкви во Франции: «С чем связан визит русского Патриарха во Францию? Разумеется, с активизацией экуменических процессов. Сегодняшняя общая молитва (priere commune) это предпоследний шаг в деле объединения Церквей в едином свидетельстве (temoignage commun) христиан, к которому постоянно призывает Папа Бенедикт XVI и к которому призвал Русский Патриарх в Страсбурге. Сближению двух церквей способствовала и замена архиепископа Московского Тадеуша Кондрусевича на архиепископа итальянского происхождения. ... Русская Православная Церковь имеет абсолютно открытую структуру: несмотря на ее внутреннюю раздробленность, разные части этой церкви пользуются всей полнотой свободы... и т.д.» Ведущая проводит недвусмысленную линию: «Сегодняшняя встреча – знак дружественности (amitie), ... братства (fraternite)... единства (unite)» (триада до боли напоминает лозунги великой французской), после чего говорит что-то уже совсем непонятное, вроде: «размеры Нотр-Дам, несомненно, будут способствовать объединению верующих...». Fraternite-unite и temoignage commun — priere commune – вот два «перевертыша», которыми так легко становится жонглировать, предвещая новую православно-католическую унию.

По окончании своего Обращения – и опять же *до начала* молебна, а не после «беседы» с архиепископом Святейший приносит в дар собору образ Владимирской иконы Божией Матери. Что логично – икона – не сувенир, а условие начала православного богослужения. Святейший и православные иерархи становятся слева от престола с Венцом, католические иерархи – справа. Начинается православный молебен. Под «Страстям Твоим поклоняемся, Владыко...» Святейший, а следом за ним архиепископ Андре XXIII (т. е. Вен-Труа – Я.Б.), прикладываются к святыне. После чего звучит «Pater noster» в исполнении католического хора, и вслед за ним православный хор также исполняет «Отче наш». Завершается «православный молебен», точнее говоря затянувшаяся «беседа Святейшего с парижским архиепископом», евангельским чтением в исполнении Андре XXIII. Пресс-служба ОВЦС, обращая особое внимание на «до» и «после» отмечает, что молитва архиепископа, «присутствовавшего в соборе» во время православного молебна, была уже после завершения оного. Как видим, ее частью, живо свидетельствующей о готовности постигать православную традицию, была и церковно-славянская «Отче наш», во время которой присутствовал Патриарх Алексий II. Да и не мог не присутствовать, так как одно от другого отделяли считанные секунды.

Самое интересное, однако, случилось уже в финале. То, что в превращенном виде в коммюнике ОВЦС явлено как завершающая часть «беседы». Католические СМИ и вовсе не упоминают о ней ввиду двусмысленности ситуации. А в приведенных нами выше «сводках» от Патриархии она заменена невесть откуда взявшимися «спасибо» за то, что *богослужение могли увидеть в прямом эфире зрители ряда телеканалов, в частности канала «Russia Today»*. Сразу по окончании priere commune, выражаясь провокационным языком католического агитпропа, архиепископ Парижа вручил дар Святейшему и обратился к нему с настоятельной просьбой. Даже с двумя. Во-первых, он предложил теперь, чтобы они «вместе (tous les deux) обратились ко всем тем телезрителям, которые смотрят нас из России». Еще до мероприятия католики говорили о том, что именно трансляция богослужения в России должна стать «Великим Знаком для русских». Раскрывая смыслы этого Знака, Nicolas Seneze, освещавший ход событий на страницах центрального французского католического органа «La Croix», указывает прежде всего не на «красоту католического храма», а на «знак, обращенный к той части воссоединившейся Русской Церкви, которая столь нетерпимо относится к экуменической перспективе». Как именно сработал такого рода «знак», умело срежиссированный католическими коллегами и не разоблаченный официальными православными СМИ, мы имели возможность наблюдать на примере обращений «диомидовцев». А о том, как его прочитали пресловутые «нетерпимые к экуменизму» члены бывшей РПЦЗ и какие выводы могут последовать из этого прочтения, мы пока можем лишь догадываться.

Вторая просьба парижского архиепископа состояла в том, чтобы Патриарх Алексий II «благословил нашу Ассамблею» — имеется ввиду Ассамблея католических епископов Франции, на заседании которой присутство-

вал Святейший накануне. В ответ на две просьбы и дар Патриарх Алексий сказал: «Я, во-первых, благодарю за дары памятные, которые передал архиепископ... Но (в отчете ОВЦС но заменено на а также) я молитвенно желаю всем православным верующим, всем христианам, которые смотрят сегодня эту передачу из Нотр-Дам де Пари милости Божией...» Таким образом, Ассамблея осталась без патриаршего благословения.

Стоит ли на основании изложенного, а также последней информации о состоявшейся встрече митрополита Кирилла с папой Бенедиктом XVI делать вывод о готовящейся унии с католиками? При том, что анализ католической пиар-компании показывает, что она выстраивается в их пользу именно потому, что в ответ ей православные СМИ предлагают лишь довольно грубо сработанную дезинформацию и расплывчатые «опровержения»? Нет. Прежде всего потому, что «парижский молебен» отнюдь не был главной целью этого визита Патриарха во Францию. А тот факт, что пресс-службы Патриархии никак информационно не подготовили предстоящую поездку и стратегию ее освещения, объясняется именно тем, что подлинные причины беспокойства Святейшего лежат в другой геополитической плоскости, напрямую соприкасающейся с политическим руководством Франции.

Сегодня католики и фанариоты сходятся с РПЦ в оценке решающего значения, которое имеет перспектива «общего свидетельства», открытая выступлением Патриарха в ПАСЕ. Впрочем, есть все основания для сомнений, что в данном случае речь идет о действительном «взаимопонимании», а не о его симуляции.

Зародыш Европравославия

Как уже было сказано, «исторический визит Патриарха московского и всея Руси Алексия II во Францию» со стороны католиков был предварен рядом заявлений и публикаций. Первого октября 2007 г., когда Патриарх направляется в Страсбург, «Ла Круа» уже разъясняет значение его предстоящего выступления в ПАСЕ, а также перспективу, в которую вписан предстоящий приезд Святейшего в Париж.

Во-первых, «исторической премьерой» и уникальным прецедентом является само согласие главы РПЦ, ставшее ответом на приглашение католической стороны. Одно это – и здесь сложно не согласиться с католиками – делает предстоящий визит «не просто паломничеством», или актом укрепления «межкультурных контактов», и даже не просто «благословением» Предстоятеля воссоединившейся западной части единой Русской православной Церкви. Уже тот факт, что Московская патриархия впервые (!) положительно отреагировала на официальное приглашение католической церкви – в данном случае – на приглашение архиепископа Андре XXIII, закономерно рассматривается католической стороной как их первая победа. Понимая, что объяснить такое резкое «потепление» в весьма прохладных до недавнего времени отношениях между Москвой и Ватиканом только упомянутой выше заменой московского представителя с поляка на итальянца не удастся; зная и то, что участие в заседании Ассамблеи католических епископов Франции и поклонение Венцу Господню – не единственные причины, по которым московский Патриарх принял приглашение парижского архиепископа, — католики предлагают основательную интерпретацию происходящего, которая, впрочем, может многих удивить.

Еще за месяц до избрания папой Бенедикта XVI Москва не уставала обвинять католическую Церковь в прозелитизме и распространении «униатства» — особенно на территории Украины. С момента избрания Папы эти проблемы стали очевидным образом налаживаться. Вплоть до того, что сегодня – комментирует ситуацию о. Александр Синяков, возглавляющий службу коммуникации Московского патриархата в Западной Европе – вопрос о прозелитизме практически снят. На Украине представители греко-католиков и православные работают вместе особенно в катехизаторском направлении, а в Москве, «раз епископами назначаются итальянцы, проблем больше не будет». Возможно, их не будет в Москве, где на углу Садового и Басманной недавно обосновалась известная светская, мирянская – по правовому статусу, подтвержденному папой Иоанном Павлом II – католическая организация «Opus Dei», которая заявила, что прозелитизм – не в ее стиле и, по-видимому, пообещала распространять свою деятельность только на верующих Католической Церкви. Однако после перевода Тадеуша Кондрусевича, утверждающего вопреки о. Александру Синякову, что никакого прозелитизма при нем на канонической территории РПЦ и не проводилось, а имело место лишь «уважение к личному выбору каждого», из Москвы в Минск — «проблемы» начались в Беларуси.

Между тем еще недавно в ноябре текущего года как Святейший, так и митрополит Кирилл подтверждали в своих выступлениях, что проблемы, касающиеся деятельности католиков на канонической территории Православия (в частности, распространение униатства на тех территориях, где его исторически никогда не существовало), еще далеки от разрешения. А будучи во Франции, Патриарх Алексий ответил в интервью эльзасскому изда-

нию, что единство является сущностью Церкви, если оно не подменяется стремлением к компромиссу. Именно о такого рода подменах писал французский геополитик Франсуа Тюаль: любой компромисс между православной и католической церквями, последняя истолковывает в свою пользу.

Если бы пресловутый компромисс, о котором католическая пресса рапортует, ссылаясь на православного клирика о. Александра Синякова, был реальностью (кстати, последний не уточнил, были ли возвращены захваченные униатами православные храмы на территории Украины), вероятно, Киев и Москва должны были в первую очередь информировать общество о позитивных переменах. Этого, однако, не произошло.

Несмотря на это, католические СМИ объявляют, что «дискурс Москвы изменился». И это, несомненно, заслуга папы Бенедикта XVI, который во-первых, назначил «правильного» епископа на московскую кафедру, а во-вторых, гармонизировал ситуацию на Украине. О небольших «конфузах», типа заявления Ватикана о невозможности осуществления церкви Христовой в других конфессиях, не упоминается вовсе. Видимо, именно это имел ввиду о. Всеволод Чаплин, когда удивлялся необыкновенной способности католиков дистанцироваться от любого рода «разбора полетов», а «через пару месяцев обниматься и вести диалог» (по иронии судьбы в объятиях парижского архиепископа Святейший оказался как раз через два месяца после громкого заявления Папы).

Более того, в представлении католической стороны, если и существуют «проблемные» в свете радикального сближения с католиками моменты, то они есть, скорее, у Московского Патриархата. Один их них, как уже было сказано – антиэкуменическое крыло – бывшие зарубежники. В этом смысле католики признают, что «не все идет как надо» в экуменическом плане. Другая – особенно болезненная для РПЦ – и здесь, как нельзя кстати, посредничество Римско-Католической церкви – это противостояние различных Православных Церквей. Примечательно, что образ Православия словно нарочно связывается с некой «совокупностью различных церквей» (l' ensemble des orthodoxes), в то время как Римско-Католицизм предстает в своем предвечном незыблемом единстве. И здесь представители «церкви-сестры» не без особого удовольствия отмечают, что в официальной парижской программе пребывания патриарха не значилось мероприятие, которое тем не менее состоялось, и имело, по-видимому, «очень деликатное» значение. Речь идет о встрече Патриарха с членами Ассамблеи православных епископов Франции (АПЕФ), на официальное приглашение которой он, действительно, ответил отказом.

АПЕФ, созданная в 1997 году, возглавляется сегодня митрополитом Галльским Эммануилом (Константинопольский Патриархат) и фактически контролируется так называемым Вселенским Патриархом. Ассамблея недвусмысленно заявляет об экуменической направленности своей деятельности. Она заключается в том, чтобы, во-первых, быть объединенным *представителем* Православной Церкви во Франции и Западной Европе, и соответственно участвовать от ее лица во всех «межхристианских» диалогах. Во-вторых, АПЕФ ставит задачей объединить многонациональные православные приходы русского обряда, «не пожелавшие быть поглощенными Русской Православной Церковью, возрождающейся после советской разрухи» и решившие «сохранить свою идентичность» вопреки призыву Патриарха Алексия II ко всем православным русского происхождения, проживающим на территории Европы, объединиться под юрисдикцией матери-церкви. Представители АПЕФ не скрывают, что смысл этого объединения – возвращение к единству с римской Церковью.

Упомянутое обращение Святейшего с предложением о создании Новой Метрополии, которая могла объединить всех православных Западной Европы с учетом полиэтничности приходов было озвучено еще в 2003-м году. Именно АПЕФ сделала тогда все возможное, чтобы, как выражается секретарь экзархата русских приходов в Западной Европе (Константинопольский Патриархат) Михаил Соллогуб, не допустить поглощения европейского Православия, на тот момент уже обретшего собственную идентичность, со стороны Московского патриархата. Более того, чтобы «не допустить раскола» (!) в едином и сохраняющем своеобразие западном православии – указанная структура активно содействовала переходу храмов в Ницце, Биарицце и Байонне под юрисдикцию Константинопольского Патриархата. Как известно, это сопровождалось открытым игнорированием русской составляющей этих приходов, которая признавалась «не являющейся частью» последних. Сегодня французское правосудие занимается рассмотрением упомянутых инцидентов, что, в свою очередь, истолковывается Константинопольским Патриархатом как проявление монополистских тенденций Москвы, которая готова «возбуждать судебные процессы, несмотря на возможный вред единству православных во Франции».

Накануне приезда Патриарха в Париж тот же профессор Соллогуб выступает в СМИ с заявлениями о том, что предстоящий визит является великим событием для представляемой им организации, уточняя, что приезд

Патриарха станет своего рода испытанием для европейского православия на крепость и единство. Значение же этого испытания, по его мнению, заключается в том, что Русская Православная Церковь должна подтвердить, что она более не стремится к созданию поместной Церкви в Европе, что ее единственной целью выступает забота о русских, проживающих во Франции, *а отнюдь не прозелитизм.* Таким образом, от лица Фанара Москве вернули ее «традиционное» обвинение в адрес католиков.

Сайт «patriarchia.ru» сообщает, что 3-го октября 2007 г. Патриарх «встретился с православными епископами, осуществляющими свое архипастырское служение во Франции». В ходе встречи (де-факто явившейся патриаршим приемом Ассамблеи (АПЕФ) на территории Корсунской епархии, которая представляет РПЦ в Западной Европе) он «высоко оценил значение Ассамблеи православных епископов как координационного и совещательного органа...» и «высказал пожелание, чтобы Ассамблея православных епископов Франции представляла согласованный голос всех православных этой страны. По словам Святейшего Патриарха, этому способствовало бы в том числе принятие решений и утверждение совместных заявлений Ассамблеи путем нахождения общего согласия, консенсуса». Из чего даже у неангажированного читателя должно возникать подозрение о том, что отнюдь не «консенсус» и не принцип соборности правят в этом «совещательном органе». Особенно это проявляется, как следует из слов Святейшего, в межхристианских (межконфессиональных) диалогах, где АПЕФ представлена ее председателем, а следовательно, Константинопольским Патриархатом. В связи с чем Патриарх счел уместным предложить каждой епархии поочередно принимать участие в такого рода мероприятиях, представляя АПЕФ.

«Ла Круа», однако, иначе описывает то, что происходило на этом «внепротокольном» приеме у Патриарха: «В четверг утром на закрытой встрече с православными епископами Франции он подчеркнул, что не будет испытывать враждебности к АПЕФ только если будет рассматривать ее как совещательный орган епископов, а не как зародыш поместной православной Церкви». Этим замечанием Патриарх дал понять католической стороне, что отнюдь не Московский Патриархат, а «Вселенский» заинтересован в «прозелитизме» на канонической территории Римско-Католической Церкви.

Несмотря на полное удовлетворение результатами патриаршего визита во Францию, озвученное в официальных коммюнике Ассамблеи, по завершении последнего профессор Соллогуб делает «программное» заявление, где высказывает сожаление по поводу того, что глава возродившейся Русской Православной Церкви по-прежнему имеет тенденцию игнорировать «скромное, но реальное» присутствие независимого Православия во Франции. Профессор отмечает, что экзархат русских приходов в Западной Европе – наиболее древняя и многочисленная часть последнего. Он включает 40 приходов, монастырь и богословский институт. Будучи основан в 1921 году по благословению Патриарха Тихона митрополитом Евлогием, экзархат пережил настоящую трагедию в 1930-м, когда митрополит Евлогий был запрещен Московским Патриархатом из-за «участия в молитвенных собраниях в поддержку христиан, преследуемых советским режимом». Именно этот запрет обусловил переход экзархата в юрисдикцию Константинопольского Патриархата (Patriarcat Œcuménique). Сегодня многочисленные верующие, объединенные экзархатом, — замечает богослов Соллогуб, — с болью воспринимают попытки Москвы присвоить исторически брошенные храмы в Ницце и Биаррице, оценивая эти действия как пренебрежение их особой идентичностью (identite specifique). И можно только сожалеть об отказе Патриарха Алексия II принять официальное приглашение экзархата и Института св. Сергия, что, несомненно, позволило бы ему «составить более четкое представление о православии во Франции – его разнообразии и стремлении к единству».

Заметим, что «игнорирование» и определенное недоверие, если не сказать больше, проявленное со стороны Святейшего к органу объединенного европравославия, невыгодно и самому экзархату. Напряженные отношения с Корсунской епархией, отстаивающей интересы Русской Православной Церкви в рамках АПЕФ, и скрытое противостояние Москвы и Фанара в определенной степени подрывают легитимность Ассамблеи как единственной репрезентации Православия во всей его полноте. Между тем именно эта легитимность позволяет ей принимать участие от имени Православия в политических процессах, к которым французское правительство привлекает католиков, православных, протестантов и мусульман.

В связи с этим беспокойство у руководства АПЕФ вызвали официальные визиты Московского Патриарха к президенту Франции Н. Саркози и министру внутренних дел М. Аллио-Мари (которой также поручен контроль над сферой культов). Когда мы представляем себе, что приезд Патриарха Алексия во Францию и его официальные приемы у политического руководства этой страны являются репрезентацией Православия, мы, по-видимому, сильно ошибаемся. Действительно, с точки зрения АПЕФ, речь идет в данном случае либо об интересах русских, прожи-

вающих на территории Франции – и только! – либо об альтернативной «репрезентации» Православия во Франции, что входит в противоречие с интересами «Вселенского» Патриарха.

В этом смысле интересы Экзархата русских приходов (КП) и Римско-Католической Церкви во Франции сходятся. Обратиться именно к русским, а не ко всем православным и не ко всем христианам побуждали Русского Патриарха хозяева Нотр-Дам. Именно такое взаимное прекращение «прозелитизма» (под которым подразумевается отказ от конфронтации с Константинопольским Патриархатом) на территориях, признанных каноническим территориями другой Церкви, было условием, предшествовавшим европейскому «паломничеству» Святейшего. Мы сворачиваем прозелитизм и униатство на Украине, вы отказываетесь от проекта создания поместной Церкви в Западной Европе. Именно поэтому, видимо, Патриарх и обратился из Нотр-Дам ко "всем православным, ко всем христианам...», а не только к зрителям канала Russia Today.

Надо сказать, что уже в день отъезда Святейшего из Парижа мадам Аллио-Мари направила обращение к АПЕФ с целью заверить Ассоциацию, что для политического руководства Франции именно она остается репрезентантом Православия в Европе, а храмы Ниццы и Биаррица охраняются законом о собственности и не будут кому-либо переданы.

Между тем политическое сотрудничество европравославия с мусульманами и христианскими конфессиями приносит свои плоды. Так, спустя две недели после визита Патриарха, правительство Саркози приглашает представителей различных религиозных организаций – в том числе АПЕФ – принять участие в работе «технической группы», созданной для обсуждения «доклада Машелона» и ускорения принятия нового закона об иммиграции. Новый закон, разработанный на основе упомянутого доклада (в котором было предложено ввести муниципальное финансирование для всех религиозных организаций, действующих на территории Франции, и тем самым признать за исламом статус второй религии Европы), одновременно с легитимацией «религиозного фактора» предлагает систему жесткой фильтрации потока иммигрантов и систему тестирования тех, кто въезжает в страну для «воссоединения с семьей». На сегодняшний день «закон Саркози», как его тут же прозвали, уже принят французским парламентом и успел спровоцировать множество проблем как юридического, так и идеологического характера. Легитимация ислама в сочетании с жесткой зачисткой потока мусульман приветствуется правым флангом, для которого действующий президент был кандидатом «Белой Франции» и резко осуждается левыми, обвиняющими Саркози в попрании святого принципа секулярности Французской Республики, утвержденного в 1905 г.

Так или иначе еще до принятия закона (на что Саркози и просил «добро» у представителей религиозных общин) Корсунская епархия официально объявила о том, что она не может поддержать решение АПЕФ, касающееся нового закона об иммиграции и возносит сугубые молитвы о разрешении этой сложнейшей для всей Европы проблемы.

Однако не стоит сомневаться относительно «специфической идентичности» православных приходов, развивающейся под покровительством Константинопольского Патриархата: идентичность Фанара всегда заключалась в том, чтобы служить проводником атлантистских тенденций. И создание «форматного» православного органа в государстве, возглавляемом Саркози, как нельзя лучше соответствует традиционным целям атлантизма, включающим в себя как экуменизм, так и принцип «легитимности» всего, остающегося нелегитимным, так и – особенно – легкий «антиисламизм», постепенно переходящий и в русофобию.

Сегодня католики и фанариоты сходятся с РПЦ в оценке решающего значения, которое имеет перспектива «общего свидетельства», открытая выступлением Патриарха в ПАСЕ. Католические СМИ обращают внимание, что выступление Патриарха было не просто созвучно последней энциклике Папы, но и местами было похоже на ее цитирование. Что, естественно, встречает одобрение у европейского христианства. Впрочем, есть все основания для сомнений, что в данном случае речь идет о действительном «взаимопонимании», а не о его симуляции. Для Фанара и Ватикана символичен сам факт перехода «дискурса Москвы» на правозащитную риторику; содержание – пусть даже революционное по отношению к западной традиции – их мало захватывает. В современном мире правит Речь, а не Слово. На дискурсивном уровне Москва демонстрирует лояльность еврохристианам и их режиссерам, на уровне Слова – демонстрирует разрыв и дистанцию, впрочем, никак не используя в своих интересах и в интересах России двусмысленность той ситуации, в отличии от Фанара и Ватикана, которые не преминут этим воспользоваться.

Материал поступил в редакцию 16. 09. 2008 г.

IV. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В 2007 году при Общественной палате Российской Федерации под руководством нынешнего депутата Государственной думы С. Маркова была создана комиссия по исследованию проблемы «дедовщины» в Российской армии. Комиссия работает и в настоящее время. Некоторые результаты ее деятельности изложены в трех статьях, представленых в данном разделе.

УДК 581.3

© Бухарин С.Н.
Buharin S.N.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА И ПРОБЛЕМЫ ДЕДОВЩИНЫ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

INFORMATION WAR AND PROBLEMS OF OLDSERVING IN ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *Рассматриваются некоторые объективные и субъективные причины негативного проявления дедовщины в Вооруженных силах Российской Федерации (ВС РФ), сформулированы проблемы, связанные с данным явлением. В частности, анализируются проблемы, сопряженные с оценкой рисков от дедовщины и внешним информационным вмешательством в процессы строительства и деятельности ВС РФ.*

Настоящее статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 07-06-12029-офи и проекта РГНФ № 08-03-00590а.

Annonfnion. *Some objective and subjective reasons of oldserving manifestation in Armed Forces (AF) of the Russian Federation are considered, the problems conditioned by the given phenomenon are formulated. In particular, the problems interfaced to an estimation of risks from oldserving and to external information intervention in processes of construction and activity of AF of the Russian Federation are analyzed.*

The present paper is prepared within the project RFFI №07-06-12029-ofi and the project of RGNF №08-03-00590a.

Ключевые слова. *Информационная война, проблема, дедовщина, Вооруженные силы, Российская Федерация, психологический феномен, внешнее вмешательство, ак фактор.*

Key words. *Information war, problem, oldserving, Armed forces, the Russian Federation, a psychological phenomenon, external intervention, ac factor.*

Явление дедовщины как психологический феномен

Современный человек, живущий в условиях быстрых изменений, не обладает возможностью детально анализировать каждый сложный социально-экономический механизм. Для того, чтобы принимать решения, он использует упрощенные, качественные модели механизмов, называемые адаптивными архетипами. Внедрение архетипа в сознание человека – это, по сути, механизм нечеткого программирования психики. Таким образом, архетипы – это шаблоны, которые используются в жизненной ситуации и деятельности. Эти шаблоны, с одной стороны, облегчают жизнь, делают работу более эффективной, но, с другой стороны, являются основой для манипуляции сознанием [3].

Адаптивные архетипы имеют определенную иерархию [4]. В основе находятся фундаментальные адаптивные архетипы, сложившиеся в течение тысячелетий в ходе жесткого эволюционного отбора. Данный тип архетипов не поддается трансформации, ими руководствуются в своей деятельности практически все люди. Адаптивные архетипы второго уровня присущи цивилизациям (католической, православной, исламской и др.) и этносам. В условиях глобализации мирового информационного пространства данные архетипы последователь-

Бухарин Сергей Николаевич – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник ИПУ РАН, тел.+7(495) 580-48-80.

Buharin Sergey Nickolaevich– the candidate of physical and mathematical sciences, the senior research scientist of IMP RAS, tel. +7(495) 580-48-80.

но разрушаются. Процесс разрушения занимает десятилетия. Третий уровень адаптивных архетипов – профессиональные навыки, получаемые в ходе обучения и практической деятельности. Данный вид архетипов можно трансформировать в интервале времени от нескольких месяцев до нескольких лет. Последний уровень адаптивных архетипов называется неустойчивым. Сюда входят адаптивные архетипы, связанные с привязанностями, предпочтениями, модой и т.п. Данный тип архетипов может изменяться в течение нескольких часов или даже минут.

Явление дедовщины связано с фундаментальным адаптивным архетипом, называемым «архетипом последовательности».

Психологи давно обнаружили, что большинство людей стремятся быть и выглядеть последовательными в своих словах, мыслях и делах. В основе этой склонности к последовательности лежат три фактора [1]:

• во-первых, последовательность в поведении высоко оценивается обществом;

• во-вторых, последовательное поведение способствует решению самых разных задач в повседневной жизни;

• в-третьих, ориентация на последовательность создает возможности для формирования ценных архетипов в сложных условиях современного существования. Человек, последовательно придерживаясь ранее принятых решений, может не обрабатывать всю имеющую отношение к делу информацию в стандартных ситуациях; вместо этого он должен просто вспомнить ранее принятое решение и отреагировать в соответствии с ним.

«Обязательства + мотивация = возможность для манипуляции». Чрезвычайно большое значение имеет начальное обязательство. Взяв на себя обязательство (то есть заняв определенную позицию), люди склонны соглашаться с требованиями, которые соответствуют данному обязательству. Поэтому многие «профессионалы уступчивости» стараются побудить людей изначально занять позицию, соответствующую тому поведению, которого они позднее будут от этих людей добиваться. Однако не все обязательства одинаково эффективно порождают последовательные действия в будущем. Наиболее эффективны активные, публичные обязательства. Кроме того, обязательства должны быть внутренне мотивированными (не навязанными извне) и на их выполнение должны затрачиваться определенные усилия.

Решения о принятии обязательств, даже ошибочные, имеют тенденцию к «самосохранению», поскольку могут «создавать собственные точки опоры». Люди часто придумывают новые причины и оправдания, чтобы убедить самих себя в необходимости выполнения уже принятых обязательств. В результате некоторые обязательства продолжают действовать даже после того, как «породившие» их обстоятельства меняются.

Дедовщина и фундаментальный адаптивный архетип «принцип последовательности»

«Чем больше усилие, затраченное на принятие обязательства, тем сильнее это обязательство влияет на позиции принявшего человека [2]», – считают Э. Аронсон и Д. Миллс.

Известно, что «дедовщина», или процесс посвящения новичков в солдаты, явление объективное и присуще всем армиям в мире, и не только им.

Писатель Уильям Стайрон, бывший солдат морской пехоты, США таким образом описывает свои переживания: «Многочисленная строевая подготовка под палящим солнцем, психическое и физическое насилие, оскорбления, садизм сержантов-строевиков, ужасающие надругательства над духом, напоминающие издевательства над заключенными в концентрационных лагерях».

Одновременно в своем комментарии Стайрон не просто перечисляет проявления «учебного кошмара». Он признает его заранее предусмотренный результат: «Я не знаю ни одного бывшего солдата морской пехоты, независимо от того кем он стал после службы в армии, который не считал бы обучение суровым испытанием, из которого он вышел более храбрым и более выносливым».

Однако порой ужасы «дедовщины» меркнут по сравнению с преступлениями, совершаемыми во время традиционной «Адской недели», в течение которой проходят ежегодные традиционные церемонии посвящения в школьные и студенческие братства в США, Великобритании, Новой Зеландии и т.д. Желающий вступить в братство должен пройти через разнообразные испытания, иногда весьма жестокие. Известны многочисленные случаи, когда подобные испытания приводили к смерти. Роберт Чалдани в своей работе «Психология влияния» приводит множество примеров о том, как студентов – кандидатов в братство забивали насмерть, заживо закапывали в песок, как эти кандидаты задыхались, пытаясь целиком проглотить кусок полусырого мяса или замерзали насмерть не в силах выдержать испытания. Не менее жестокие традиции существуют и в скаутском движении. Вот, в частности, как рассуждал основатель скаутского движения сэр Роберт Баден-Пауэлл: *«Если ты недоволен своим местом или своими соседями, или если ты гни-*

лой кирпич, ты не годишься для стены. Ты даже опасен. Одни кирпичи находятся высоко, другие внизу стены, но все должны делать свое дело наилучшим образом. Также и у людей – у каждого из нас есть свое место в мире, бесполезно быть недовольным».

В связи с анализируемой проблемой представляет интерес следующая выдержка из правил поведения на скаутских сборах (из правил поведения участников тренинга по методике Уильяма Патрика. «Деньги», №34 (89) от 30.08 – 05. 09. 04):

«1. Никого не бить кулаком в лицо, поскольку это привилегия инструкторов.

2. Бить кулаком в тело может любой.

3. Бить инструкторов запрещается, а также запрещается даже думать о том, чтобы бить инструкторов».

Подобная практика издевательства над новичками оказывается весьма устойчивой и наблюдается повсеместно во всех странах. Несмотря на попытки командования воинских частей, администраций учебных заведений, правительств и парламентов применить всякого рода запреты, угрозы к зачинщикам, социальное давление объявить вне закона, чтобы ликвидировать или минимизировать риск и унижения церемоний посвящения, ни одна из перечисленных мер не дает эффекта.

Преподаватели вынуждены были признать свое бессилие: «Если злое подшучивание над новичками является неотъемлемой составляющей человеческой деятельности, а все известные факты подводят к подобному заключению, едва ли вы будете в состоянии запретить его. Если вы не разрешите молодым людям действовать открыто, они будут вынуждены «уйти в подполье». Вы не можете запретить секс, не можете запретить алкоголь, злое подшучивание над новичками» [2].

Некоторые психологи, общественные и политические деятели считают, что жесткие ритуалы посвящения новичков организуют злодеи, чья извращенная психика требует, чтобы другим людям причинялось зло и чтобы этих людей унижали. При этом считается, что дедовщина досталась нам в наследство от тоталитарного прошлого. Однако полученные данные категорически отвергают подобные предположения.

Более того, проведенные исследования показали, что как сержанты, так и студенты-старшеклассники, организующие и проводящие мероприятия посвящения новичков, являются нормальными, психологически стабильными, социально адаптированными людьми. Они становятся патологически суровыми только в момент приема новых членов в студенческое сообщество или молодых солдат в свое подразделение [3]. Следовательно, все дело в самой церемонии посвящения. Значит, в ее безжалостности должно быть нечто жизненно важное для общества, за сохранение чего оно упорно борется. Что же это?

Американские специалисты в области социальной психологии Элиот Аронсон и Джадсон Миллс в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. убедительно показали, что жесткая церемония посвящения значительно увеличивает преданность новичков группе, что в свою очередь в огромной степени повышает шансы последней на выживание [2]. Так, исследование пятидесяти четырех племенных культур показало, что племена, проводящие самые жестокие церемонии инициации, отличаются наибольшей групповой солидарностью.

Таким образом, анализ процедур посвящения новичков в солдаты и церемоний обращения в студенты в колледжах дает ценную информацию об обязательствах. Обязательства наиболее ощутимо изменяют представления человека о самом себе и его поведении в том случае, когда они «активны», публичны и требуют значительных усилий.

Следовательно, если явление дедовщины связано с фундаментальным адаптивным архетипом поведения человека, то оно объективно не поддается «искоренению». Это значит, что усилия по борьбе с дедовщиной следует направить по двум направлениям:

- минимизации последствий процедур посвящения;
- использования данного адаптивного архетипа «во благо», в частности, для повышения боевой готовности войск, трансформации дедовщины в наставничество;

Субъективные причины дедовщины

Очевидно, что, помимо объективных психологических причин проявления дедовщины, существуют и субъективные причины, присущие современной России.

Субъективные причины негативного проявления дедовщины можно разбить на два класса:

- связанные непосредственно с деятельностью вооруженных сил;
- связанные с социально-экономическим положением страны.

Проблемы, связанные с деятельностью вооруженных сил. Данный класс проблем, прежде всего, связан с низкой дисциплиной и отсутствием должного правопорядка в вооруженных силах и государстве в целом.

Низкая дисциплина – это несоблюдение общевойсковых уставов Вооруженных сил Российской Феде-

рации. Первый устав русской армии был создан А.А. Вейде, А.М. Головиным, Б.П. Шереметевым, А.Д. Меншиковым при личном участии Петра I в 1716 г. в рамках широкомасштабной военной реформы. До этого в русской армии действовали переводные немецкие уставы. С тех пор на протяжении почти 300 лет общевойсковые уставы Вооруженных сил России совершенствовались, впитывая многовековой кровавый опыт множества войн. Сегодня действуют следующие общевойсковые уставы (см. таблицу).

Общевойсковые уставы Вооруженных Сил Российской Федерации

№ п/п	Наименование устава	Предназначение устава
1	Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации	Определяет сущность воинской дисциплины, обязанности военнослужащих по ее соблюдению, виды поощрений и дисциплинарных взысканий, права командиров (начальников) по их применению, а также порядок подачи и рассмотрения предложений, заявлений и жалоб
2	Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации	Определяет общие права и обязанности военнослужащих Вооруженных Сил и взаимоотношения между ними, обязанности основных должностных лиц полка и его подразделений, а также правила внутреннего порядка
3	Строевой устав Вооруженных Сил Российской Федерации	Определяет строевые приемы и движения без оружия и с оружием; строи подразделений и воинских частей в пешем порядке и на машинах; порядок выполнения воинского приветствия, проведение строевого смотра; положение Боевого знамени воинской части в строю, порядок его выноса и относа; обязанности военнослужащих перед построением и в строю и требования к их строевому обучению, а также способы передвижения военнослужащих на поле боя и действия при внезапном нападении противника
4	Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации	Определяет предназначение, порядок организации и несения гарнизонной и караульной служб, права и обязанности должностных лиц гарнизона и военнослужащих, несущих эти службы, а также регламентирует проведение гарнизонных мероприятий с участием войск
5	Корабельный устав Военно-Морского Флота Российской Федерации	Определяет порядок организации службы на кораблях Военно-Морского Флота. Общие права и обязанности военнослужащих и взаимоотношения между ними, вопросы дисциплинарной практики, порядок организации и несения гарнизонной и караульной служб, строевые приемы для военнослужащих Военно-Морского Флота определены Общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации

Данные документы полностью регламентируют деятельность Вооруженных сил Российской Федерации, являются настольными книгами командиров всех уровней. В уставах регламентируется все: от места прикроватных ковриков, положения термометра на стене казармы до взаимотношений военнослужащих, командиров и подчиненных. В уставах определяются виды наказаний за дисциплинарные нарушения, порядок подачи жалоб на неправомерное действие начальства, сроки ответа на жалобы и степень ответственности командиров за действия, выходящие за рамки действующих уставов. Требования уставов не нарушают существующее российское законодательство.

Неправомерные действия военнослужащих, выходящие за пределы дисплицинарных норм, квалифицируются как уголовные и рассматриваются в судах в рамках уголовных разбирательств. Если уголовные преступления, совершенные в Вооруженных силах остаются без наказания, говорят об отсутствии правопорядка. Данная проблема характерна не только для армии, но для государства в целом.

Проблемы, связанные с социально-экономическим положением в государстве. Возникающие проблемы в первую очередь определяются «низким качеством» призывников на срочную службу, в частности, плохим здоровьем, высоким процентом наркоманов и лиц, имеющих уголовное прошлое, отсутствием патриотического воспитания, низким уровнем образования.

За прошедшие годы офицерский корпус претерпел существенное изменение: военная служба перестала быть престижной, существенно упал жизненный уровень военнослужащих, сократился социальный пакет, резко снизилась величина военных пенсий. Офицеры не чувствуют себя социально защищенными, как это было всегда в Российской империи и в СССР. Большинство офицеров вынуждено подрабатывать. Впервые за всю историю

российской армии появились офицеры и курсанты – стриптизеры, способ «подработки» которых не вызывает негативного общественного мнения.

Обратите внимание, в Москве имеется множество воинских частей: Генеральный штаб, Главные штабы видов и родов войск, обслуживающие их части и подразделения, высшие военные учебные заведения и т.п., но на улицах столицы не видно военных, тем более вы их не увидите в ресторанах и театрах. Если кто-то в общественном транспорте столкнется с офицером, то это наверняка командировочный. Дело в том, что офицеры на службу ездят в гражданской форме одежды, на рабочем месте переодеваются. Данное явление характерно только для России. В любой стране мира, независимо от уровня ее экономического развития, офицеры на службу, в ресторан, театр ходят в форме. Так во Франции и в Центрально-Африканской Республике, и в Швейцарии, и в Сенегале, и в США, и в Габоне, только не в России. Для того, чтобы сделать выводы не надо быть социологом. Офицером сегодня быть стыдно и не престижно!

В России престижно служить в МВД, хотя там значительно меньше платят. В ВУЗы МВД – громадные конкурсы, такие конкурсы ВУЗам Минобороны просто не снятся. Вся Москва наводнена курсантами в милицейской форме и милиционерами. Что же делает службу в МВД престижной? Ответ прост – возможность иметь криминальные источники дохода. Имея возможность заниматься незаконными поборами, многие офицеры МВД имеют приличный уровень жизни, загородные дома, дорогие машины. В России уже никого не удивляет, что капитан милиции дарит своей возлюбленной мерседес-кабриолет, и у специальных органах не возникает никаких вопросов к этому капитану.

«Майор милиции Давид Муселиани и олимпийская чемпионка Алина Кабаева были вместе около трех лет. Влюбленные даже подумывали о свадьбе, а гимнастка готова была оставить ради будущей семьи спорт. Три года назад, когда гимнастка приняла предложение 35-летнего капитана милиции Давида Муселиани, он преподнес невесте свадебный подарок – спортивный мерседес-купе и предложил ей стать хозяйкой своей квартиры в центре Москвы». («Труд», 27 сентября 2007 г.)

Однако следует отметить, что коррупция и относительно высокий уровень жизни служащих МВД не способствуют снижению уровня негативных проявлений дедовщины в подразделениях МВД. Он там не ниже.

В силу перечисленных причин способная и инициативная молодежь в армию не идет, поэтому профессиональные качества российских офицеров в целом резко упали, положение усугубляется отсутствием мотивации к хорошей службе, поэтому солдаты не получают необходимого внимания со стороны своих командиров.

Никакие комиссии, наблюдательные советы, комитеты солдатских матерей не решат проблему дедовщины в армии. Дисциплина и правопорядок – единственый рецепт минимизации негативных последствий дедовщины.

Внешнее вмешательство как фактор драматизации проблемы дедовщины

В России ежегодно неестественной смертью гибнет от 200 до 300 тысяч граждан. Это в десятки раз больше, чем погибло в Афганистане военнослужащих за 10 лет войны. Люди просто пропадают (до 70 тысяч в год), погибают под колесами автомобилей, их насилуют и убивают, серийные убийства стали массовыми. В России очень большая вероятность выйти из дома и не вернуться, погибнуть от обезумевших наркоманов. Вооруженные силы одна из немногих структур в стране, которая не потеряла управляемость. В связи с этим уровень смертности, заболеваемости и травматизма в армии значительно ниже, чем в среднем по стране. Эффективность деятельности военной прокуратуры до сих пор велика. Однако почему преступления, совершенные в Вооруженных силах, получают такой оглушительный резонанс? Здесь речь не идет о замалчивании преступлений или покрывательстве преступной халатности командиров. Вопрос в том, почему зарубежные неправительственные фонды не создают и не финансируют комитеты матерей, потерявших детей в результате сексуальных преступлений (а таких матерей значительно больше чем тех, чьи сыновья погибли на воинской службе), или комитеты матерей наркоманов? Почему так избирательны грантодатели?

Все дело в том, что в мире идет мировая информационная война за капитал и власть. В связи с этим внешние угрозы для любой страны заключаются в намерениях глобального центра капитала и власти – США установить внешнее управление в России. Очевидно, что природные ресурсы и географическое положение Российской Федерации являются основными угрозами для ее суверенитета и территориальной целостности. Те страны, которые не обладают ресурсами и находятся на периферии, не представляют интереса для мировых центров капитала и власти.

Таким образом, Россия в ближайшем и отдаленном будущем будет являться объектом агрессии: информаци-

онной, военной, экономической. США, Евросоюз, Китай будут стремиться взять под свой контроль российские ресурсы и пути транзита товаров через ее территории. Одним из основных направлений установления такого контроля является создание инфраструктуры внешнего управления.

Инфраструктура – это преданные, хорошо оплачиваемые и обученные активисты-агенты мировых центров капитала и власти, вокруг которых сплачиваются волонтеры – люди, готовые за красивую идею не только бесплатно выполнять указания агентов, но и рисковать жизнью и здоровьем ради воплощения этой идеи в жизнь.

Инфраструктура – это тысячи офисов, арендуемых за деньги, стран – геополитических конкурентов России. Каждый из этих офисов, расположен, как правило, в самых престижных районах городов и оснащен современными средствами связи и управления, мощными компьютерами, множительной и полиграфической техникой.

Инфраструктура – это тысячи газет, журналов, Интернет-изданий, радио- и телевизионных каналов, которые не только навязывают «неотъемлемые ценности», но и выплачивают гонорары активистам и агентам неправительственных организаций, финансируемых из-за рубежа. Опубликовать опровержение на размещенные в этих изданиях статьи, порочащие честь и достоинство, деловую репутацию юридических и физических лиц практически невозможно. *Получается, что так называемые демократические СМИ, ратуя за свободу слова, нарушают закон о средствах массовой инфрмации.* Кроме того, для того, чтобы оказать противодействие информационной агрессии в России приходится платить за размещение публикаций и сообщений по коммерческим ценам. Все это делает практически невозможным оказать какое-либо противодействие информационной агрессии.

Эффективность подобных инфраструктур была продемонстрирована во время «цветных» революций, недавно прокатившихся по Европе.

Инфраструктуры создаются под яркие лозунги: «права человека», «свобода слова», «экологическая безопасность» и т.п. Организация, прикрывающаяся таким лозунгом, на любую критику, разоблачение, объективное уголовное преследование через мировые средства массовой информации организовывает истерию по поводу ущемления «неотъемлемых человеческих ценностей» в России.

Таким образом, неправительственные общественные организации в России зачастую создаются и финансируются с целью установления внешнего управления, оказания давления на власть. Часто деятельность подобных организаций направлена на реализацию сугубо меркантильных интересов геополитических конкурентов России, Так имеются сведения, что «зеленые» организации, действия которых направлены на свертывание ракетно-космической деятельности в России, финанасируются странами космического клуба, заинтересованными в вытеснении ее с мирового рынка космических услуг.

Правозащитные и экологические организации, действующие на территории субъекта Российской Федерации, в частности, финансируются следующими зарубежными инвестиционными фондами: Ford Foundation, Open Society Institute, Eurasia Foundation, NED, Henri M. Jackson Foundation, G. Kennan Institute, MacArthur Foundation.

Воинская служба, деятельность вооруженных сил создают массу информационных поводов для сенсационных сообщений. Источником таких иформационных поводов является несоответствие, с одной стороны, посмодернистских ценностей, таких, как: «каждый имеет право на выбор», «плюрализм оценок и мнений», «истина – эффект, зависящий от конкретной ситуации», «отказ от логики и бинарного мышления», с другой – задачами, решаемыми вооруженными силами. Вооруженные силы предназначены для охраны суверенитета и территориальной целостности государства. Эффективность выполнения данных задач в решающей степени зависит от управляемости войск. В основе последней стоит беспрекословное подчинение и выполнение приказов военнослужащими. Во время боевых действий такие приказы могут посылать воннослужащих даже на смерть. Невыполнение приказа в боевых условиях сурово карается, вплоть до расстрела. В ходе боевой подготовки солдат должен освоить оружие, боевую технику, научиться подчиняться и выполнять приказы, а это противоречит «либеральным» ценностям. Боевая подготовка в связи с этим является поводом для создания неправительственных общественных организаций. Наряд вне очереди, уборка туалетов и мытье посуды, марш-броски и утренние кроссы можно при желании квалифицировать как дедовщину и нарушение прав человека.

В связи с этим драматизация негативных проявлений дедовщины является прекрасной повесткой дня и открывает путь к источникам финансирования.

Возможные риски, которые могут возникнуть при решении проблемы дедовщины в Вооруженных силах

Риски делятся на чистые и спекулятивные. Чистые риски влекут за собой только убытки. Они могут

иметь два исхода: ущерб или его отсутствие. Спекулятивные риски могут повлечь за собой как убытки, так и прибыль. В нашем случае следует изучать спекулятивные риски. «Прибыль» – это возможное снижение негативных проявлений дедовщины в войсках, последовавшее после работы комиссии. «Убытки» – возможное снижение боеготовности войск с непредсказуемыми последствиями.

В качестве яркого примера подобных убытков приведем историю «Приказа №1». Первого марта 1917 г., то есть в день своего образования и за день до отречения Николая II, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов издал «Приказ №1» по гарнизону столицы, которым предписывалось: «Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах... и на судах военного флота немедленно избрать представителей в Петросовет и подчиняться ему во всех своих политических выступлениях». В соответствии с этим приказом все оружие передавалось под контроль ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не могло выдаваться офицерам, «даже по их требованиям». И это в воюющей стране! Этим приказом отменялось титулование офицеров: «Ваше превосходительство», «Ваше благородие» и т.п. Грубое обращение с солдатами высших чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещалось. О всяких нарушениях приказа солдаты обязаны были доводить до сведения ротных комитетов. Хотя приказ формально был адресован лишь Петроградскому гарнизону, его очень быстро приняла вся армия. По объяснению депутатов приказ был принят с целью «демократизации армии». Однако, по авторитетному мнению генерала А. Деникина, «Приказ №1» за несколько месяцев боеспособную армию превратил в «труху».

Ранее, сразу после Февральской революции, в самый разгар войны, Временное правительство отменило смертную казнь и приняло ряд мер по ослаблению жандармерии и охранного отделения. Со второго марта 1917 г. начились погромы охранных отделений и жандармских управлений, преступные элементы уничтожили все уникальные архивы жандармерии. Ворота тюрем были распахнуты, последние цензурные ограничения сняты.

Временное правительство слишком поздно поняло смертельную опасность «Приказа №1» для государства, попытка дезавуировать его, также, как и введение смертной казни на фронте, не принесли результатов. Процесс необратимого разрушения был запущен.

Таким образом, каждое решение по проблемам дедовщины и прочих проблем, связанных с деятельностью вооруженных сил, должны проходить экспертизу на предмет оценки возможных рисков. Для доказательства актуальности такой экспертизы приведем другой пример.

Почти все ныне действующие уставы были приняты в начале 90-х годов, в них вносились изменения, последний раз изменения были внесены летом 2007г. после громких дел, связанных с дедовщиной, в частности, «дело рядового Сычева», а также «делом капитана Ульмана». Так, например, в Уставе внутренней службы в новой редакции изменилась одна из формулировок, которая касается именно обязанностей командира. В частности, теперь он должен "отдавать приоритет сохранению жизни и здоровья подчиненных". Раньше же ему было достаточно просто "принимать меры по предотвращению гибели и травматизма" военнослужащих.

«Изменилось ли что-то по сути? Изменилось, но появился вопрос. Ведь не указано главное: что является более приоритетным для командира – сохранение жизни подчиненного или выполнение приказа?» – комментируют правозащитники.

Единственным очевидным упущением, по мнению гражданских экспертов, является то, что общевойсковые уставы никак не регламентируют ответственность военнослужащих за выполнение преступных приказов.

Один из излюбленных приемов правозащитников – вырывание факта из контекста событий, в частности, когда события минувших веков рассматриваются с позиций современности или событие вырывается из экстремальных условий войны и оценивается по законам мирного времени, а отношения в казарме исследуются в уютном загородном доме или на университетской кафедре. Каждый сталкивался с буйством оравы подростков, футбольных фанатов или просто обкурившихся тинэйджеров в электричке, когда они бьют стекла, опрокидывают и ломают автомобили, орут и готовы проломить голову всякому, кто попытается сделать им замечание. Вот с этой самой молодежью приходится иметь дело офицерам и командирам. Как превратить эту агрессивную массу с вкраплениями слабых душой и телом в единый воинский коллектив, способный выполнить любую боевую задачу? В Вооруженных силах это умеют делать! Многим правозащитникам используемые технологии не нравятся.

При этом правозащитниками отмечается, что решить подобную задачу весьма непросто. Если военнослужащий не исполняет приказов командира, то нарушается основной принцип военной службы – единоначалие. Более того, в УК РФ есть 332 статья, которая предусматривает уголовную ответственность за неисполнение приказов командира. Надо бы статью эту изъять из Уго-

ловного кодекса, ведь она противоречит международному праву – прозрачно намекает «демократическая» общественность.

В связи с этим правозащитники ссылаются на принципиальное положение Нюрнбергского трибунала: «То обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен».

В нынешней редакции Устава внутренней службы сказано: "Он (командир) несет ответственность за отданный приказ и его последствия, за соответствие приказа законодательству, а также за злоупотребление властью и превышение власти или служебных полномочий в отдаваемом приказе и за непринятие мер по его выполнению". "Приказ командира (начальника) должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок... Военнослужащему не могут отдаваться приказы и распоряжения, ставиться задачи, не имеющие отношения к военной службе или направленные на нарушение закона".

«Вполне прозрачное определение, но в чем-то лукавое. Военнослужащий не имеет никакого выбора, все за него решает командир, на порядочность и сознательность которого вся надежда» – иронизируют правозащитники.

Но данное положение принципиально, без него Вооруженные силы превратятся в дискуссионный клуб, «бойцы» откажутся выполнять приказы, обосновывая это тем, что командир злоупотребляет властью и отдает «преступный» приказ.

Отсюда можно сделать однозначный вывод: требования правозащитников в рассматриваемом примере не являются случайными и «гуманными» по своему содержанию. Данные требования хорошо продуманы, их конечная цель – подрыв основ боеготовности российских Вооруженных сил. Грантодатели и грантополучатели это прекрасно понимают. Российские граждане тоже должны это понять. Пойти на уступки правозащитникам в данном случае будет означать отход от принципа единоначалия, однажды такое в истории Государства Российского уже было.

В заключение приведем еще один пример, подтверждающий правильность сделанного вывода. Все рекомендации по «демократизации» воинской службы были приняты в странах, находящихся в сфере влияния США. Это в первую очередь страны НАТО. В результате ни одна из этих стран не имеет боеспособной армии. Гарантом их безопасности являются США, чего Штаты и добивались. За мнимое сокращение расходов на содержание армий эти государства расплатились своим суверенитетом.

Выводы

1. Явление «дедовщины» имеет объективные и субъективные причины. Объективные причины связаны с проявлением фундаментального адаптивного архетипа последовательности. Поскольку фундаментальные архетипы не поддаются трансформации, явление дедовщины нельзя искоренить, а только минимизировать. Оптимальным решением проблемы является утилизация данного архетипа с целью повышение боеготовности Вооруженных сил.

2. Субъективные причины негативных проявлений дедовщины связаны с социально-политическим положением страны, которое определяет низкое качество как офицеров, так и призывников. Кроме того, издержки дедовщины связаны с низким уровнем правопорядка и дисциплины в государстве.

3. С явлением дедовщины связаны риски. Одни риски сопряжены с негативными последствиями явления дедовщины, в частности негативным влиянием на боеготовность войск, другие – с внешним информационным вмешательством, направленным на подрыв обороноспособности страны.

4. Неправительственные общественные организации зачастую создаются не для достижения декларируемых целей, а для решения совсем других задач. В случае с дедовщиной установлено, что, с одной стороны, подобные организации создаются в рамках единой инфраструктуры, предназначенной для осуществления внешнего управления Россией, с другой стороны, для оказания давления на общественность и власть с целью «продавливания» управленческих решений, понижающих обороноспособность страны.

Литература

1. Бухарин С.Н., Цыганов В.В. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект, 2007.
2. Бухарин С.Н., Глушков А.Г., Ермолаев И.Д. Информационное противоборство. Книга 2. Теоретические основы. М.: Полиори, 2004 .
3. Чалдини Р. Психология влияния. С.-Пб., 2000.
4. Цыганов В.В., Бородин В.А., Шишкин Г.Б. Интеллектуальное предприятие. Механизмы овладения капиталом и властью. М.: Университетская книга. 2004.
5. Цыганов В.В., Бухарин С.Н. Информационные войны в бизнесе и политике. Теория и методология. М.: Академический проект. 2007.

Материал поступил в редакцию 04. 03. 2008 г.

УДК 581.3

© Юрьев Г.П.
Yuryev G.P.

БИОЭТИЧЕСКАЯ ТРИЛЕММАТИКА ПИКТО-ФЕРОМОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, КОРРУПЦИИ И ДЕДОВЩИНЫ

BIOETHICAL TRILEMMATHICS OF PICTOFEROMONIC PERSON BEHAVIOUR, CORRUPTION AND OLDSERIVNG

Аннотация. *Представлено новое направление в области исследований механизмов поведения человека и их использования для анализа явлений коррупции и «дедовщины».*

Статья подготовлена при финансовой поддержке средств гранта 07-06-12029-офи РФФИ, проект: «Лабораторное социально- психофизиологическое и антропологическое исследование личности в контактной социальной группе» (к разработке объективных методов гуманитарной экспертизы).

Annonfnion. *The new direction in the field of researches of the person behavior mechanisms and their use for the analysis of the phenomena of corruption and "oldserving" is presented.*
The paper is prepared at financial support of means of the grant 07-06-12029-ofi of RFFI, the project "Laboratory socially-psychophysiological and anthropological research of the person in contact social group" (for development of objective methods of humanitarian examination).

Ключевые слова. *Биоэтическая трилеммматика, пикто-феромонное поведение, человек, коррупция, дедовщина, парадигма, виртуалистика.*

Key words. *Bioethical trilemmathics, pictoferomonic behavior, person, corruption, oldserving, a paradigm, virtualistika.*

Теоретическое описание пикто-феромонного поведения человека

Ранее автор [1] предложил вниманию читателей теоретическое обоснование и три описания практического использования концепции *трилеммматических миров* в парадигме виртуалистики.

Напомню базовые понятия виртуальной триалектики. Основным элементом любой нелинейной системы является логическая трилемма $_{«ИЛИ»}{}^{«И»}{}_{«ИЛИ»}$. Понятие трилемма объединяет в себе структуру и нелинейный $^{(+)}U^{(-)}$-образный процесс, смысл и актуальную функцию, например: $_{«день»}{}^{«сутки»}{}_{«ночь»}$, $_{«вдох»}{}^{«дыхание»}{}_{«выдох»}$, $_{«факт»}{}^{«ложь»}{}_{«не факт»}$ и т.д. В каждой трилемме две противоположные функции объединены в третьем смысле по закону *тройной истинности: если два системных смысла (функции) истинно противоположны, то они одинаково истинны в объединяющем их третьем смысле (функции)*. Это означает, что если два противоположных системных перемещения можно измерить и сравнить, то объединяющий их третий смысл часто остаётся виртуальным.

Виртуал – это образ, обладающий собственной частью общей телесности. *Триалектика* объясняет структурную однотипность виртуальных каркасов как уникальных «кристаллов» индивидуальной и общественной жизни людей, определяющих их ролевое поведение, которое одновременно объединяет и дифференцирует социум в соответствии с философскими категориями общего и частного.

Обратимся к содержанию и поведению микроструктур в этом общем с филогенетических позиций. Для объяснения скрытых закономерностей человеческого бытия можно воспользоваться аналогией из области естественных наук. Это феромонное поведение насеко-мых и модное коммерческое направление в производстве обонятельных аттрактантов. Явная польза от рекламных акций специфических духов проявилась в том, что современные люди вне зависимости от пола и образования хорошо воспринимают теорию *пикто-*

Юрьев Георгий Петрович.– доктор медицинских наук, кандидат психологических наук, главный научный сотрудник ИФ РАН (сектор гуманитарных экспертиз и биоэтики), старший научный сотрудник ГНИИИ военной медицины МО РФ, зав. кабинетом психотерапии Поликлиники 1 РАН, тел +7(495)543-36-76.
Yuryev Georgiy Petrovich– the doctor of medical sciences, the candidate of psychological sciences, the main research scientist of IP RAS (sector of humanitarian examinations and bioethics), the senior research scientist of SSRTI of military medicine of DoD of the Russian Federation, the manager of cabinet of psychotherapy of the 1st Polyclinic of RAS, tel. +7(495)543-36-76.

феромонного поведения человека[1].

Объяснение нового подхода начну с примера, связанного с начальным этапом практического обучения человека новой логике самосценирования жизни. В процессе диагностики с помощью авторского фломастерного теста испытуемому предлагается придумать, нарисовать и назвать несуществующее животное и его антипода. Сам тест известен давно, но трилеммaтическое и философское наполнение его является оригинальной методикой. При кажущейся экстравагантности предложения испытуемые всегда что-то рисуют на листе белой бумаги, а затем придумывают своим виртуальным агентам имена. Далее аналитик обращает внимание тестируемого человека на то, что только что состоялся акт рождения, на свет появилось нечто, имеющее размерность и образ-форму в цвете, т.е. собственную телесность, а также собственное имя и ролевую функцию в соответствии со своим смыслом и предназначением. Появилось документальное свидетельство чего-то, проживающего внутри виртуального человека и неожиданно для него самого появившегося на белый свет. При всей как бы абстрактности «новорожденных» всегда имеется чёткая смысловая связь символических «микровиртуалов» с реальными событиями в жизни испытуемого.

Микроструктурная единица индивидуума получила название *пифер*, сокращённое имя из двух слагаемых: пикто (писанный красками, рисованный) и феромон (аттрактор). Наполним имя содержанием. Индивидуум всегда что-то и кого-то «рисует» внутри себя с использованием индивидуального спектра цвето-ассоциативной палитры, и это автоматическое творчество носит либо привлекательный, либо отталкивающий, либо нейтральный характер бытия. Так мы все устроены: внутри каждого из нас проживают тысячи и тысячи образов (микровиртуалов) живых и умерших людей, пейзажи и события, абстрактные формулы, буквы, слова, фразы и т.п. и т.д. В отличие от формальных (техногенных, неживых) виртуальных агентов – внешних материальных порождений профессиональной деятельности людей, например, компьютерных структур, – пиферы функционируют как живые виртуальные агенты внутренней жизни человека, как интегральные «сгустки» компонентов смысло-эмоциональных, информационных, биологических и физико-химических процессов индивида. При множественной ролевой специализации все пиферы обладают одним объединяющим их свойством: они *однородны*, т.е. порождены из одного начала внутри уникального индивидуума. Это исключительно его родные «дети», которые взаимодействуют между собой на правах «законнорожденных» отпрысков по правилам феромонного поведения – *интрафорума, пиферных коммуникаций,* – рассмотрим их.

Вначале кратко напомню о феромонах и обосную допустимость переноса принципов феромонного поведения на формирование поведения человека в социуме. В культуре всех народов существуют устойчивые мифы о тождественности поведения человека и некоторых представителей фауны. Этологи, главным образом занимающиеся генетически обусловленными (наследственными) компонентами поведения животных, птиц, насекомых и эволюцией их поведения, дают основания для серьёзного сопоставления способов устойчивой организации некоторых поведенческих отношений между людьми с аналогичными устойчивыми коммуникациями в самоорганизованных сообществах насекомых, в частности пчёл и муравьёв.

Выяснилось [2], что принцип инстинктивности поведения объясняет лишь небольшую часть устойчивых поведенческих паттернов у этих насекомых. Деятельность муравьиной семьи поражает целенаправленностью. При изучении муравьёв бросается в глаза явное несоот-ветствие между высоким «интеллектуальным уровнем» функционирования муравейника в целом и микроскопическими размерами нервной системы индивида. Муравьи живут на Земле более 200 миллионов лет, но не утратили приспособительной динамики и быстро, и прочно вживаются в принципиально новые условия обитания. Основатель современной американской мирмекологии Уилер (W.M. Wheeler, 1865-1937) утверждал, что муравейник является единым организмом, и его надо рассматривать как целостный субъект естественного отбора. Он находил глубокую аналогию между специализацией муравьев в муравейнике и специализацией клеток многоклеточного организма. В каждом муравейнике живет от ста тысяч до миллиона насекомых, которые составляют одну семью. Муравьиная семья имеет строгую внутреннюю структуру с четко установленными ролями каждого муравья, которые могут меняться с его возрастом, а могут быть постоянными. Организационная структура муравейника позволяет гибко реагировать на любое возмущение и выполнять все требующиеся работы, оперативно привлекая для их выполнения необходимые трудовые ресурсы.

[1]Автор статьи сформулировал основные положения теории пикто-феромонного поведения человека в конце 2007 г. и с этого времени озвучивает их в публичных выступлениях и при индивидуальной работе методом «Трилеммaтическая аретея» (Авт.).

Установлено, что чудо регуляции поведения муравьёв и пчёл вполне объяснимо с позиций теории феромонного поведения насекомых как принципа регуляции динамически изменяющихся, взаимосвязанных и *однородных* сущностей. Феромоны, что переводится с древнегреческого как переносчики возбуждения, – это эволюционно сложившиеся природные физико-химические композиции веществ, влияющие на гормональную систему всех членов семьи, их физиологическое состояние и поведение. Последнее особенно важно: поведение насекомых – это система необычайно гибких инстинктов, генетически, тем не менее жестко закрепленных.

Исследования показали, что появление муравьиных тропинок обусловлено выделением особых пахучих веществ-сигнализаторов – феромонов. Помечая этим веществом свои пути, муравьи дают знать сородичам по муравейнику об уже проложенных маршрутах. В экспериментах выяснилось, что муравьи выбирают короткий путь к пище не в результате каких-либо навигационных способностей, а просто потому, что по короткому пути шли к пище и возвращались обратно гораздо больше муравьев, чем по длинному. Большее количество означает большую концентрацию феромона, большую привлекательность именно этого пути, и это конкретный переход количества в качество.

Также установлено, что одни феромоны запускают определённую поведенческую реакцию, в том числе и сексуальную, другие меняют физиологическое состояние особи, третьи оповещают об опасности, четвёртые – о кратчайшем пути к пище. Более того, используя феромонную мимикрию, насекомое может выдавать себя не за того, кем оно является на самом деле, т.е. способно «лгать». Такие ложные феромонные сигналы получили название «вещества пропаганды», а феромонный миметизм широко используется некоторыми видами насекомых, в частности, социальными паразитами. Следует отметить особое условие для феромонного поведения коммуникативных агентов – это их однородность, ключевое положение теории и основание для понимания принципа пикто-феромонных коммуникаций внутри человека. Например, муравьи одного муравейника относятся к муравьям из другого муравейника как к чужим особям, которых можно прогнать, а можно и принять в свою семью после совершения определённой процедуры знакомства.

В настоящее время принципы феромонной регуляции виртуальных (интеллектуальных, педагогических, интерфейсных и т.п.) агентов используют для построения телекоммуникационных, экспертных, обучающих и других электронных самоорганизующихся систем, а са-ми сигналы, остающиеся в цифровой среде ЭВМ после контакта коммуникативных элементов, получили название виртуальных феромонов [3,4]. На этом принципе основана заявка на метод предсказания будущего. В патентной заявке описывается «метод прогнозирования поведения программных агентов в моделируемых условиях», каковой «включает моделирование множества программных агентов, олицетворяющих объекты, подлежащие анализу, в том числе, возможно, человеческих существ».

Используя совокупность параметров, определяющих поведение формальных виртуальных агентов, математически определяется внутреннее состояние как минимум одного из таких агентов на основе его поведения в моделируемой ситуации. Тем самым прогнозируется наиболее вероятное поведение символического агента на основе целиком и исключительно его внутреннего состояния. «В наиболее предпочтительной форме моделируемая среда основывается на цифровой феромонной структуре», – указывается в заявке. Моделируемая среда изначально включает в себя информацию о зонах опасности, когнитивный анализ верований, желаний и намерений виртуального агента, модель его эмоционального состояния и наклонностей, и динамику его взаимоотношений с окружающим миром. Исходя из того, как будет действовать агент в этой среде, по мнению разработчиков, можно определить его внутреннее состояние и предсказать будущие шаги [6]. У этого диагностического метода, возможно, будет хорошая судьба.

Одновременно следует отметить, что люди прекратили использовать феромоны по их прямому назначению из-за развития цветового зрения. Ученые-генетики полагают, что развитие цветового зрения привело к тому, что приматы, обитавшие в восточном полушарии, и появившиеся затем вследствие их развития люди утратили способность распознавать феромоны. Сигнальная система, основанная на зрении, имеет преимущества по сравнению с системой, основанной на феромонах, поскольку цвета можно видеть на расстоянии, в то время как феромоны могут быть распознаны только на близкой дистанции, – говорят исследователи [7].

Это второе ключевое положение для теории пикто-феромонного поведения человека: замена молекулярных агентов (феромонов) на их образные корреляты (пиферы) увеличила коммуникативные и связанные с ними возможности интеллектуального развития высших приматов и людей.

На основании литературных данных можно сделать следующие выводы:

• теория феромонного поведения адекватно объясняет сложное поведение динамически изменяющихся, взаимосвязанных и однородных индивидов (агентов) в биосоциальных системах, управляемых виртуальным разумом этого сообщества;

• эффективность технических информационных систем, построенных на основе феромонного поведения, достоверно выше, чем управляемых централизованно;

• разные формы ролевого поведения формальных виртуальных агентов в мультиагентной среде используются в самых разных областях человеческой деятельности;

• учёные предлагают использовать поведение формальных виртуальных агентов в цифровой феромонной среде для моделирования и предсказании поведения человека в реальной жизни;

• цветовое зрение привело к эволюционной замене природных феромонов и феромонных коммуникаций на более эффективный по скорости решения актуальных задач способ цвето-ассоциативной классификации. Ранжирование внешних живых и неживых агентов осуществляется по принципу внутреннего феромоноподобного взаимодействия их виртуальных пикто-аналогов.

Общий вывод таков: однородные агенты могут организовывать своё поведение, используя весь арсенал способов регуляции отношений внутри и вне конкретного сообщества. С филогенетических позиций вполне обосновано то, что принципы феромонного поведения позволяют создать адекватное теоретическое описание поведения человека. Попробуем развить этот тезис применительно к понятию живых виртуальных агентов человека, получивших имя «пикто-феромон» или «пифер». По аналогии с распространённой терминологией внутренний агент получил и другое название: «интроспективный агент» или интрагент.

Интрагент – это конкретный образ кого-то или чего-то, т.е. образ какой-то самопорождённой части внутри индивидуальной картины мира. Точнее – субстанциональное отражение порождения, получившее статус интрагента.

Метафорически интрагент как бы подобен муравью и компьютерному виртуальному агенту по следующим принципиальным критериям:

• все они являются однородными агентами общей системы;

• все они относительно автономны внутри этой же системы;

• все они образуют специализированные сообщества – кланы, которые делегируют им свои функции;

• все они могут самостоятельно контактировать с другими интрагентами внутри этой же системы.

Рассмотрим некоторые свойства интрагентов (пиферов).

Интрагент обладает ограниченной телесностью и специфическими признаками, по которым его можно отнести к определённому клану по виду деятельности. Интрагент имеет свойства живого существа, в частности, границы свой телесности и внутрииндивидную автономность, которая позволяет ему осуществлять межклановые и внутриклановые коммуникации. Интрагент обладает и оперирует набором психофизиологических модальностей: он видит, слышит, обоняет, осязает, чувствует, действует. Он говорит – это внутренняя речь индивидуума. Он социален и способен к этической оценке себя и других интрагентов. Он действует, и это модели как фантастических, так и вполне реальных действий. В отличие от своего родителя (самого человека) интрагент обладает рядом несомненных преимуществ, например, он может говорить и делать всё то, что считает нужным, даже то, что недостижимо и неуместно в привычной социальной жизни человека.

Интрагенты могут иметь свойства другого автономного индивидуума или предмета с разной степенью достоверности – его некое подобие соответствия или полное соответствие. Например, абстрактная формула химического соединения или математического действия является полноправным пифером внутри своего клана «точное знание».

Интрагенты имеют ведущую модальность, осуществляют межпиферные коммуникации, классифицируются по принадлежности к ролевой деятельности, по активности, по ведущей модальности, по стратегической и тактической значимости, по внешним коммуникациям, по роли в интрафоруме и т.д. и т.п.

Межпиферные «браки» порождают новых «детей», это образы фантазий, целей, убеждений и предубеждений, агентов «дня» и «ночи», и т.п. – словом, весь бесконечный калейдоскоп человеческой жизни и конечно же пиферов долгожительства и смерти.

Самое главное, пожалуй, состоит в том, что в результате взаимодействий между интрагентами образуются «виртуальные тропы» разной степени «утоптанности» – это устойчивые и случайные образно-смысловые ассоциации. Психологи и психофизиологии установили: чем больше ассоциаций имеется у человека, тем более развит у него интеллект. Принцип образно-ассоциативного мышления по своей сути является способом феромоноподобной организации интуитивного и рационального поведе-

ния человека. Этот же принцип служит основанием для объективной диагностики структурных и функциональных связей между кланами разнопорядковых интрагентов с помощью фломастерного теста Юрьева и эгоскопии с возможностью экстраполяции полученных результатов на внешнюю деятельность и долголетие человека [1].

Соединение фломастерного теста с эгоскопией позволяет вплотную приблизиться к детальной диагностике интрагентов человека и соответственно к пониманию его будущих поступков как аналогов феромоноподобных действий по моделям виртуальных цвето-ассоциативных «троп». В результате цветоэгоскопии можно, во-первых, достаточно подробно и достоверно диагностировать виртуальные компоненты феромоноподобной регуляции поведения и, во-вторых, проводить целенаправленную коррекцию поведения человека.

Резюме:

Ядром сборки виртуальных реальностей человека является самообраз (виртуал), который порождается при взаимодействии реальностей телесности, сознания, личности и воли человека с окружающей социальной реальностью. Триалектика объясняет структурную однотипность виртуальных каркасов как уникальных «кристаллов» индивидуальной и общественной жизни людей, определяющих их ролевое поведение, а пиктоферомонные микроструктуры личности формируют интраперсональные коммуникативные процессы по типу микроаналогии макросоциальной жизни. Сказанному подходит известная метафора о дереве и его плодах, падающих рядом с ним.

С указанных теоретических позиций несколько по-иному перед взором исследователя предстают причинные связи между животрепещущими проблемами коррупции и армейской «дедовщины» в России.

Этический цинизм теневой экономики степеней свободы человека

Одно из практических применений закона тройной истинности (см. начало данной статьи) состоит в том, что критерий «истинного противоречия» позволяет отделить «правильные» трилеммы от «вредных». К ним можно отнести ложные трилеммы – это притягательные имитации абстрактных идей. Пример истинных трилемм дал К. Маркс: «производитель» «прибавочная стоимость» «продавец» и «продавец» «выгода» «покупатель». Прибавочная стоимость – это прибыль, выгода – двигатель экономического прогресса. Всё просто и понятно.

Идеи французской революции «Свобода, равенство, братство» являются яркими примерами ложных идей. Их логическая особенность состоит в том, что невозможно составить трилеммы с названными понятиями, так как сразу включается знаменитый принцип относительности. Он порождает массу уточняющих вопросов: какие или какая свобода, равенство и братство? с кем, когда и зачем? И так далее до бесконечности. Поэтому «праведность» ложных идей чаще всего доказывают кровью несогласных с такими построениями человеческого разума, например, взятием Бастилии во Франции, Октябрьской революцией в России. Но, оказывается, за внешней простотой и понятностью утопических построений скрываются более глубинные и устойчивые связи, чем их внешние проявления.

Рассмотрим любое производство потребительских товаров и услуг. Предприятие производит продукт, который выставляется на рынок для получения прибыли и удовлетворения потребительского спроса. На рынке товар может успешно продаваться или, наоборот, убыточно залеживаться из-за естественной конкуренции с другими подобными товарами по критерию «цена – качество». Социальная страта производителей товаров и услуг живёт и богатеет за счёт прибавочной стоимости и пропорционально успешности своих товаров на рынке.

В любом государстве всегда имеется бюрократическая страта, класс чиновников для выполнения функций регулирования социальных, экономических и других сфер общества. Государственные управленцы и чиновники получают заработную плату в соответствии со своим иерархическим положением на служебной лестнице местной и федеральной власти. Но, поскольку влияние конкуренции распространяется на всех, то чиновник также выставляет на общий рынок услуг свой товар. Это очень специфический виртуальный товар из категории «степень свободы действий» на рынке и вне рынка. Бюрократ, обладающий правом разрешительной подписи, может выставить на рынок товаров и услуг делегированную ему обществом часть степеней свободы для действий других сограждан.

Вспомним знаменитое решение с как бы случайно потерянной в тексте запятой: «казнить нельзя помиловать». Перед нами реальная бюрократическая трилемма «казнить» «выгода» «помиловать», в которой на продажу выставлена всего лишь «запятая» как пустяковый товар с максимальной степенью зависимости свободы другого человека по витальному критерию «жизнь – смерть». В России, как и в большинстве других государств, витальный критерий – вершина разрешительной пирамиды, принадлежит президенту, но аргументы для принятия окончательного решения идут к нему по восходящей иерархии снизу вверх.

Каждая ступенька на этой лестнице жизни обладает своей степенью свободы, имеющей свою рыночную стоимость. Последняя предопределяет исход конкуренции между желающими получить помилование не по мере справедливости, а по величине подношений на виртуальной лестнице разрешительных услуг.

Взятка, подношение, подарок, откат, коррупция – разные термины одного и того же рыночного процесса, в котором продаётся самый выгодный товар под названием «степень разрешительной свободы». Выгода в том, что вложения в товар минимальны, сам товар виртуален, а доходы реальны и максимально прибыльны относительно вложений. Кроме того, формируется единый коммуникативный канал говорящих на одном языке участников торга в отличие от многоязычности стихийного рынка с непредсказуемыми результатами. Формируется и успешно функционирует специфический вид теневой экономики разрешительных услуг с предсказуемыми итогами.

С позиций рыночной экономики схематично рассмотрим две формы государственного устройства и управления. Демократия базируется на конкурсе идей, товаров и услуг свободных производителей. Торговля степенями свободы формирует псевдодемократию (суверенную демократию), которая основана на конкурсе откатов с идей, товаров и услуг производителей, уже зависимых от бюрократической страты. Во втором случае государством, экономикой и обществом управляют не взрослые «отцы семейств», а «дети откатов» с этих семейств. Поэтому эффективность экономики низкая, жизнь общества устроена плохо в противовес прекрасной демонстративной помпезности. В реальной жизни происходит динамическая конкуренция двух экономик с периодическим преобладанием одной из них или временным уравниванием влияний по закону трилеммы. Революции происходят тогда, когда часть сограждан оказывается как бы вне «большой» системы отката без реальной перспективы изменить свою жизнь эволюционно. Захват власти символично соответствует ступенчатому переходу на вершину «свободы». Предыдущее поколение эту ступень виртуальной свободы уже освоило и вынуждено потесниться, чтобы впустить очередных претендентов на «олимп» исторической славы.

Армейская служба по своему предназначению исключает экономическую конкуренцию внутри своей социальной страты из-за отсутствия законных условий для производства товаров. Армия должна производить одну общую услугу по защите общества от внешнего врага, но степени свободы её членов при выполнении вменённой обязанности совершенно разные. В идеале степень свободы членов армейского коллектива должна зависеть от занимаемой должности и уровня профессиональной подготовки. На профессиональном уровне (офицеры) так в большинстве случаев и происходит, за исключением коррупционных перемещений по служебной лестнице.

Совершенно особая страта – военнослужащие срочной службы. Формально степени их свободы определены регламентирующими документами, но в них отсутствуют промежуточные сроки пребывания солдата в конкретной служебно-профессиональной должности и воинском звании. Этот в общем-то естественный для срочной службы пробел автоматически, по принципу подобия прохождения службы офицерами, заполнился сроком призыва в армию. Породился противозаконный и безнравственный протокол «дедовщины» как виртуальное псевдоподобие реального регламента службы, а виртуальным товаром стала степень свободы солдата-срочника: молодому воину не дают делать то, что разрешено старослужащему и, сверх того, принуждают выполнять унизительные действия. Это преступное продолжение общего принципа, давно облечённого в формулу: «Что позволено Юпитеру, не позволено быку».

Псевдорыночные отношения различаются в стратах цивильных и армейских торговцев свободой. Специфическая разница между ними состоит в том, что «на гражданке» покупатель и продавец добровольно обмениваются материальными продуктами жизни, а в «дедовщине» на прилавок жизни чаще всего выставляются виртуальные антиформы чести и достоинства всех участников принудительного торга. Вторая существенная и как бы «обратная» разница связана с рисками и устойчивостью бизнеса: система дедовщины минимизирует риски и обеспечивает гарантированный ступенеобразный рост доходов всем участникам рынка по мере освоения ими своих статусных переходов по срокам службы, это уравнивает всех и это считается справедливым. «На гражданке» таких гарантий нет, и существует вероятность быть внезапно «вынутым» из этой системы по разным причинам.

Феномен «дедовщины» следует дифференцировать с культурно-историческими процессами инициации, непременно присутствующими в разных формах статусных переходов в других социальных стратах. Дедовщина обусловлена, в числе других причин, виртуальной созависимостью цинизма нравственной демагогии армейского сообщества с общесоциальным рынком теневой экономики разрешительных услуг. О моральной демагогии как форме апологии и насилия пишет А.А. Гусейнов [8]. Логически вытекает предположение, что решение локальной проблемы невозможно без девиртуализации обще-

национального феномена отката. В России исторически выстроилась культурная, экономическая и национальная общность, в которой откат стал виртуальным системообразующим центром, теневой национальной идеей и циничной вершиной пирамиды великого народа, идущего как бы своим особым путём. На самом деле подобный путь коллективной коррупции прошли самые что ни на есть демократические страны и народы, но они сумели нравственно повзрослеть, в том числе и с помощью естественных рыночных механизмов «по закону».

Биоэтическая созависимость жизни по закону и по понятиям

Для выявления степени виртуальной зависимости социума от коррупции применительно к феномену «дедовщина» нами проводится социально-психофизиологическое и антропологическое исследование личности в контактной социальной группе. В качестве одного из методов объективного измерения биосоциальных структур личности используется эгоскопия.

Эгоскопия – новый метод комплексного исследования человека. Основная особенность метода заключается в синхронном измерении когнитивных, эмотивных и моторных компонентов практической деятельности в привязке к символическим элементам ответов испытуемого на задания теста.

Эгоскопия основана на теоретических принципах отечественной виртуалистики, созданной доктором психологических наук Н.А. Носовым в Российской академии наук в конце 80-х годов прошлого века. В виртуалистике обосновано, что в процессе эволюции человека от рождения до старости осуществляется непрерывный ступенеобразный процесс порождений виртуальных реальностей разного уровня и специализации, это житейские, профессиональные и нравственные роли. Часть виртуальных реальностей осваивается человеком через процесс девиртуализации (обучения, тренировок, усовершенствований и т.п.) и приобретает устойчивые черты и свойства различных качеств человека – личность взрослеет. Другая часть самообразов сохраняет свою виртуальность длительно, что оценивается окружающим социумом соответствующими терминами: ребёнок, незрелая инфантильная личность и т.п. В этом случае человек проживает свою жизнь как бы в виртуальной реальности бытия с не-предсказуемыми событиями.

Эгоскопия регистрирует и измеряет процесс порождения виртуальных реальностей личности при взаимодействии внутренних константных моделей действий испытуемого с измерительным прибором (эгоскопом) в окружении социальной реальности тестирования.

При эгоскопии измеряются признаки, причинно связанные с наличием или отсутствием у испытуемого реальных (акцентированных, константных, автономных) моделей тестируемых свойств. Если «автономы» есть, то велика вероятность того, что человек применял (применяет) эти свёрнутые модели действий в социальной реальности и может использовать их в будущем. Преобладание относительного числа автономных моделей свидетельствует в пользу зрелости человека применительно к обсуждаемым темам.

Если испытуемый демонстрирует только виртуальные модели своих отношений к исследуемым свойствам, то можно уверенно предполагать, что устойчивые модели действий в этой сфере либо ещё не сформировались, либо мы встретились с сопротивлением тестированию по каким-либо внутренним или внешним причинам.

Рассмотрим более подробно инструментальные возможности эгоскопии, в том числе на нескольких конкретных примерах. Они соответствуют явным:

а) документирование синхронных сигналов когнитивных (канал X), вегетативно-эмотивных (канал Y) и декларативно-эмотивных (канал Z) процессов при тестировании;

б) получение статистических результатов;

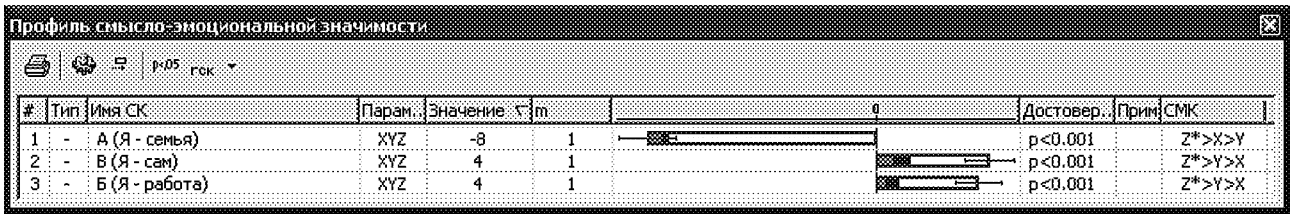
в) системный эго-анализ статистических результатов и скрытым целям эгоскопии:

г) выявление степени маскирования результатов тестирования,

д) выявление значимых констант испытуемого в обход его преднамеренного противодействия. Аналитические возможности эгоскопии основаны на использовании нескольких статистически обоснованных диагностических блоков.

Первый блок – профиль смысло-эмоциональной значимости (СЭЗ) включает в себя статистические показатели – среднее значение (±M), среднюю ошибку (±m), достоверность (p-level) каждого показателя относительно среднего значения в выборке по каждой модальности (X, Y, Z) и XYZ интегрально в каждом модуле (этапе), в отдельном (ОСК) и групповом (ГСК) смысловых кластерах. Также вычисляется формула соотношений модальных компонент (СМК) по принципу «больше – равно – меньше» в каждом модуле и кластере. Вид профиля СЭЗ представлен на рис.1:

Профиль СЭЗ позволяет аналитику на 1-м уровне оценить ответы испытуемого по критерию интенсивности (выраженности) ответа, сформированности (акцентиро-


Профиль смысло-эмоциональной значимости

#	Тип	Имя СК	Парам.	Значение	m	0	Достовер.	Прим	СМК
1	-	А (Я - семья)	XYZ	-8	1		p<0.001		Z*>X>Y
2	-	В (Я - сам)	XYZ	4	1		p<0.001		Z*>Y>X
3	-	Б (Я - работа)	XYZ	4	1		p<0.001		Z*>Y>X

Рис. 1. Профиль смысло-эмоциональной значимости (СЭЗ)

ванные смысловые модели – АСМ) – несформированности (дисперсивные смысловые модели – ДСМ) и ведущей модальности каждого модуля и кластера в целом.

Второй блок – таблицы и графики кроссмодальных значений (КМЗ) – это когнитивно-эмотивно-моторный (КЭМ) язык эгоскопии для оценки биосоциального контекста (затекста) ответов испытуемого. Они включают в себя ряд статистических показателей в балл-процентах, это: интенсивность (±M), уверенность (m/M), пиктолокутивная сила (ПЛС) и эмотивно-декларативный диссонанс (ЭДД) в каждом модуле и кластере. По порядку и размерности межмодальных сочетаний в каждом модуле и кластере выводится тип логических стратегий испытуемого: тип логических стратегий императивный (ТЛСИ) и тип логических стратегий ситуативный (ТЛСС) – всего 72 «буквы» КЭМ-языка эгоскопии.

КЭМ-язык эгоскопии можно оценить с теоретических позиций лингвистики, в которой любое высказывание (проговорённое или написанное) представляет собой «речевой акт», рассматриваемый как минимальная единица речевой деятельности. Выделяют три аспекта речевых актов:

• говорение чего-либо – это локутивный акт (лат. locutio говорение);

• процесс говорения (по-латински in locutio) – человек при говорении совершает еще и некоторое действие, имеющее какую-то внеязыковую цель. Интегральная, т.е. обобщенная и целостная характеристика высказывания как средство осуществления иллокутивного акта называется иллокутивной функцией, или иллокутивной силой высказывания;

• посредством говорения (по-латински per locutio) человек достигает определенных результатов. Речевой акт, рассматриваемый в аспекте его реальных последствий, выступает как перлокутивный акт (эффект) – этим издавна занималась риторика, изучая оптимальные способы воздействия речи на мысли и чувства аудитории.

При эгоскопии в процессе устных ответов, написания или рисования ответов на задания теста испытуемый также совершает некоторые внутренние и внешние действия, имеющие какую-то внеязыковую цель. Это внутренние диалоги, вопросы и ответы самому себе и как бы другим, информирование, уверения или предупреждения, демонстрация или сокрытие, критика, ирония, оправдание либо наказание, обман либо правда и т.п. Ещё раз отметим, что в лингвистике эта интегральная, т.е. обобщенная и целостная характеристика высказывания как средства осуществления речевого акта называется иллокутивной функцией, или иллокутивной силой высказывания. Она характеризует внутреннюю и внешнюю силу, с которой говорящий обозначает важность своего высказывания для себя перед теми, кто слушает его речь.

Эгоскопический пикто-речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его внеязыковой цели, выступает как пиктолокутивный акт, характеристика которого – пиктолокутивная сила (ПЛС), – статистически вычисляется в балльной системе от 1 (низкая выраженность ПЛС) до 3 (высокая ПЛС) баллов. ПЛС измеряет степень преобладания интегральной эмотивной модальности (каналы Y и Z) над когнитивной составляющей ответа (канал X). Эмотивно-декларативный диссонанс (ЭДД) фиксирует преимущественный вектор пиктолокутивной силы, т.е преимущественную адресацию своего ответа: другим (+3, декларирует), другим и себе, себе (-3, рефлексирует). Примеры графиков и таблиц КМЗ представлены на рис. 2–4.

КЭМ-язык эгоскопии позволяет аналитику на 2-м уровне оценить биосоциальные контекстовые (затекстовые) характеристики ответов испытуемого:

а) уверенность ответа;

б) желание демонстрировать своё отношение к теме;

в) преимущественную направленность ответа по принципу «рефлексия – декларация».

Ни один из существующих ныне способов диагностики внутреннего мира человека не позволяет получить результаты, доступные эгоскопии. Для подтверждения этого тезиса привожу реальный случай эгоскопической диагностики «перепутанных» биосоциальных моделей человека, своеобразный антипример устойчивым психотерапевтическим легендам. Почти общепринято, что «плохие» социальные роли и психосоматические расстройства тесно связаны между собой. Для диагностики этих связей создан авторский тест «здоровье – эмоции – характер – роль» (два последовательных варианта ответов: вербальный и рисуночный), с помощью которого

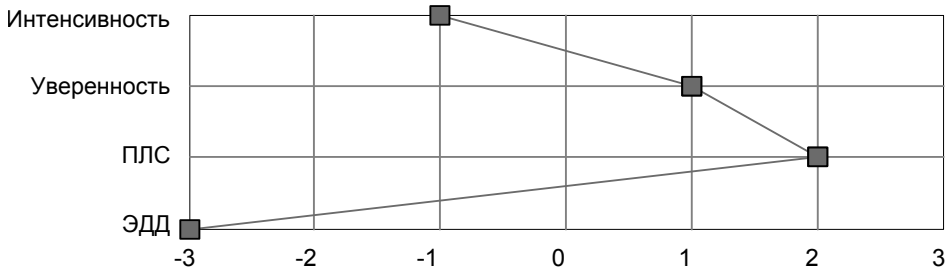


Рис. 2. График КМЗ отдельного смыслового кластера (ОСК) «Страхи и опасения» в «Тесте неоконченных предложений». Это дисперсивный (несформированный) смысловой кластер с интегральным эмотивным акцентом обычного противоречивого (амбивалентного) ответа. Повышенная ПЛС ответа самому себе. Выраженный ЭДД, имплицитный вектор ПЛС за счёт вегетативного преобладания, рефлексирует отношение к теме. ТЛСИ: интуитивист самодостаточный (100%); ТЛСС: моторный тип (75%), эмотивный тип (25%). Заключение: не хочет посвящать других в свои страхи и опасения

№	M	m	m/M(%)	СКО	t	p <	СМК	ТЛСИ	ТЛСС	Подтип ТЛСС	ПЛС	ЭДД
1	13 (Отношение к отцу)											
	19	2	11	99	9,828	0,000	Y*Z*>X	И	У	ЭМ	61,87	-5
2	15 (Отношение к друзьям и знакомым)											
	16	2	13	92	7,995	0,000	Z*>Y*>X	И	М	М_Э	–35,36	+32
3	12 (Жизненные цели)											
	14	2	14	94	7,137	0,000	Y*>Z*>X	Т	Э	Э_М	56,477	-11

Рис. 3. Таблица КМЗ группы акцентированных (сформированных) смысловых кластеров в «Тесте неоконченных предложений» (их графики см. рис. 4.)

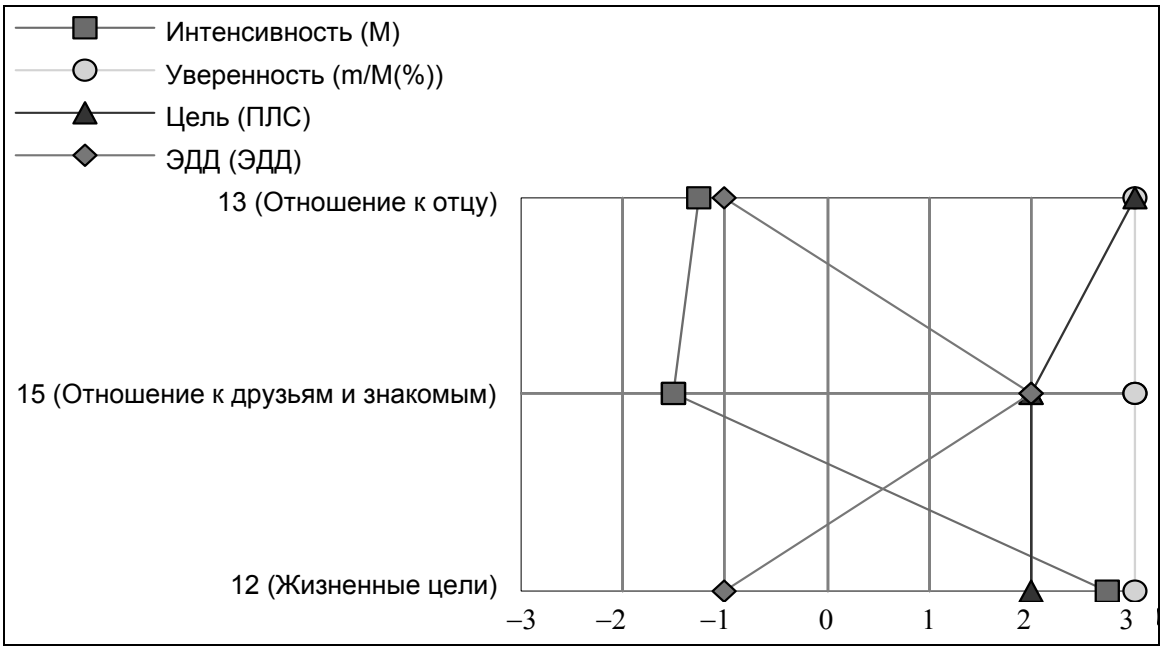


Рис. 4. Графики КМЗ группы акцентированных (сформированных) смысловых кластеров в «Тесте неоконченных предложений» (их таблицу см. рис. 3.)

исследовалась пациентка GIA. Она с 17 лет страдает от «синдрома раздражённого кишечника». Через 30 лет типичного, но малоэффективного стационарного и амбулаторного лечения различными средствами официальной медицины гастроэнтеролог порекомендовал обратится к психотерапевту. Первичная цвето-ассоциативная диагностика с помощью фломастерного теста Юрьева выявила «перепутанные» биосоциальные связи между привычными ролевыми моделями испытуемой со структурой её здоровья и болезни. Пациентка вначале удивилась неожиданным результатам тестирования, но после их подтверждения с помощью эгоскопии подтвердила заключение эгоаналитика примерами из своей жизни.

Пиктополиграфическая диагностика вербальных (декларируемых) ответов выявила то, что у испытуемой, вопреки традиционному мнению, «роль отрицательная»

и «болезнь» включают в себя две совершенно разные биосоциальные модели. Они отличаются по ряду признаков, не сформированы и разведены по смыслу во внутреннем пространстве личности.

В противовес этому диагностика рисуночных (символических) ответов продемонстрировала, что у испытуемой, опять же вопреки традиционному мнению, «роль положительная» и «болезнь» – две похожие, чуть ли не идентичные биосоциальные модели. Они графически подобны, практически одинаковы по своим признакам, сформированы и, возможно, близки по смыслу во внутреннем пространстве личности.

Дополнительная диагностика с помощью авторского теста «душа» подтвердила биоэтическую парадоксальность части внутренних моделей деятельности испытуемой. Для справки: понятие «душа» широко и повсеместно используется в человеческой культуре как особая неуловимая ипостась личности. Существует тезаурус различных качеств человеческой души. В эгосоматической медицине есть постулат о том, что душа виртуальна, а проявления её реальны. Обе реальности равноценны фактом своего существования, поэтому допустимо косвенное измерение души через её психофизиологические корреляты. Это позволяет сделать эгоскопия. В стимульный материал теста заложены 54 описания души из словаря русского языка С.И. Ожегова. Испытуемым предлагается нарисовать / написать о душевных проявлениях человека применительно к себе, например: «Моя душа ликует», «Моя душа негодует» и т. д. У нашей пациентки были выявлены одни и те же психофизиологические модели для разных по смыслу душевных проявлений, в частности:

а) «агрессия в моей душе», «богатство моей души» и «душа моя смеётся»;

б) «душа полна добром» и «душа моя болит»;

в) «блаженство в моей душе» и «злость в моей душе»;

г) «мне это по душе» и «униженная душа» и ещё ряд других этико-соматических парадоксов.

Обсуждение результатов эгоскопии свелось к разъяснению объективной сути полученных результатов диагностики, после чего испытуемая «вдруг» согласилась: «Да, так оно и есть. Как только мои разные дела идут хорошо и вроде бы надо жить да радоваться – начинаются спазмы в животе. Эти боли делают меня «стервой», которая начинает лихорадочную деятельность до полного изнеможения, чтобы забыть о болях. Я не даю спокойно жить ни себе, ни своим подчинённым. Теперь я понимаю, что дочь поступила мудро, когда в юности ушла жить самостоятельно; она, в отличие от меня, здоровая и успешная. А я с юности страдаю от чувства постоянной вины перед всеми непонятно за что. Похоже, что у сына мой характер».

В данном случае выявлена особая функциональная зависимость этико-соматических моделей поведения женщины как своеобразный антипод социальных мифов «добра» и «зла». Другим способом подобную связь установить можно лишь на уровне гипотез. Эготерапия позволила существенно модифицировать социально-ролевое поведение пациентки и дезактуализировать симптом до саморегулируемого уровня символического сигнала.

Выявленный феномен позволяет предполагать, что поведение человека во многом определяет *психофизиологическая парадигма биоэтических предпочтений личности* при выборе, например, жизнеформирующей ролевой деятельности или при совершении садистских, с точки зрения общепринятой морали, действий по отношению к другому человеку. Эта гипотеза требует специального исследования, хотя поток аналогичных примеров из реальной жизни эмпирически подтверждает эти предположения.

Другой случай связан *с эгоскопической диагностикой «маскированных» конструктов испытуемого*. Ответственный сотрудник NNN одного частного банка превысил свои полномочия и совершил убыточную сделку. У руководства возникло подозрение в умысле, но менеджер настаивал на ошибке по халатности. Для объективной диагностики правдивых или ложных утверждений был создан специальный тест «Ошибка или Умысел». В модифицированную структуру теста «Уровень субъективного контроля» (вариант Б) мы включили 3 новых блока утверждений: добровольное «согласие» на исследование, «констатация» явных деталей тестирования и выбор между «ошибкой или умыслом» в «неправильной» сделке. Испытуемый в соответствующей ячейке тестового утверждения писал либо «согласен», либо «не согласен». Гипотеза «ошибка» могла быть принята только в том случае, если равнозначные по смыслу кластеры «ошибка – согласен» и «умысел – не согласен» будут соответствовать критериям «акцентированный смысловой кластер» (АСК).

В профиле смысло-эмоциональной значимости (СЭЗ) выявилось, что критерию «сформировано и достоверно» отвечают только 2 темы: «согласие» на исследование и «констатация» реальных деталей процесса тестирования – т.е. «жертвенные» утверждения. Темы «ошибка» и «умысел» однополярны и несформированы (дисперсивны), что соответствует заключению: «проблемная тема, испытуемый по какой-то причине маскирует обычный неуверенный ответ». На графиках кросс-

модальных значений выявлен разный *биосоциальный контекст* в одинаковых по смыслу утверждениях теста: «несогласие» с умыслом испытуемый *рефлексирует*, а «согласие» с ошибкой *декларирует*. Обсудим результаты эгоскопии. Формально, по сумме баллов, испытуемый совершил «ошибку» при совершении финансовой сделки. Но утверждения менеджера об «ошибке» при совершении сделки не подтвердились в профиле СЭЗ, так как равнозначные по смыслу кластеры «ошибка – согласен» и «умысел – не согласен» относятся к «дисперсивным смысловым кластерам» по критерию достоверности. Достаточно символично проявилась биосоциальная *контекстовая* реальность ответов испытуемого: на утверждения об умысле следовала вегетативная реакция сокрытия – рефлексия, а на утверждения об ошибке шла моторная декларация подтверждения. При этом в обоих вариантах был энергичный неуверенный ответ. Заключение: на основании проведённого анализа можно считать, что результаты эгоскопии свидетельствуют преимущественно в пользу сделки по умыслу, чем по ошибке.

Третий случай относится к эгоскопической диагностике значимых отношений испытуемого в обход противодействия тестированию. Испытуемый NMB исследовался по направлению консалтингового агентства. Эгоскопия (тесты: «ТНП», «Бизнес») входит в структуру других психологических исследований, которые осуществляются другими методами и другими специалистами в разных фирмах. На основании результатов всех исследований агентство даёт своё заключение инвестору о надёжности клиента для кредитования его бизнес-проекта. «Тест неоконченных предложений» в структуре этих исследований несёт вспомогательную «маскирующую» роль и не влияет на принятие решения инвестором, но испытуемые об этом не знают. Проективный тест ТНП позволяет выявить значимые константы межличностных отношений испытуемого, о которых ему сообщается при обсуждении результатов тестирования. Испытуемый по неизвестным для нас причинам применил стратегию «ментального противодействия», сквозь которую «прорвался» биосоциальный контекст одной значимой темы.

Профиль СЭЗ по интегральному показателю XYZ выглядит стандартно, 10 из 15 (67%) моделей ответов сформировано, что соответствует норме для этого теста. Явно выделяется своей величиной (больше в 2 раза) кластер «Отношение к вышестоящим...». В центре биосоциальной трилеммы кластер «Страхи и опасения». Профиль СЭЗ по когнитивному показателю X выглядит необычно, что бывает при ментальном противодействии с помощью какой-либо трансовой методики. Явно избыточная величина (больше в 11 раз) в кластере «Отношение к вышестоящим...», на что испытуемый ответил: «У меня нет начальников, я сам работаю». По сути, это такая декларируемая проблема испытуемого, о которой «можно заявить вслух». Профиль СЭЗ по эмотивно-вегетативному показателю Y выглядит обычно для такого противодействия и соответствует метафоре «хаос в теле». Явно сформирован в эмоциональном измерении только один кластер «Отношение к друзьям и знакомым». Профиль СЭЗ по эмотивно-декларативному показателю Z выглядит обычно. В центре проблемной биосоциальной трилеммы кластер «Страхи и опасения», имеющий наименьшее значение и относительно максимальную дисперсию – это то, о чём испытуемый «не хочет говорить вслух» и, что вполне возможно, является источником противодействия.

В 3D пространстве сформированный модуль «Отношение к отцу»: «Я хотел бы, чтобы мой отец ...ценил и гордился мной» выделяется среди всех 60 ответов максимально выраженной вегетативной реакцией. Но... испытуемый отказался пояснить возможную причину такого эмотивного всплеска, уклонился от диалога на эту тему. Кроссмодальный анализ биосоциального затекста выявил выраженную ПЛС себе, выраженный ЭДД за счёт вегетативного преобладания, рефлексия отношения к теме.

По сути, это недекларируемая проблема испытуемого, о которой следует умолчать, но «можно прочувствовать внутри себя». Это кроссмодальный полюс «отношения к старшим» в биосоциальном кластере «старшие» в Профиле СЭЗ по каналу «X».

Обсуждение результатов анализа теста «ТНП». По неизвестным причинам испытуемый противодействовал тестированию с использованием какой-то «ментальной стратегии». Это противодействие чётко выявилось в профиле СЭЗ, в таблицах и графиках КМЗ однотипной формой кривых для совершенно разных по смыслу тем. Противодействие может быть эффективно структурировано по какому-то одному, максимум двум каналам, что вызывает соответствующие реакции в неконтролируемых каналах. При таком противодействии значимая тема всё равно заявляет о себе по известному принципу «нос вылез, хвост увяз». В данном случае такая значимая тема связана с отношением к старшинству отца и к старшим вообще: испытуемый гордится тем, что у него нет начальника, и втайне желает, чтобы отец гордился им. Отказ испытуемого обсуждать этическую тему старшинства и гордости подтверждает вывод аналитика. Это также подтверждает и появление на вершине биосоциальной трилеммы отношений кластера «Страхи и опасения».

Автор обоснованно считает, что эгоскопия позво-

ляет достоверно:

• оценить биосоциальные модели испытуемого по разным темам,

• выявить степень маскирования результатов тестирования,

• провести эго-анализ и выявить значимые константы испытуемого в обход его преднамеренного противодействия,

• прочитать биосоциальный контекст (затекст) и определить содержательную искренность ответов.

При пилотном исследовании группы (30 человек) взрослых людей с помощью авторского теста «Дедовщина» выяснилось, что испытуемые предъявили 90% виртуальных (несформированных) моделей своего отношения к жизни по закону и по понятиям, к формальной и неформальной иерархии в обществе и в семье, к армии с дедовщиной и без неё. Фактически у них нет сформированных отношений к темам, важных для демократического общества. Это синдром виртуальной зависимости личности и социума от «закона жизненных обстоятельств». Общенародная философия отката, формализованная в поговорке «не подмажешь, не поедешь», закономерно порождает социальную и телесную тревогу, изменяет телесность личности и этноса в направлении ускоренного старения, хронизации болезней и увеличенной смертности. Преждевременно утверждать, что выявленный феномен виртуальной зависимости широко распространён, необходимо провести серию исследований в разных социальных группах. Но наш эмпирический опыт свидетельствует, что, скорее всего, так оно и есть.

Что делать? Примеры девиртуализации коррупционного сознания общества известны из опыта разных стран, например, Италии, Гонконга, Сингапура (См. Дмитрий Фалалеев. Они побороли коррупцию \http://www.hbr-russia.ru/issue/31/177/). Вначале, по авторскому мнению, необходимо донести до российского народа правду о его серьёзной виртуальной зависимости от протокола умасливания, о своеобразнойбиоэтической циничности российского общества, а затем сообща и по совести определиться с курсом лечения и набором исцеляющих мероприятий, в том числе и в армии без дедовщины, но с управляемыми статусными переходами. В этом случае категории свободы и ответственности личности лишатся рыночного ореола и приобретут гуманистический статус достоинства человека. С переходом армии на одногодичный срок службы существует высокая вероятность того, что устранение гарантированных статусных переходов личности солдат по срокам службы приведёт к другим, более изощрённым из-за своей непредсказуемости формам дедовщины. Нужна серьёзная нравственная прививка «антиотката» обществу и армии с профилактической целью.

Литература

1. Юрьев Г.П. Трилеммматические миры // Философские науки. 2007. № 8.
2. Материалы по феромонному поведению муравьёв цит. по: http://www.beekeeping.orc.ru/Archiv/a2000/n500_24.htm.
3. http://www.portalus.ru/modules/computers/special/compdocs/cd15/off–line/pr/15/article_2.php.htm.
4. http://www.znanie-sila.ru/online/issue_874.html; http://eup.ru/Documents/2002–08–05/F166.asp.
5. http://www.ito.su/2002/II/4/II–4–275.html.
6. United States Patent Application, 20070162405, Parunak; H. Van Dyke; et al. July 12, 2007. Characterizing and predicting agents via multi-agent evolution.
7. http://www.medlinks.ru/article.php?sid=9749.
8. http://philosophy.allru.net/perv117. html.

Материал поступил в редакцию 04. 09. 2008 г.

УДК 519.7

© Савин Л.В.
Savin L.V.

ПРЕЦЕДЕНТ КАК СРЕДСТВО ПРОПАГАНДЫ

PRECEDENT AS A TOOL OF PROPAGATION

Аннотация. *Показано, что в украинском истеблишменте (по крайней мере среди проамерикански настроенных политиков) в последнее время любые действия Москвы рассматривают как угрожающие национальным интересам Украины. Строительство трубопроводов в Европу, усиление конфронтации с Белым домом, защита осетин от геноцида со стороны Грузии в оптике киевского официоза предстают как последовательные шаги к завоеванию Украины экономическим, политическим, культурным и, если надо, силовым путем. Произвести критическую деконструкцию действий и логики Кремля украинские политологи не способны и слепо следуют в фарватере своих патронов из Европейского Союза и США, а также коллег по несчастью. Мы попробуем сделать это за них.*

Annonfnion. *It is demonstrated that recently any actions of Moscow are considered in the Ukrainian establishment (at least, among proamerican politicians) as menacing to national interests of Ukraine. In optics of the Kiev semi-officials organ construction of the pipelines to Europe, amplification of confrontation with the White House, protection of Osetians from Georgian genocide appear as serial steps to capture of Ukraine through economic, political, cultural and, if it is necessary, force ways. The Ukraine political scientists are unable to make a critical deconstruction of the Kremlin actions and logic, and they blindly follow in a waterway of their patrons from European Union and the USA, and also their colleagues in misfortune. We shall try to make it for them.*

Ключевые слова. *Прецедент, средство, пропаганда, культурная экспансия, русская агентура, украинский парламент, приоритет, государственная политика.*

Key words. *. Precedent, tool, propagation, cultural expansion, Russian agency, the Ukraine parliament, a priority, state policy.*

Культурная экспансия

На протяжении как минимум последних двести лет украинские националисты трубили о русско-имперской культурной экспансии, которая осуществлялась в основном через запрет украинского языка и распространение русского. Здесь виден недалекий популизм, на который может клюнуть лишь неграмотный обыватель. Современные бандеровцы умалчивают, а порой просто и не ведают о малороссийской экспансии, которая осуществлялась на протяжении довольно длительного имперского периода России, когда в высшем свете было сильное влияние выходцев из прокатолической Киево-могилянской академии, когда большинство епископских кафедр в Российской империи занимали малоросы, когда, наконец, в Санкт-Петербурге была мода на полтавские кожушки и веселый днепровский говор. Даже после Октябрьской революции советизация правобережья не обошлась без украинизации (другое название – коренизация), когда в сфере культуры, образования и административного управления с русского языка переходили на украинский. Под угрозой увольнения украинский должны были выучить работники и служащие всех предприятий и учреждений. Причем, это касалось всех регионов Украины по административно-территориальному устройству, в том числе приграничных с РСФСР, таких, как Луганская и Донецкая, где подавляющее большинство жителей говорило на русском. Украинизация продолжалась и после Второй мировой войны и во времена перестройки. Например, в октябре 1989 г. Верховный Совет УССР принял закон «Про мови в Українській РСР», где украинский был объявлен единственным официальным государственным языком. Остальным лишь гарантировалась конституционная защита. Уже после обретения независимости радикальные незалежники продолжали настаивать на своей версии культурной экспансии Москвы, сокрушаясь о том, почему же большинство граждан Украины говорит и читает по–русски, ходит на концерты русских исполнителей и т.п. По сути, в этом проявлялась определенная шизархия, когда народ и интеллигенция, проживающая в одном со-

Савин Леонид Владимирович – ведущий эксперт Центра геополитических экспертиз, тел.+7(495)543-36-76.

Savin Leonid Vladimirovich – the leading expert of the centre of geopolitical examinations, tel. +7(495)543-36-76.

циальном пространстве, оказались в разных культурных средах. Позднее этот феномен выльется в электорально-политический раскол. Даже на уровне Realpolitik, если абстрагироваться от борьбы между (и внутри) субъектов ветвей власти, связанных финансово-олигархическими интересами, заметен явный антагонизм в понимании внутренних и международных процессов (например, министр иностранных дел Украины Владимир Огрызко, заявляя о взаимоотношениях с Россией, сказал, что мы «за хорошие отношения с Российской Федерацией, но на базе равенства и уважения», а известный украинский политолог Михаил Погребинский в недавнем интервью отметил, что «не бывает равноправных отношений между маленьким и большим»).

Однако неутомимые бандеровцы настойчиво продолжают придерживаться своей версии, уже обвиняя пророссийские общественные организации и русские культурные центры на территории Украины в продолжении агрессивной имперской политики. Здесь стоит коснуться программы РФ относительно соотечественников.

Соотечественники – это лица, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации, но связанные с Россией историческими, этническими, культурными, языковыми и духовными узами, стремящиеся сохранить свою российскую самобытность и испытывающие потребность в поддержании контактов и сотрудничестве с Россией. Признание принадлежности к соотечественникам основывается на самоидентификации заинтересованных лиц и является актом их свободного волеизъявления. Приоритетом государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом является оказание всестороннего содействия полноценной реализации и адекватному обеспечению их прав и свобод, а также других законных интересов на основе соблюдения норм международного права, сохранение и развитие всесторонних связей Российской Федерации с соотечественниками, а также их организациями. Возможно, эта формулировка об «оказании всестороннего содействия» и зацепила за живое украинских националистов, хотя поправки к Закону о гражданстве РФ, принятые недавно (обязательное знание русского языка уже не нужно), являются сильнейшим контраргументом для сторонников культурно-языковой экспансии Москвы.

Девушка Оля и русские танки в Крыму

После атаки Грузии на Цхинвал и ответных мерах России официальная Украина в резонанс с правыми националистами выдвинула новую версию угрозы, исходящей от Кремля. Первым ее озвучил министр реинтеграции Грузии Темур Якобашвили в интервью украинскому информагенству УНИАН в середине августа. По его версии, Украину, в частности Крым, ожидает военная агрессия со стороны России, так как российская армия отправилась в Южную Осетию защищать своих граждан, которые получили паспорта совсем недавно. О фактах выдачи российских паспортов в Крыму он рассказать не смог, однако нашлись другие «свидетели».

Вице-адмирал украинского флота Владимир Бескоровайный 20 августа 2008 г. в Киеве во время круглого стола “Конфликт на Кавказе: нужна ли Украине новая стратегия безопасности?” сказал, что «в Севастополе, в военно-морской библиотеке, есть девушка Оля, к которой можно подойти и получить паспорт гражданина России». Эту версию подхватили официальные украинские СМИ и западно-европейская пресса, усугубляя возможности военного конфликта. Американская корпорация RAND даже провела моделирование военного конфликта России с Украиной. Похоже Крым был выбран не только из-за паспортной версии, а из-за своего статуса автономной республики, подавляющего большинства русскоязычного населения и базирования Черноморскго флота РФ. По мнению американских экспертов, Украина очень быстро проиграет, а Европа согласится на раздел Украины. Первым выступит с таким предложением Германия и эту позицию поддержит большинство стран ЕС и НАТО. На сторону Украины, скорее всего, станут США, Великобритания и новые члены ЕС из команды бывшего соцблока.

С августа 2007 г. до настоящего момента в спешном порядке украинская армия проводит учения, часть из которых была завуалирована под гуманитарные (например, широкомасштабные тактико-специальные медицинские учения на тему: "Планирование, организация работы и управления военно-медицинскими учреждениями во время ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера", проведенные 2-5 сентября 2008 г. Департаментом охраны здоровья Минобороны Украины), а законодательные и исполнительные органы ломают голову над паспортной проблемой. Интересно, что в Украине запрещено иметь двойное гражданство, но за подобные нарушения не предусмотрены уголовные наказания. А 11 сентября 2008 г. в Верховной Раде Украины был зарегистрирован законопроект, предусматривающий лишение свободы сроком до пяти лет за обладание двумя паспортами. И первыми на подобные инициативы откликнулся... Израиль. Депутат Кнессета Зеев Элькин заявил, что Израиль сильно обеспокоен решением Украины ввести уголовную ответственность

за двойное гражданство, так как около 50 тысяч человек имеет двойное израильско-украинское гражданство. Конечно, закон не имеет обратной силы, но как же быть с подрастающим поколением, которое захочет пойти по стопам своих родителей, да и вообще с мировой практикой двойного гражданства?

Русская агентура в украинском парламенте

Обвинения в адрес премьер-министра Юлии Тимошенко о ее связях с Кремлем были высказаны не радикальными националистами, а президентом Украины Виктором Ющенко, обвинившем ее в государственной измене. Обоснования? Серьезных нет, лишь намеки на странную позицию относительно осетинского конфликта, мол, не поддержала она дружественную Украине Грузию. Риторико-пропагандистская машина Секретариата президента вместе с карательным аппаратом планировала усугубить ситуацию, но вспомним о шизархии. Теперь уже президента обвинили в попытке узурпации власти. Председатель Комиссии по помилованию при президенте Украины, националист и правозащитник Левко Лукьяненко подал в отставку, обвинив Ющенко в том, что он «ведет себя как бандит», а антиющенковские парламентарии от БЮТ и Партии регионов зарегистрировали в Раде необычный пропрезидентский документ, где «узурпация государственной власти путем досрочного прекращения полномочий Верховной Рады способом, противоречащим Конституции, карается лишением свободы на срок от 7 до 12 лет». Вот так практически сразу после распада коалиции на Украине весело начался новый политический сезон. А пока украинские спецслужбы будут гоняться за привидениями, хотелось бы привести статистические данные. В результате опросов украинских граждан жители юго-восточной части поддержали действия России в Грузии в противовес обитателям западных регионов. Что касается взаимоотношений с Россией, то согласно проведенным исследованиям Киевского международного института социологии 58,5 % украинцев считают, что Украина и Россия должны быть дружественными странами с открытыми границами, 24,6% выступают за объединение и лишь 12,9 % за закрытые границы и визовый режим. А по данным ВЦИОМ от 18 июля 2008 г., 78% граждан России выступает за то, чтобы поддерживать соотечественников за рубежом. Это эмпирика, притом народная. Значит и действия властей не могут не учитывать фактор народного волеизъявления, будь-то российские граждане, видящие в украинцах братский народ, подкарпатские русины, утверждающие, что против них ведется геноцид, или крымские татары, обратившиеся с просьбой об их защите к России. А химеры, лелеемые украинскими националистами вместе с президентом Украины и раздуваемые западными СМИ, больше напоминают страшные сказки, которые эффективно помогают манипулировать общественным сознанием.

Материал поступил в редакцию 14. 09. 2008 г.

УДК 581.3

© Пронин М.А.
Pronin M.A.

ПРИСЯГА ВОЕННАЯ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ

MILITARY OATH: PHILOSOPHICALLY-ANTHROPOLOGICAL UNDERSTANDIG

Аннотация. *Рассматривается переход (обращение) из статуса «человека гражданского» в «человека военного» на примере принятия военной присяги – основного закона жизни военнослужащего, как человек принимает новое пространство бытия – новый образ жизни и законы, его определяющие.*

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 07-06-12029-офи и проекта РГНФ № 08-03-00590а.

Annonfnion. *Transition (manipulation) from the status of "civil person" to "military person" is considered on an example of acceptance of military oath – the basic law of military man life as the person accepts a new space of life – a new way of life and the laws determining it.*

The paper is prepared within the project of RFFI №07-06-12029-ofi and the project RGNF №08-03-00590a.

Ключевые слова. *Военная присяга, философско-антропологическое понимание, речевое действие, субъектная структура, структуризация, анализ, самоопределение.*

Key words. *The military oath, psychologically-anthropological understanding, speech action, subjective structure, structurization, analysis, self-determination.*

Армия – душа государства.
Петр I

Введение

Несомненно, как постановка задачи, при всей своей конкретности – принятие военной присяги, – так и найденный адекватный методологический аппарат и возможные полученные ответы могут иметь самый широкий и самый многообразный выход: и в теоретическом, и в методологическом, и в практическом аспектах. Дело в том, что такая постановка относится к той части философского, теоретического и практического пространства, которое связано с комплексными междисциплинарными проблемами изучения человека.

Воспитание воина, защитника Родины – задача, отнюдь, не простая. Решение всего комплекса междисциплинарных связанных с такой задачей вопросов невозможно без философско-антропологического понимания и истолкования процессов трансформации самоидентичности человека при его переходе (обращении) из статуса «человека гражданского» в «человека военного».

Рассмотрим такой переход на примере принятия военной присяги – основного закона жизни военнослужащего. На примере того, как человек принимает новое пространство бытия – нового образа жизни и закона, ее определяющего.

Итак, с одной стороны мы попытаемся получить ответы на конкретные вопросы, связанные с принятием военной присяги: как человек принимает присягу, как он становится другим человеком, попадая в новую для него реальность. С другой – получить ответы на более общие вопросы о том, как человек принимает пространство новых для него законов. Как он «примеривает» новый образ жизни – новый способ бытийствования, проживает переход из одного пространства – гражданского в другое – военное, в пространство новой юрисдикции и новой ответственности?

Полученные результаты рассмотрения принятия присяги как точки выбора, траектории перехода и личной трансформации на линии жизни человека могут иметь, как уже отмечалось выше, самое широкое значение. Особенно применительно к целям становления, развития и организации гуманитарной экспертизы как общей, так и ее частых приложений: в сфере юриспруденции и ор-

Пронин Михаил Анатольевич– кандидат медицинских наук, руководитель исследовательской группы «Виртуалистика» Института философии РАН, тел. +7(495)543-36-76.
Pronin Michel Anatolyevich– the candidate of medical sciences, the head of research group "Virtualistika" of the Institute of Philosophy of RAS, tel.+7(495)543-36-76.

ганизации правопорядка, военного строительства и регламентации жизни военнослужащих. В практическом плане немаловажным считаю демонстрацию возможностей гуманитарной экспертизы в данной, достаточно специфичной сфере человеческой деятельности. Еще раз подчеркну, что речь пойдет о ее становлении.

И еще надо иметь в виду, что статья носит постановочный характер, не претендуя на всю полноту вопросов, и тем более на всю глубину ответов. Но, несомненно, статья создает прецедент и задает методологическую модель вскрытия механизмов развертывания (отражения и порождения) во внутреннем пространстве человека опасной профессии, «человека военного» специфического способа его укоренения в новой для него действительности или, иными словами, в опасном жизненном пространстве.

И, в конце концов, статья формирует новый ракурс – общее пространство для обсуждения философских и теоретических проблем осмысления всего комплекса вопросов, связанных с человеческим фактором в современной войне. Несомненно, то, что разработка философии современной войны невозможна без учета рассмотренной в данной статье «я-трансформации» виртуальных[1] структур самоидентичности военнослужащего – «человека военного», человека опасной профессии.

Присяга как материал исследования и категориальная сетка его анализа

Присяга военная – основной закон жизни военнослужащего. Если воспользоваться давним тезисом В. фон Гумбольта – это «способ укоренения человека в действительности» [1]. Рассмотрим, как происходит онтологический переход из пространства гражданской жизни в жизнь военную, из одного пространства и способа бытийствования в другое.

В качестве объекта для анализа и одновременно для сравнения взяты военные присяги СССР и современной России. Приведем их тексты.

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы, приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения победы над врагами. Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся» [2].

«Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своей Родине – Российской Федерации.

Клянусь свято соблюдать ее Конституцию и законы, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников.

Клянусь достойно выполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество» [3].

На первый взгляд существенных отличий между прежней и новой присягами нет, за исключением всем заметного принципиального отсутствия советской системы координат. Но давайте рассмотрим интересующий нас момент отличий пристальнее.

В качестве категориальной сетки анализа и сравнения возьмем схему, предложенную В.С. Степиным [4] для различения типов научной рациональности: объект, инструмент (средство описания объекта) и субъект познания. Речь, таким образом, идет о философско-методологических основаниях планируемого анализа.

Классическая наука связана с объектноориентированным подходом к познанию мира, на следующем, неклассическом этапе, в схему рациональности включили средства (инструменты) познания, и, наконец, на третьем, постнеклассическом этапе, в схеме рациональности появляется и субъект исследования – ученый, исследователь.

Например, структура неклассического научного исследования общеизвестна – материалы и методы исследования, так описывается методическая часть любой диссертационной работы.

В качестве подсистем субъекта в постнеклассической схеме В.С. Степиным выделены цели и ценности субъекта науки: социальные и частные, общенаучные. В нашем случае при рассмотрении «человека военного» частными выступают «внутривоенные» цели и ценности

[1] В дополнение к настоящей работе смотри понимание виртуальности в работах исследовательской группы «Виртуалистика» (ИГВ) Института философии РАН (ИФ РАН): www.virtualistika.ru.

субъекта военной геополитики.

Одновременно В.С. Степин указывает на традиционную проблему различения, разделения экстернализма – интернализма при рассмотрении как средств научной рациональности (инструментария), так и компонентов субъекта в частности, заключающуюся в известной «вольности» или сложности «правильного», т.е. однозначного отнесения некоторых конструктов к инструментарию или субъекту в предлагаемой им схеме. Когда начнем разбирать субъектную структуру присяги, обозначенная методологическая проблема станет более проявленной.

При такой постановке целей анализа текст присяги будет рассмотрен как перформатив – речевое действие.

С одной стороны, в попытке взглянуть на присягу как на перформатив нет ничего нового [5]. С другой – в отличие от коллег мы попытаемся раскрыть антропологический (в упрощенном виде – психологический) механизм действия присяги и оценить ее силу. Такая формулировка задачи анализа нетрадиционна и нова в своей постановке. Краткое обоснование возможности такого рассмотрения присяги было сделано М.А. Прониным ранее, как и объяснение возможных причин отсутствия подобных попыток и постановок в лингвистике [6].

Философско-лингвистический аспект реализованного подхода состоит в следующем. Оставляя в стороне тонкости философско-методологического подхода теории речевых актов Дж. Остина [7], будем иметь в виду в качестве гипотезы анализа возможность раскрыть механизм перлокутивной силы присяги и в качестве его целей – попытку провести оценку ее силы.

Если коротко, то перлокуция – результат речевого акта, иллокуция – его цель, а локуция – сам речевой акт – речение, говорение. Примеры речевых действий (высказываний, которые сами и являются действием) – «нарекаю тебя Петром», «часы свои завещаю племяннику».

Таким образом, в нашем случае присяга рассматривается как речевое действие, направленное человеком на самого себя. Действие (акт) предполагает определенные цели, достигаемые в результате выполнения некого алгоритма (последовательности действий) собственной самотрансформации и результата такого действия (акта) – «я-трансформации» говорящего (принимающего клятву) человека. Следовательно, одновременно мы будем рассматривать и события (акты) во внутреннем пространстве человека при принятии присяги.

Таким образом, ниже представлены результаты структуризации текстов военной присяги СССР и присяги независимой России в рамках постнеклассической рациональности и их последующего анализа – оценки их перлокутивной силы (прежде всего – теоретически возможной, так как, естественно, что любую присягу можно принять формально – просто прочитать).

Итак, рассмотрим последовательно структуру текстов каждой из присяг, а затем уже проведем сравнение, получим некоторые выводы и определимся с перспективами.

Результаты анализа военной присяги СССР

Структура присяги СССР (табл. 1) демонстрирует определенную сбалансированность обязательств субъекта, детерминированных внешними обстоятельствами (экстерналиных ему) и «интернизированных» им.

«Интернизация» в нашем понимании означает, что обязательства переведены во внутренний императив жизни субъекта. Прожиты (пережиты, прочувствованы, поняты) и приняты человеком. Обратите внимание на то, как это делается, как это происходит, на что направлено действие текста военной присяги (содержание иллокутивного акта) и на достижение какого результата (содержание перлокутивного акта).

Процесс интернизации, принятия начинается с первых же слов присяги через самоопределения себя (имярек) как гражданина Союза Советских Социалистических Республик, который принимает присягу, в узком смысле – юридические обязательства, возникающие не просто так, а в результате вступления в ряды Вооруженных сил, т.е. в связи со сменой системы жизненных координат. Идет очень точное позиционирование человека в пространстве внутреннем и внешнем. Человек отдает себе полный отчет в том, кто он и где он, и в том – кем он должен стать.

Подчеркнем слово «ряды» – то место, конкретное, которое военнослужащий чувствует, ощущает своим собственным телом: Вооруженные силы в таком залоге – вещь не абстрактная, а сугубо конкретная, предметная, наблюдаемая онтология. Не зря в советское время ее определяли как «боевая семья». (Опять же, следует различать тело и телесность) [8].

Идем дальше, имярек торжественно клянется «быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином...» – собственно в этом самоопределении себя и состоит клятва, а не в обязательствах по договору. Обязательство «...хранить военную и государственную тайну...» сопровождается несколько странным для сухих договоров словом «строго», как и не менее «интернизированным» обязательством «...беспрекословно (здесь и далее выделено мной – М.П.) выполнять все воинские уставы,

Таблица 1

Постнеклассическая субъектная структура военной присяги СССР

Подход к рассмотрению структуры присяги	Структура субъекта военной геополитики			
	«внутривоенные»		социальные (внешние)	
	цели	ценности	цели	ценности
Экстернализм	<торжественно клянусь...> строго хранить военную... тайну	Я клянусь Добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное... имущество	торжественно клянусь строго хранить государственную тайну	<я клянусь... всемерно беречь...> народное имущество если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся
Интернализм	<торжественно клянусь...> беспрекословно выполнять все воинские уставы, приказы командиров и начальников	...торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином... как воин Вооруженных сил, я клянусь защищать ее <Родину> мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни...	Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик... ...для достижения победы над врагами...	Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь... клянусь... до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству

приказы командиров и начальников...». Прямо-таки монашеский обед послушания получается.

Таким образом, первый абзац присяги СССР фиксирует смену статуса субъекта-гражданина и решает задачу формирования онтологического (бытийного) пространства (мира) субъекта-военного.

Второй абзац присяги СССР, заметим, также начинается со слов «Я клянусь...» и направлен на формирование системы личных ценностей военнослужащего (через констатацию таковых) – «...добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству».

Хотя речь идет о внешних ценностях – социальных и «внутривоенных», что и отражено в таблице, но словами «добросовестно» и «всемерно» производится интернизация обязательств. Последнее обстоятельство и позволяет рассматривать второй абзац присяги СССР как систему ценностных (аксиологических) оснований, затрагивающую самые глубокие, витальные структуры субъекта-военного – обратите внимание на слова «до последнего дыхания». Такая предельность обязательств не кажется странной или чрезмерной, так как преданность касается самого субъекта, ибо присягает он «своему» Народу, «своей» Родине!.. Чувство меры, именно чувство, а не рациональная целесообразность авторов присяги не подвело – слова «своего» перед Советским Правительством они не поставили.

Неудивительно – заключительный абзац присяги СССР также начинается с «Я», что «автоматически» интернизирует весь текст присяги и, действительно, затрудняет отнесение того или иного ее компонента к «чистому» экстернализму или интернализму. (Выше об этой методологической проблеме, обозначенной Степиным В.С., мы уже говорили).

Подчеркну особо, ни разу точка координат – место самоопределения человека – не была утеряна, т.е. на каждом шаге процедуры, если говорить операционально-алгоритмически, все «выходы» предыдущего шага были, принимались как «входы» последующего.

Вернемся к последнему абзацу. Содержание его наполовину посвящено должному[1] поведению субъекта-

[1] Не удержусь от комментария. Здесь есть некая тонкость. «Должное» при интернизации – при принятии – становится «подобающим». Попытайтесь почувствовать разницу.

[2] Вот что написано в Большой советской энциклопедии, в статье «Присяга военная». П.в. - торжественное обещание (клятва), даваемое каждым гражданином при вступлении в ряды вооружённых сил. Существует в вооруженных силах большинства государств с глубокой древности. ...В СССР П. в., даваемая каждым советским гражданином при вступлении в ряды Вооруженных Сил, выражает его *готовность* (здесь и далее выделено мной – М.П.) выполнять *священную* обязанность по защите Отечества в соответствии с требованиями Конституции СССР (статьи 132 и 133). Принятая в установленном порядке П. в. *становится для военнослужащего законом* на весь срок его военной службы. ... (Цит. по: // http://slovari.yandex.ru).

военного – «*всегда готов* по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения победы над врагами». Вторая половина данного абзаца констатирует последствия от несоблюдения присяги – характеризует законодательные и моральные императивы оценки неподобающего поведения: «...если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся». (Припомним недавнюю историю нового времени – слова одного из ныне опальных олигархов о том, что для него важно мнение лишь близких ему людей, а народ «все схавает».)

Кроме того, можно заметить, что заключительный абзац присяги СССР содержит две доминанты, а именно: внешнюю – кто отдает приказ, с какой целью действует военнослужащий (ради победы над врагами), «кару советского закона», – и внутреннюю – клятвенное самоопределение – принятие подобающего образа жизни, обеспечивающего выполнение обязательств – готовность даже к смерти. И, наконец, обратите внимание, если первый абзац начинается со слов «Я – гражданин», то заканчивается присяга – ее третий абзац, – уже словами «Я... как воин Вооруженных сил»... Не прошло и минуты, затраченной на произнесение данного текста, как имярек из гражданина стал военнослужащим– человеком-военным, другим человеком.[2]

Ну, что ж, наш первый промежуточный итог состоит в констатации высокой перлокутивной силы военной присяги СССР – с точки зрения «я-трансформации» человека, ее принимающего. Речь идет, прежде всего, о теоретической, потенциальной силе присяги (об очевидной формальности простого прочтения такого текста говорилось выше). Перейдем к рассмотрению результатов подобного же анализа присяги независимой России.

Результаты анализа военной присяги современной России

В некоторых компаниях российских, современных – это так, замечание к месту – сотрудник расписывается за документ или приказ дважды – в двух графах: «читал» и «понял».

Попытаемся и мы понять, что написано в новой присяге и что происходит с человеком, когда он ее принимает, а чего не происходит (и не должно произойти из-за «конструктивных» особенностей текста): что не менее важно, как это будет явлено в результате проведенного анализа (табл. 2).

Начинается присяга независимой России также «интернизировано» – «Я, имярек, торжественно присягаю на верность своей Родине – Российской Федерации».

Во-первых, имярек присягает от самого себя лично – кто он по своему гражданскому (можно добавить и по правовому) статусу, самоопределению неясно. В принципе это может быть любой иностранец.

Более того, звучит предлагаемое самоопределение по меньшей мере странно, что называется: «Здравствуй, мама, узнаешь своего сына?». Почему? Из первого предложения, а всего военная присяга России состоит из трех предложений (советская из трех абзацев), логически вытекает, как следствие, что в Российской Федерации есть люди, которые не присягали ей на верность как Родине (раз они не служили в армии), т.е. они люди без Родины... Вернее, с Родиной, но они ей, Родине, ничего не обязаны... Выходит также, что таких людей в стране большинство. Старшее поколение так, кстати, сегодня и говорит: «Как не в своей стране живем...».

Таблица 2

Постнеклассическая субъектная структура военной присяги независимой России

Подход к рассмотрению структуры присяги	Структура субъекта военной геополитики			
	Внутривоенные		Социальные (внешние)	
	цели	ценности	цели	ценности
Экстернализм	Клянусь… строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников	Клянусь достойно выполнять воинский долг	Клянусь свято соблюдать ее <своей Родины – Российской федерации> Конституцию и законы	Клянусь… мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество
Интернализм				Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своей Родине – Российской Федерации

Итак, получается, что на верность России присягает человек внешний по отношению к ней, более того, с чем связано данное его деяние – прозрение, «узрение» Родины – неясно.

Во-вторых, можно торжественно *клясться* (интернализм), как в случае присяги СССР, а можно торжественно *присягать* [1]– торжественно подписывать договор,– это уже явный «экстернализм».

Далее, во втором предложении, в том же духе экстернализма, вполне закономерно следует текст «*клянусь свято*(!) (курсив и восклицательный знак) соблюдать ее Конституцию и законы», что свидетельствует о появлении сакральной реальности – конституции и законов, – священных скрижалей (не хочется писать – «священного дышла», на фоне периодически возникающих дискуссий о необходимости подправить Конституцию), что для светского государства и любого здравомыслящего человека весьма странно: богу – богово, а кесарю – кесарево, как известно. Однако, если признать возможность священности конституции и законов, то, будучи божественной, эта реальность внеположная человеку, неподвластная ему, т.е. «экстернальная». Более того, Бог попускает человека быть свободным от него... И приход человека к вере – это его свободный выбор, а не священная обязанность. Это общеизвестный краеугольный камень христианского догмата веры.

Если же последовать святоотеческой традиции диалектического понимания проявлений высшей онтологии в человеке, принимающей наличие Бога внутри нас, то онтологические основания Конституции распространяются на физиологические процессы в организме человека в силу природы пантеизма. Академику И.П. Павлову – старейшине физиологов мира, лауреату Нобелевской премии в области физиологии, человеку, как известно, верующему, – такое бы понимание законов физиологии и в страшном сне не приснилось. Но примем данное немаловажное следствие к сведению.

Интересен в контексте «святости Конституции и законов» анализ слова «соблюдение», но это, читатель, вы можете проделать сами, понимая диалектику жизни в соблюдении заповедей.

Тем не менее – написано пером. С появлением сакральной реальности конституционного типа открываются такие аксиологические (ценностные) дивергенции, как святые и первогрешники российской Конституции и ее законов... со всеми вытекающими последствиями.

Если кому-то в моем тексте чудятся нотки издевки, напрасно. Присяга и клятва – не тот жанр, в котором допустимы метафоры.

Как вам, например, такой приказ?

– Приказываю выступить на защиту Конституции (конституционного строя) Российской Федерации!

Где должен стоять военнослужащий? О чем он должен думать? Что должен делать? Не смешно.

Первое предложение присяги независимой России, как и первый абзац присяги СССР, закладывает онтологию (бытийность) жизненного пространства военнослужащего, второе предложение (второй абзац соответственно) – ценностные (аксиологические) основания. Так, как тогда понимать «свято»? Это метафора или онтология с аксиологией (бытие и система ценностей)? Если это метафора, то ситуация возникает довольно глупая. Если к словам отнестись серьезно, то ничего кроме глумления над жизнью солдата за ними не стоит.

Далее. Второе предложение присяги заканчивается обязательством «строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников». Данные требования не могут быть внутренними, потому как имярек в реальность военной службы как в новый образ жизни не перешел: «Я» остался самим собой в новых предлагаемых обстоятельствах (формула Станиславского), и этот «Я» просто играет роль, исполняет функционал, как говорят управленцы. Можете вспомнить комментарий к военной присяге СССР, где я выделил слово «готовность». Мы по жизни знаем: «обещать, не значит жениться». Об этом аспекте будем говорить ниже.

Третье заключительное предложение присяги независимой России констатирует обязательство «достойно выполнять воинский долг» («экстернализм», согласно словам достойно и долг), «мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России...» – защищать вещи также внешние. И наконец, «...мужественно защищать... народ и Отечество» – также следуют без слова свой, но это мы уже сравниваем со словами присяги СССР, забегая вперед.

Возможно, по мнению авторов присяги, Отечество в определении «свое» не нуждается. Но с появлением слова «Отечество» возникает еще один казус: дихотомия «Родина – Отечество». Это одно и тоже или «две большие разницы», как говорят в Одессе? Если Родина связана с конституционным строем (сакральной реальностью – как мы теперь понимаем), то где субъект клялся на верность Отечеству?

[1] Военная присяга - в РФ - торжественное обещание гражданина при вступлении его в ряды Вооруженных сил выполнять *обязанность* (выделено мной – М. П.) защиты Отечества (Цит. по: //http://slovari.yandex.ru).

Или Отечество как раз и представляет в свернутом виде ту самую внутреннюю (интернизированную) реальность, которая в присяге независимой России отсутствует.

Следует обратить внимание на слова «клянусь», с которых начинаются второе и третье предложения в Военной присяге России. Слова, согласно вышепроведенному различению «присягать – клясться», явно «интернальные», то есть их можно поместить в нижнюю часть табл. 2, в пустующую часть. Но, поразмыслив, именно и только слово «клянусь». Содержание клятвы должно останется в верхней части таблицы – во внешней...

Итак, подведем второй предварительный итог.

Следует констатировать, что Военная присяга современной России экстернальна по принципам своего построения, что указывает на ее несбалансированность по оси «экстернальность–интернальность».

Хуже то, что присяга не переводит субъекта из состояния гражданского человека – в состояние человека военного. Человек, зачитывая означенные в ней обязательства, их не принимает, так как они текстом присяги не интернизируются – не переводятся в его внутреннее пространство: меняется только внешний уклад жизни, в узком смысле появляется новое правовое поле, которое начинает распространять свое действие на субъекта.

Иными словами, во внутреннем пространстве человека никаких событий, инициирующих его в новом качестве, не происходит! Данный подход распространяется как на систему ценностей, так и на императивы поведения субъекта. Ситуация усугубляется тем, что и онтологические основания жизни человека-военного не сформированы. Более, сути того, кем имярек должен стать и что ему предстоит пережить – имярек не знает: своего целевого состояния (а не поведения!) не осознает и не принимает.

Краткое сравнение двух Присяг– СССР и независимой России

Заметны принципиальные отличия в способе формирования внутренней доминанты мировосприятия у субъекта-военного – у военнослужащего Советских Вооруженных Сил и военнослужащего Российской Федерации. Первый находится в центре мира – как гражданин, становящийся и ставший военнослужащим – субъектом геополитики (в силу того, что он защищает Родину – СССР, являющуюся географическим, политическим и пр. образованием). Субъектом, принявшим (интернизировавшим) свою новую позицию защитника в этом «старом» для него мире Родины.

Второй, россиянин, также встает, но не в центре, а внутри – внутри внешних обстоятельств, предопределяющих достойное выполнение им воинского долга – детерминирующих только его поведение, а не образ жизни!

Справедливости ради можно припомнить, что в советское время тоже говорили об обязанности – «служба в Вооруженных силах – почетная обязанность гражданина СССР». По сравнению с таким пониманием в российском варианте мы имеем контекст почетного исполнения обязательств по договору. Тем не менее общее заключение по результатам сравнительного сопоставления двух воинских присяг следующее.

Мы вынуждены констатировать, что перлокутивная сила Воинской присяги современной России по сравнению с ее советским аналогом ничтожна.

Конечно, принятие присяги – это воинский ритуал, в котором сам текст – лишь один из его элементов [9]. Очевидно, что весь ритуал в целом оказывает психологическое воздействие на военнослужащего. Вот что об этом рассказывает участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза полковник В. Евдокимов: «Более сорока лет прошло с того дня, как я принимал Военную присягу. Но помню ее хорошо. Помню потому, что такой день, когда даешь клятву на верность Родине, вообще бывает раз в жизни. Как положено, принятие Присяги проходило в торжественной обстановке. Вынос Боевого Знамени, маршевая музыка, волнующая речь командира, поздравления однополчан – разве это забудешь! В самые тяжелые минуты на войне воспоминания об этом дне помогали обрести силы» [10] .

Очевидно также, что юридическая сила российской Военной присяги отнюдь не ничтожна, что есть и другие элементы военной системы безопасности. На то она и система. Принципиально другое. «Армия – душа государства», – слова приписывают Петру I. Получается, что душа-то – внутреннее пространство военнослужащего из российской присяги выпала... Вот такую армию мы строим: система есть, а души – нет. Нужна ли нам такая армия? Ведь солдат не может быть человеком поверхностным – он должен знать, кто он, с кем и за что он сражается ? Это не мои слова, это слова одного из лидеров афганского «Талибана».

Оценка эффективности, результативности, экономичности и человечности первого или второго способов выстраивания отношений субъекта геополитики с миром в современных условиях – отдельная научно-практическая проблема.

Вышеприведенная история ветерана подсказывает, что именно во внутреннем пространстве человека, как бы мы его ни называли: духовным, психологическим,

антропологическим, субъектным и прочее – черпаются те силы, что ведут к победе. Как эти силы обретаются?

Походы к ответу на данный вопрос мы попытаемся в рассмотреть в дальнейших исследований в рамках гуманитарной экспертизы – нового комплексного, междисциплинарного научно-практического направления – применительно к оценке безопасности и позитивности тех или иных технологий, в том числе социальных или политических. В качестве материала таких исследований могут быть взяты воинские присяги «наших вероятных противников», рассмотрены сдвиги мировоззренческих детерминант, формирующих «человека военного» в исторической перспективе.

Так, в качестве образца для сопоставительного анализа приведем присягу гитлеровской германии: «Перед лицом всемогущего Господа Бога! Я клянусь! Быть верным и смелым солдатом фюрера немецкого народа Адольфу Гитлеру!» [11] .

Не менее интересна задача оценки перлокутивной силы и локутивной цели(ей) той или иной присяги и вытекающая из такой оценки возможность типологизации (классификации) присяг.

Вот еще один исторический пример, демонстрирующий принципиально отличный тип присяги.

«Семеновский отряд (атамана Григория Михайловича Семенова – одного из лидеров Белого движения в Забайкалье – прим. авт.) пополнялся по тому же принципу, что и Запорожская Сечь. У русских добровольцев никаких документов не спрашивали, задавали всего три вопроса: "В Бога веруешь? Большевиков не признаешь? Драться с ними будешь?" Утвердительные ответы давали право быть зачисленным на денежное и прочее довольствие [12].

Можно увидеть, что «семеновская» присяга представляет собой не процедуру инициации, а диагностическую процедуру «свой – чужой». Но это уже тема следующего шага исследований.

Человек мира и войны

Ценность вышеприведенного материала для понимания и решения пусть частных, но отнюдь не мелких проблем реформирования вооруженных сил страны очевидна. (Конечно же, автор статьи не считает, что если присягу переписать, то все у нас с нашей армией будет хорошо.) Как очевидно и то, что ритуалы посвящения и возрастные инициации – темы устоявшиеся в этнографии, культурологии и антропологии.

Наша же сверхзадача в другом – включить в обсуждения проблем армейской жизни и ее проявлений рассмотрение такого научного объекта как событийно-процессуальный пласт внутреннего пространства человека.

Кстати, такая же задачи стоит и перед философской антропологией: задача расширения нашего понимания сути инициации – сути перехода, лиминального (рубежного) становления человека (задача герменевтического раскрытия события во внутреннем пространстве человека). При такой постановке можно говорить о самом широком – о гуманитарном понимании становления человека.

Как человек становится преступником или как он остается человеком закона? Почему одни выбирают роль жертвы, а другие встают на путь гомицида? Что с ним, с человеком, в этом момент происходит или не происходит? Чем, в конце концов, обеспечивается остойчивость, воспользуемся морским термином, внутреннего «Я» человека в конкретных жизненных обстоятельствах – обстоятельствах выбора жизненного пути между преступлением и законом, предательством и должным поведением? На чем зиждется самостояние человека (это уже А.С. Пушкин)?

Без понимания интимного механизма внутренней трансформации человека мы не только не поймем феномена превращения былинного разбойника Кудияра в святого Питирима, но и не сможем продвинуться в становлении такого направления в современном правосудии как «восстановительное правосудие». Не сможем преодолеть традиционный правовой нигилизм наших граждан, не сможем понять себя в этом мире. Мы много чего не сможем сделать. И уж тем более – не сможем воспитать воина.

Перспективы дальнейшего исследования

В свете последних вопросов и проведенного анализа проявлена необходимость применения схемы субъекта, позволяющей более точно и прицельно вскрыть онтологию его внутреннего пространства. В качестве таковой планируем воспользоваться теоретической моделью внутреннего человека – концептом *виртуального человека* [13] Николая Носова (1952 – 2002 гг.) – основателя и первого руководителя Центра виртуалистики Института человека РАН (www.virtualistika.ru).

Литература

1. Гумбольт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 173.
2. Общевоинские уставы Вооруженных Сил СССР. – М.: Воен. Изд-во МО СССР, 1970. – С. 5.
3. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации.- М.: Воен. изд-во, 1994. – С. 5.

4. Степин В.С. Теоретическое знание.- М.: Прогресс-традиция, 2000. – 744 с.
5. Кормина Ж. Воинская присяга: к истории одного перформатива // Неприкосновенный запас.- 2004, № 1.- С.: http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/korm16.html.
6. Пронин М.А. Лингвистическая виртуалистика // Профессиональные коммуникации: вербальные и когнитивные аспекты. Сборник докладов Международной научно-практической конференции.–М.: РИПО ИГУМО, 2007.– С. 20 – 21.; Pronin M.A. The virtual linguistic // XXII Congress of Philosophy: Rethinking Philosophy Today / July 30 – August 5, Seoul, Korea. – Seoul: Seoul National University, 2008. - P. 339 – 340.
7. Остин Дж. Л. Слово как действие / Пер. с англ. АА. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22 – 130.
8. Чеснов Я.В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание. – М.: ИФ РАН, 2007. – 213 с.
9. Серых В.Д. Воинские ритуалы. – 2-е изд. Перераб. и доп.– М.: Воениздат, 1986.–255 с.
10. Красная звезда.- 1983, 20 ноября.: Цит. по: Серых В.Д. Воинские ритуалы. – 2-е изд. перераб. и доп.- М.: Воениздат, 1986.–С. 22.
11. Дроздов Ю. Вымысел исключен (Записки начальника нелегальной разведки. 2-е изд. испр. и доп.). – М.: Альманах «Вымпел», ноябрь 1996. –С. 148.
12. Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга).– М.: Эллис Лак, 1993.–С. 41.
13. Носов Н.А. Виртуальная психология. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.

Материал поступил в редакцию 24. 08. 2008 г.

V. СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

УДК 519.7

© Федоров А.В.
Fyodorov A.V.

МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

MEDIACOMPETENCE OF MODERN YOUTH: PROBLEMS AND TENDENCIES

Аннотация. *Констатируется, что в официальных отчетах и интервью многих отечественных министерских чиновников часто приводятся впечатляющие результаты побед российских школьников и студентов на разного рода престижных международных научных олимпиадах. На этом основании делается однозначный вывод: российские учащиеся впереди планеты всей. Вывод, бесспорно, приятный, но, увы, по отношению к уровню массового образования в России ложный.*

Исследование, положенное в основу настоящей статьи, выполнено при поддержке аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2006-2008 гг.) Министерства образования и науки Российской Федерации. Проект РНП.213.491 – «Развитие критического мышления и медиакомпетентности студентов педагогического вуза в рамках специализации «Медиаобразование» (гос. регистр. № 03.1330). Научный руководитель проекта – доктор педагогических наук, профессор, президент Ассоциации кинообразования и медиапедагогики России А.В. Федоров.

Annonfnion. *It is stated that official reports and interviews of many domestic ministerial officials bring impressing victory results of Russian pupils and students in different sorts of prestigious international scientific Olympiads. This is the basis for unambiguous output: Russian pupils are ahead of the whole planet. The output, undoubtedly, pleasant but, alas, it is false concerning a level of mass education in Russia.*

The research, which is the basis of the present paper, is fulfilled at support of the analytical departmental target program "Development of scientific potential of the higher school" (2006-2008) of the Department of Education and Science of the Russian Federation. The project RNP213491 – "Development of critical thinking and mediacompetence of pedagogical high school students within the specialization "Mediaeducation" (st. regist. №03.1330). The supervisor of studies of the project – the doctor of pedagogical sciences, the professor, the president of the Association of Cineeducation and Mediapedagogic of Russia A.V. Fyodorov.

Ключевые слова. *Медиакомпетентность, современная молодежь, проблема, тенденция, развитие, способность, разработка, классификация, критическое мышление.*

Key words. *Mediacompetence, modern youth, problem, tendency, development, ability, development, classification, critical thinking.*

В официальных отчетах и интервью многих отечественных министерских чиновников часто приводятся впечатляющие результаты побед российских школьников и студентов на разного рода престижных международных научных олимпиадах. На этом основании делается однозначный вывод: российские учащиеся впереди планеты всей. Вывод, бесспорно, приятный, но, увы, по отношению к уровню массового образования в России ложный.

Стабильные успехи (пусть даже самые грандиозные) двух-трех десятков юных интеллектуалов никоим образом не отражаются на поступательном падении уровня знаний и умений миллионов обычных школьников и

Федоров Александр Викторович – доктор педагогических наук, профессор, президент Ассоциации кинообразования и медиапедагогики России, эксперт МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», главный редактор журнала «Медиаобразование», тел. +7(495)543-36-76.

Fyodorov Alexander Victorovich – the doctor of pedagogical sciences, the professor, the president of the Association of Cineeducation and Mediapedagogic of Russia, the expert of MOO VPP UNESCO "Information for all", the editor-in-chief of magazine "Mediaeducation", tel.+7(495)543-36-76.

студентов нашей страны. К примеру, исследование авторитетной международной организации «PISA, проведенное в 2000 г., показало, что 15-летние учащиеся России читают ниже среднеевропейского уровня, а результаты 2003 г. показали дальнейшее ухудшение. В 2000 г. Россия из 32 промышленно развитых стран занимала 27–29 место, а в 2003 г. из 40 стран, принимавших участие в исследовании, – 32–34 места» [38].

При этом, согласно результатам исследований, российские «учащиеся не показали умений работать с объемной, правдоподобной и противоречивой информацией, изложенной как в текстах сложной структуры, так и заданной вне основного текста, критически оценивать информацию, работать с понятиями, которые противоположны их ожиданиям, ... продемонстрировали неумение вычерпывать информацию из текстов разных типов, не смогли выделить информацию из вопроса, привлечь информацию, находящуюся за пределами задания, использовать свой личный опыт, сведения из смежных областей. Им трудно было вспомнить, домыслить и даже угадать информацию. ... Задания, требующие перехода от понимания общего содержания к деталям и наоборот, вызывали затруднения. ... Трудность представляли задания, требующие реконструкции замысла автора (цели текста) и его точки зрения. В тексте-рассуждении, аргументации, убеждении учащиеся не смогли увидеть разницу между фактами и мнениями» [38].

Грустная ситуация, сложившаяся в сфере традиционного чтения (и понимания текстов), в последние десятилетия сопровождается комплексом проблем и процессов, которые возникают в связи с радикальной сменой медийных приоритетов подрастающего поколения. Казалось бы, еще недавно школьники читали в основном бумажные тексты (книги, прессу). Но сегодня они все больше тяготеют к медиатекстам в электронном формате (телевизионном, компьютерном, интернетном и пр.). Произошла смена модели традиционного чтения.

Опираясь на данные многочисленных социологических исследований, В.П.Чудинова убедительно продемонстрировала следующие тенденции, характерные для чтения современных школьников и молодежи [51]:

• постепенное снижение интереса к печатному слову, падение престижа чтения и, как следствие, сокращение доли чтения в структуре свободного времени;

• преобладание прагматичного, информационного, «делового» чтения (то есть по учебной программе, 48% учащихся читают литературу только в учебных целях) над «свободным»;

• изменение «свободного» (досугового) чтения в сторону предпочтения литературы развлекательного характера;

• уход из круга чтения повестей и романов «для души», произведений лучших отечественных и зарубежных авторов, предпочтение периодики (в основном опять-таки развлекательной, рекреативной, настраивающей на легкое, поверхностное чтение);

• усиление воздействия низшего слоя массовой культуры, особенно аудиовизуальной, на досуговое чтение;

И это неудивительно – напичканные медийной техникой квартиры современных городов (и особенно мегаполисов) дают учащимся широкий выбор, который, как правило, решается в сторону наименее «затратных» способов чтения медиатекстов, например, необременительного просмотра развлекательных телепередач. Вот почему на вопрос: «Что ты делал вчера?» российские подростки назвали просмотр ТВ (68%) и видеофильмов (20%), компьютерные игры (33%), слушание музыки (27%). И только 17% отметили чтение книг и периодики. [51].

Проведенный нами опрос студенческой аудитории показал аналогичные результаты.

Такого рода тенденция в ближайшее время (с расширением доступа к системе интернет) будет только усиливаться. Уже сегодня многие люди предпочитают читать свежие газеты на мониторе, а не в традиционном бумажном виде. Есть и любители «скачивать» на свой домашний компьютер толстые тома художественной литературы из виртуальной библиотеки Мошкова взамен покупки их в книжном магазине... Аналогичные процессы проходят, причем еще более активно, во многих зарубежных странах.

Нравится это кому-то или нет, но всем нам приходится привыкать к новой ситуации, когда общение с печатными текстами сменяется широким спектром контактов с медиатекстами, преимущественно аудиовизуальными, экранными.

Однако изменение типа медийных контактов не снимает с повестки дня проблему развития критического мышления и компетентности учащихся по отношению к медиатекстам различных видов и жанров.

В связи с этим хочется отметить широкий разброс терминологии в научных исследованиях на эту тему. Как в России, так и за рубежом используются (часто как синонимы) такие наиболее распространенные термины, как «медиакультура», «медийная культура», «информационная культура», «аудиовизуальная культура», «медиаграмотность», «информационная грамотность», «аудиовизуальная грамотность», «медиаобразованность», «информационная образованность», «аудиовизуальная образованность», «компьютерная грамотность», «мультимедийная

грамотность», «информационная компетентность», «информационная компетенция», «медиакомпетентность», «медийная компетентность», «аудиовизуальная компетентность», «аудиовизуальная компетенция», «медиакомпетенция», «медийная компетенция» и др.

Такого рода терминологический разнобой выявили, к примеру, исследования Н.И.Гендиной, которая провела анализ различных определений, связанных с понятием информационной культуры и обнаружила, что в современном мире «используется неунифицированная терминология, зачастую без четкого определения (...), взамен таких близких по смыслу понятий, характеризующих знания и умения человека по работе с информацией, как «библиотечно-библиографическая культура», «культура чтения», «библиотечно-библиографические знания», «библиотечно-библиографическая грамотность», все чаще используются понятия «компьютерная грамотность», «информационная грамотность», «информационная культура» [24].

Аналогичный анализ плюс специальный опрос экспертов был проведен нами [8, 43] по отношению к терминологии медиаграмотности и медиаобразования. В результате мы пришли к похожему выводу: довольно большая группа экспертов посчитала (и, на наш взгляд, абсолютно обосновано), что медиаграмотность (media literacy) есть результат медиаобразования (media education). Но есть и определенные разночтения, смешение терминов «медиаобразование» (media education), «медиаграмотность» (media literacy) и «изучение медиа» (media studies).

Зарубежные педагоги давно уже узаконили термин медиакомпетентность (нем. – Medienkompetenz, англ. – media competence и т.д. см., например работы [1, 2, 14]). Например, в Германии под медиакомпетентностью понимается способность к «квалифицированному, самостоятельному, творческому и социально-ответственному действию по отношению к медиа» [20]. При всей привлекательности этого лаконичного определения в нем, как нам кажется, не хватает конкретики. И если понимать медиакомпетентность как синоним медиаграмотности, то определение Р.Кьюби выглядит предпочтительнее: медиакомпетентность/медиаграмотность (media competence/media literacy) – «способность использовать, анализировать, оценивать и передавать сообщения (messages) в различных формах» [12].

В ряде научных работах последних лет стал употребляться еще один термин - «медиаобразованность», который, по сути, перекликается с понятиями «медиаграмотности» и «медиакомпетентности». В частности, медиаобразованность педагогов Н.В.Змановская трактует «как совокупность систематизированных медиазнаний, умений, ценностного отношения к медиаобразованию в целом, а также определяемый ими уровень мастерства по реализации медиаобразования школьников в педагогическом процессе» [28].

В некоторых работах прошлых лет [42–44] мы также использовали термин «медиаграмотность» и «медиаобразованность», «медиакультура личности», однако терминологический анализ, приведенный выше, привел нас к выводу: термин медиакомпетентность более точно определяет суть имеющихся у индивида умений использовать, критически анализировать, оценивать и передавать медиатексты в различных видах, формах и жанрах, анализировать сложные процессы функционирования медиа в социуме.

Классификация показателей медиакомпетентности личности (медиаграмотности личности, развития личности в области медиакультуры) личности составлена нами (см. таблицу) с учетом подходов Р.Кьюби, Дж.Поттера и В.Вебера а также с опорой на шесть основных понятий медиаобразования, выделенных в качестве базовых ведущими британскими медиапедагогами [3, 4, 10]: «агентства медиа» (изучение работы, функций и целей создателей медиатекстов), «категории медиа» (изучение типологии – видов и жанров медиа/медиатекстов), «технологии медиа» (изучение способов/технологий создания медиатекстов), «языки медиа» (изучение медийных языков, то есть вербального, аудиовизуального, монтажного ряда медиатекстов), «репрезентации медиа» (изучение способов представления, переосмысления действительности в медиатекстах, авторских концепций и т.д.), «аудитории медиа» (изучение типологии аудитории, типологии медиавосприятия).

При этом у каждого из семи показателей медиакомпетентности мы выделили высокий, средний и низкий уровни развития. Бесспорно, такого рода типология достаточно условна, однако она дает представление о дифференцированном подходе к развитию медиакомпетентности, когда при наличии высоких уровней контактного или креативного показателей возможен средний или даже низкий уровень информационного и оценочного показателей. Если же говорить об уровнях перцептивного показателя, то у многих людей при наличии ярко выраженного одного показателя (скажем, «первичной идентификации») остальные могут проявляться в неразвитом, «свернутом» состоянии. Несомненно одно: без развитого медиавосприятия и способности к анализу и оценке медиатекста невозможно говорить

о высоком уровне медиакомпетентности человека. Ни знания фактов истории медиакультуры, ни частота общения с медиа, ни практические умения создавать медиатексты не могут сами по себе сделать индивида медиакомпетентным.

Полагаем, что данная классификация выглядит более обоснованной и структурированной, чем список предложенных одним из ведущих американских медиапедагогов/исследователей А.Силвэрблэтом [19] так называемых «элементов медиаграмотности»:

• способность критического мышления, которая дает возможность аудитории развить независимые суждения о содержании медиа (в нашей классификации входит в интерпретационный/оценочный показатель медиакомпетентности личности);

• понимание процесса массовой коммуникации (в нашей классификации входит в информационный показатель медиакомпетентности);

• понимание воздействия медиа на личность и общество (в нашей классификации входит в информационный показатель медиакомпетентности);

• развитие умений анализировать и обсуждать медиатексты (в нашей классификации входит в интерпретационный/оценочный показатель медиакомпетентности);

• рассмотрение содержания медиа как «текста», который обеспечивает понимание нашей современной культуры и нас самих (в нашей классификации входит в информационный показатель медиакомпетентности);

• развитие способностей получать удовольствие, понимать, и оценивать медийное содержание (в нашей классификации входит в перцептивный и интерпретационный/оценочный показатели медиакомпетентности) ;

• способность производить эффективные и ответственные медиатексты (в нашей классификации входит в практико-операционный/деятельностный и креативный показатели медиакомпетентности).

При разработке нашей классификации развития медиакомпетентности/медиаграмотности личности мы также учитывали характеристики высокого и низкого уровня, разработанные Дж.Поттером [13]:

Характеристика высокого уровня развития ме-

Классификация показателей медиакомпетентности личности

№ п/п	Показатели медиакомпетентности:	Расшифровка содержания показателей медиакомпетентности личности	Соответствие данного показателя основным понятиям медиаобразования
1	мотивационный	мотивы контакта с медиа и медиатекстами: жанровые, тематические, эмоциональные, гносеологические, гедонистические, психологические, моральные, интеллектуальные, эстетические, терапевтические и др.	да
2	контактный	частота общения/контакта с медиа и произведениями медиакультуры (медиатекстами)	да
3	информационный	знания терминологии, теории и истории медиакультуры, процесса массовой коммуникации	да
4	перцептивный	способности к восприятию медиатекстов	да
5	интерпретационный/ оценочный	умения критически анализировать процесс функционирования медиа в социуме и медиатексты разных видов и жанров на основе определенных уровней развития медиавосприятия и критического мышления	да
6	практико-операционный (деятельностный)	умения выбирать те или иные медиа и медиатексты, создавать/распространять собственные медиатексты, умения самообразования в медийной сфере	да
7	креативный	наличие творческого начала в различных аспектах деятельности (перцептивной, игровой, художественной, исследовательской и др.), связанной с медиа	да

диакомпетентности:

• выделение главного смысла медиатекста;

• анализ: выявление основных элементов медиатекста;

• сравнение: определение похожих и уникальных фрагментов медиатекста;

• оценка ценности медиатекста или его фрагмента; суждение на основе сравнения согласно определенному критерию;

• реферирование: способность создавать краткое, ясное и точное описание медиатекста;

• обобщение;

• дедукция: использование общих принципов, чтобы объяснить отдельные сведения;

• индукция: выведение общих принципов из наблюдения отдельных сведений;

• синтез: способность повторно собирать элементы в новую структуру» [13].

Характеристика низкого уровня развития медиакомпетентности:

• «слабый интеллект (в отношении решения проблем и творческих способностей), предпочтение того, чтобы «все шло своим чередом»; слабая память, способная иногда запомнить только очень важные вещи (например, ночью перед экзаменом);

• тематическая зависимость, отсутствие проницательности, то есть непонимание того, что является важным в сообщениях; нужда в советчике, помощнике, справочнике, руководстве изучения;

• низкая терпимость к многозначности медиатекстов, неуверенность;

• слабое концептуальное дифференцирование при наличии немногих категорий для сообщений; отрицательное отношение к новым сообщениям, которые не соответствуют привычным категориям, или упрощение данного медиатекста – переброс его в самую легкую категорию.

• высокая импульсивность быстро принимаемых решений с принесением в жертву точности» [13].

Учитывалось также и определение «критической автономии» личности по отношению к медиатекстам в трактовке А.Силверблэта (A.Silverblatt) и Е.М. Энрайт Элисейри (E.M.Enright Eliceiri): «Как первичная цель медиаграмотности, критическая автономия - это умения, которые дают возможность школьникам/студентам быть осознанно независимыми от однообразных предпочтений медиатекстов. Педагоги поощряют учащихся задавать вопросы о медиа, применяя подходы, которые помогают систематически идентифицировать сообщения и их цели» [18].

Итак, мы приходим к выводу, что *медиакомпетентность личности – это совокупность ее мотивов, знаний, умений, способностей (показатели: мотивационный, контактный, информационный, перцептивный, интерпретационный/оценочный, практико-операционный/деятельностный, креативный), способствующих выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиатекстов в различных видах, формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме.*

Таким образом, для личности, обладающей высоким уровнем медиакомпетентности (напоминаем, некоторые ученые вместо термина «медиакомпетентность» используют слова «уровень медиакультуры», «медиаграмотность» или «медиаобразованность», что, на наш взгляд, лишний раз свидетельствует о терминологическом плюрализме, свойственном медиаобразовательному процессу), присущи следующие характеристики

1) *мотивационного показателя*: широкий комплекс жанровых, тематических, эмоциональных, гносеологических, гедонистических, интеллектуальных, психологических, творческих, этических, эстетических мотивов с медиа и медиатекстами, включающих:

• выбор разнообразного жанрового и тематического спектра медиатекстов при обязательном включении неразвлекательных жанров;

• стремление получить новую информацию;

• стремление к рекреации, компенсации развлечению (в умеренных дозах);

• стремление к идентификации, сопереживанию;

• стремление к подтверждению собственной компетентности в различных сферах жизни и медиакультуры;

• стремление к поиску материалов для учебных, научных, исследовательских целей;

• стремление к художественным впечатлениям;

• стремление к философскому/интеллектуальному, этическому, эстетическому спору/диалогу с создателями медиатекста, к критике их позиции;

• стремление научиться создавать медиатексты самому, изучая конкретные примеры творчества профессионалов;

2) *контактного показателя*: частые контакты с различными видами медиа и медиатекстов;

3) *информационного показателя*: знания большинства базовых терминов, теорий, основных фактов истории развития медиакультуры, творчества деятелей медиакультуры, ясное понимание процесса массовой коммуникации и медийных воздействий в контексте ре-

ального мира;

4) *перцептивного показателя*: отождествление с автором медиатекста при сохранении основных компонентов «первичной» и «вторичной» идентификации (кроме наивного отождествления действительности с содержанием медиатекста): то есть способность соотнесения с авторской позицией, которая позволяет предугадать ход событий медиатекста «на основе эмоционально-смыслового соотнесения элементов сюжета, восприятия авторской мысли в динамике звукозрительного образа, синтеза мыслей и чувств зрителя в образных обобщениях» [41];

5) *интерпретационного/оценочного показателя*: умения критически анализировать процесс функционирования медиа в социуме с учетом разнообразных факторов на основе высокоразвитого критического мышления. Анализ медиатекстов на основе способности к медиавосприятию, близкому к «комплексной идентификации», способность к анализу и синтезу пространственно-временной формы медиатекста, понимание, интерпретация (трактовка), предполагающая сравнение, абстрагирование, индукцию, дедукцию, синтез, критическую оценку авторской концепции в контексте структуры произведения, историческом и культурном контекстах (при этом выражается аргументированное согласие или несогласие с авторской позицией создателей медиатекста, критическая оценка моральной, эмоциональной, эстетической, социальной значимости медиатекста, умение соотнести эмоциональное восприятие с понятийным суждением, перенести это суждение на другие жанры/виды медиакультуры, связать медиатекст со своим опытом и опытом других людей и т.п.). В целом обнаруживается критическая автономия личности, ее критический анализ медиатекста основан на высоких уровнях «информационного», «мотивационного» и «перцептивного» показателей.

6) *практико-операционного показателя*: практические умения самостоятельного выбора, создания/распространения медиатекстов (в том числе – созданных лично или в составе группы людей) различных видов и жанров, умения активного самообразования в медийной сфере;

7) *креативного показателя развития медиаграмотности аудитории*: ярко выраженный уровень творческого начала в различных видах деятельности (перцептивной, игровой, художественной, исследовательской и др.), связанной с медиа.

Литература

1. Baake D. e.a. (Eds.). Hanbuch Mediaen: Medienkompetenz. Modelle und Projecte. – Bonn: Budeszentrale fur Politishe Bilding, 1999. – 308 p.

2. Blumeke S.. Mediaenpadagogiche Kompetenz. – Munchen: KoPad-Verlag, 2000. – 400 S.

3. Bowker J. (Ed.). Secondary Media Education. A Curriculum Statement. – L.: British Film Institute, 1991.

4. Buckingham D., Sefton-Green J. Multimedia Education: Media Literacy in the Age of Digital Culture // Media Literacy in the Information Age. – New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1997. – P.290.

5. Buckingham D. Teaching about Media // The Media Studies Book. – L.; N.Y.: Routledge, 1991. – P.12–35.

6. Buckingham D. The Making of Citizens. London – New York: Routledge, 2000. – 235 p.

7. Buckingham D. Media Education: Literacy, Learning and Contemporary Culture.– Cambridge, UK: Polity Press, 2003. –219 p.

8. Fedorov A. Media Education and Media Literacy: Experts' Opinions // MENTOR. A Media Education Curriculum for Teachers in the Mediterranean. – P.: UNESCO, 2003.

9. Gripsrud J. Understanding Media Culture. – L.; N.Y.: Arnold & Oxford University Press Inc., 1999. –330 p.

10. Hart A. Textual Pleasures and Moral Dilemmas: Teaching Media Literacy in England // Media Literacy in the Information Age. – New

11. Brunswick and London: Transaction Publishers, 1997.– P.202.

12. Kubey R. Media Education: Portraits of an Evolving Field // Media Literacy in the Information Age. – New Brunswick & London: Transaction Publishers, 1997. – P.2.

13. Potter W.J. Media Literacy. – Thousand Oaks; London: Sage Publication, 2001. – 423 p.

14. Pottinger I. Lernziel Mediaenkompetenz. – München: KoPad-Verlag, 1997. – 272 S.

15. Rushkoff D. Media Virus! – N.Y.: Ballantine Books, 1994. Цит. по: Рашкофф Д. Медиа вирус!– М.: Ультра культура, 2003. – 368 с.

16. Semali L.M. Literacy in Multimedia America. – N.Y.; L.: Falmer Press, 2000. – 243 p.

17. Semali L.M., Pailliotet A.W. Introduction // Intermediality. The Teachers' Handbook of Critical Media Literacy. – Boulder (Col.): Westview Press, 1999.– P.1–29.

18. Silverblatt A, Enright Eliceiri E.M. Dictionary of Media Literacy. – Westport (Connecticut); London: Greenwood Press, 1997. –234 p.

19. Silverblatt A. Media Literacy. – Westport (Connecticut); London: Praeger, 2001.– 449 p.

20. Tulodziecki G. Medien in Erziehung und Bildung. Grundlagen und Beispiele einer handlungs- und entwicklungsorientierten Medienpädagogik. – Bad Heilbrunn, 1997. – S.120.

21. Worsnop C.M. Media Literacy Through Critical Thinking. – Washington State Office of Superintendent of Public Instruction and NW Center for Excellence in Media Literacy, 2004. – 60 p.

22. Бондаренко Е.А. Система аудиовизуального образования в 5-9 классах общеобразовательной школы. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1997. – 34 с.

23. Вебер В. Портфолио медиаграмотности // Информатика и образование. – М., 2002. – № 1 / http://www.infojournal.ru/journal_arxiv/2002/.

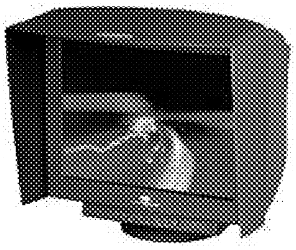
24. Гендина Н. И. Информационная грамотность или информационная культура: альтернатива или единство (результаты российских исследований) // Школьная библиотека. 2005. – № 3. – С.18–24.
25. Голубева Е.И. Основные направления работы школьной библиотеки по формированию информационной культуры школьников // Школьная библиотека. 2005. – № 6. – С.45–50.
26. Гура В. В. Медиакомпетентность как цель педагогического проектирования электронных образовательных ресурсов // Медиаобразование. 2005. – № 1.– С.77–80.
27. Дахин А.Н. (2004). Компетенция и компетентность: сколько их у российского школьника/ http://center.fio.ru/vio/vio_17/cd_site/Articles/art_1_6.htm.
28. Змановская Н. В. Формирование медиа-коммуникативной образованности будущих учителей. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2004. – 24 с.
29. Зоркая Н.М. Уникальное и тиражированное: средства массовой информации и репродуцированное искусство. – М.: Искусство, 1981. – 167 с.
30. Иванова С.М. Воспитание полноценного восприятия киноискусства младшими подростками: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1978. – 24 с.
31. Инякин Ю.С., Горский В.А. От информационной культуры к культуре личности // Дополнительное образование. 2000. – № 10.– С.6–10.
32. Коновалова Н. А. Развитие медиакультуры студентов педагогического вуза. Дис. ... канд. пед. наук. – Вологда, 2004. – С.9.
33. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. - М.: КомКнига, 2006. - 352 с.
34. Крейденко С.С. Телегонический эффект книги // Школьная библиотека. – М., 2005. – № 4. – С.34–37.
35. Леготина Н. А. Педагогические условия подготовки студентов университета к реализации медиаобразования в общеобразовательных учреждениях. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Курган. 2004. – 24 с.
36. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1989. – 924 с.
37. Поличко Г. А. Межпредметные связи литературного курса и факультатива по основам киноискусства как средство эстетического развития старшеклассников: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1987. –19 с.
38. Сметанникова Н. Н. Чтение в школе и обществе: взаимосвязи и партнерские отношения // Школьная библиотека. – М., 2005. – № 4. - С.20–24.
39. Сов. энциклопедический словарь / Ред. А.М.Прохоров. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. – 1600 с.
40. Тришина С.В. Информационная компетентность как педагогическая категория // Интернет-журнал «Эйдос». 2005. 10 сент. http://www.eidos.ru/journal/2005/0910–11.htm.
Усов Ю.Н. Кинообразование как средство эстетического воспитания и художественного развития школьников: Автореф. дис. ... д-ра. пед. наук.– М., 1989. – 32 с.
41. Усов Ю.Н. Кинообразование как средство эстетического воспитания и художественного развития школьников: Дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1989. –362 с.
42. Федоров А.В. и др. Медиаобразование. Медиапедагогика. Медиажурналистика. CD.– М.: Изд-во Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», 2005.
43. Федоров А.В. Медиаобразование и медиаграмотность в обществах знаний // ЮНЕСКО между этапами Всемирного саммита по информационному обществу. – М.: Изд-во Ин-та развития информационного общества, 2005. – С.329–339.
44. Федоров А.В. Медиаобразование: история, теория и методика. – Ростов: Изд-во ЦВВР, 2002. – 708 с.
45. Федоров А.В. Медиаобразование: творческие задания для студентов и школьников // Инновации в образовании. 2006. - N 4. - С.175-228.
46. Федоров А.В. Специфика медиаобразования студентов педагогических вузов // Педагогика. – М., 2004. - № 4. - С.43-51.
47. Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Искусство кино. – М., 1990. – № 12. – С.18–31.
48. Хилько Н.Ф. Роль аудиовизуальной культуры в творческом самоосуществлении личности. – Омск: Изд-во Сибирского филиала Российского ин-та культурологии, 2001.– 446 с.
49. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 416 с.
50. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Ученик в обновляющейся школе. – М.: Изд-во ИОСО РАО, 2002. – С.135-157.
51. Чудинова В.П., Голубева Е.И., Михайлова А.И. и др. Дети и библиотеки в меняющемся мире. – М.: Школьная библиотека, 2004. – 336 с.

Материал поступил в редакцию 24. 08. 2008 г.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЗАО «ПСТМ»

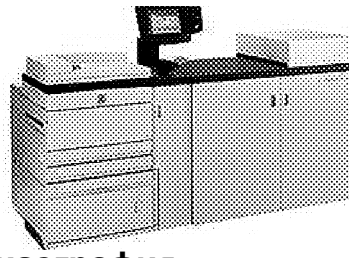
141090. Московская область , г. Юбилейный , ул. Пионерская 1/4, ЗАО «ПСТМ»

Дизайн
Верстка

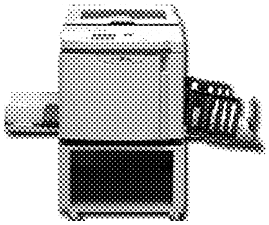


Печать

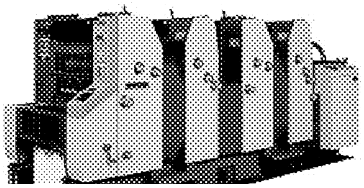
цифровая



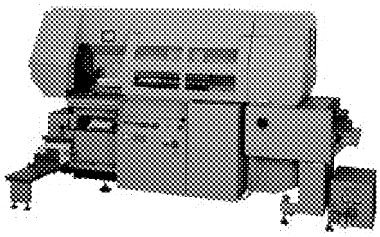
ризография



офсетная



Послепечатная обработка



УСЛУГИ

Издание книг и журналов
Рекламная полиграфия

Издательский центр приглашает к сотрудничеству в журналах:

«Информационные войны» – журнал Российской академии наук и академии Военных наук (Теория войн, философия, психология, социология, политика, экономика, история, прикладная математика).

«Стратегическая стабильность» – журнал Российской инженерной академии и академии Военных наук (Строительство стратегических ядерных сил, Вооруженных Сил России. Стратегическая стабильность. Сокращение вооружений. Конверсия).

«Двоойные технологии» – журнал Международной и Российской инженерных академий (Научно-технические, аналитические и информационные материалы в области военных технологий, имеющих гражданское применение).

Периодичность выпуска журналов – один раз в квартал.
Мы предоставляем страницы наших журналов для размещения научных статей и рекламных публикаций.

Вы можете подписаться на наши журналы в любом почтовом отделении связи по объединенному каталогу «Пресса России. Российские и зарубежные газеты и журналы».

Подписные индексы журналов:

«Двоойные технологии»
41517 – годовая подписка

«Стратегическая стабильность»
40963 – годовая одписка

«Информационные войны»
41689- – годовая подписка

Полная подготовка к печати: редактирование, корректирование, верстка. Иллюстрации.
Разработка фирменного стиля.
Разнообразный рекламный дизайн.
Изготовление оригинал - макета по образцу Заказчика или создание макета с нуля.

Заранее благодарим за сотрудничество !

e- mail: bva_@list.ru
e- mail: pva@sipria.msk.ru

Вы можете связаться с нами по телефонам:
(095)543-36-76, 543-36-77, факсу: 543-36-77

Правила представления авторами статей для опубликования в журнале

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия журнала «Информационные войны» уведомляет, что в соответствии с решением ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации "О порядке формирования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук" с 1. 01. 2009 г. при представлении статей для опубликования в журнале необходимо соблюдать следующие правила.

Статья не должна быть опубликована в представляемом в редакцию виде в других изданиях.

Материалы статьи представляются в электронной и бумажной версиях, последняя должна быть подписана автором(ами) с указанием даты. Статья должна быть сопровождена экспертным заключением о возможности публикации ее в открытой печати.

Материал статьи должен быть изложен в следующей последовательности: 1) номер УДК; 2) инициалы и фамилия(и) автора(ов); 3) название статьи; 4) аннотация (объемом до 0,3 стр. машинописного текста); 5) ключевые слова (до 10 слов); 6) полные сведения об авторе(ах)(фамилия, имя, отчество полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место (название организации) работы, контактный тел.); 7) основной текст с иллюстрациями; 8) краткие выводы; 9) литература. Сведения по пп. 2 – 6 должны быть изложены на русском и английском языках.

Текст статьи должен быть набран в формате MS Word шрифтом Times New Roman 10 размера без принудительных переносов слов с полуторным интервалом между строками, со ссылками на иллюстрации и библиографии. Его объем вместе с иллюстрациями и библиографиями не должен превышать 0,87 печ. л. (7 стр. формата А4).

Формулы, содержащие в себе одновременно верхний и нижний индексы, надстрочный или подстрочный символы, а также системы уравнений, матрицы, дроби, пределы, суммы, интегралы и т.д . должны быть набраны в редакторе формул Math Type без смешивания стилей. Размеры символов: обычный – 10 пт; крупный индекс – 60% , мелкий индекс – 50%, крупный символ –150%, мелкий символ – 100% от обычного. Остальные формулы и переменные могут набираться в тексте шрифтом Times New Roman или в режиме вставки символов с использованием шрифта Symbol. Для математических обозначений в формулах должны употребляться наиболее простые символы и индексы (желательно числовые или латинские).

Графики, схемы должны быть выполнены в векторном редакторе.

При подготовке иллюстраций: фотографий и рисунков желательно использовать формат JPEG: разрешение для цветных – не менее 300 dpi; для черно-белых – 400 dpi.

Литература должна быть оформлена следующим образом.

• *Журналы:* Кузнецов В.З., Сабельников В.А. Особенности горения перемешанных газов в сильнотурбулентном потоке // Физика горения и взрыва. – 1977. – Т. 13, № 4. – С. 499-505.

• *Книги*: Льюис Б, Эльбе Г. Горение, пламя и взрывы в газах. – М.: ИЛ, 1948. – 234 с.

Физика взрыва / Под ред. КП. Станюковича. - М.: Наука, 1975. – 442 с.

•. *Статьи в сборниках и трудах:* Ханефт АВ., Кригер В.Г. Механизм низкопорогового инициирования азида свинца лазерным импульсом // Кинетика химических реакций: Материалы IX Всесоюзн. сим. по горению и взрыву. / Под ред. Г.В. Степанова.– Черноголовка: ОИХФ АН СССР, 1989. – С. 90–92.

• *Диссертации:* Федотов СП. Флуктуации и автоколебания в химически реагирующих системах: Дис.... д-ра физ.-мат. наук – Екатеринбург, 1983. – 207 с.

• *Авторские свидетельства:* Ас, 615098 СССР, МКИ. Способ получения полифенилхиноксанов / Коршак В.В., Берлин А.А. – опубл.19.02.74, Бюлл. № 33.

6. *Препринты:* Козаков АС. Исследование структуры ударных волн. – Новосибирск, 1965. – (Препр. / РАН. ИТПМ; № 10.

Материалы представляются в редакцию по почте (141092, г. Юбилейный, мкр. 3, а/я 4) или курьером (Московская обл., г. Юбилейный, ул. Пионерская 1/4,3 этаж, ком.14). Электронная версия предварительно может быть выслана по электронной почте (bva_ps@list.ru или pva@sipria.msk.ru), тел.: 543–36–76.

При положительных результатах рецензирования статьи научно-редакционным советом, редакция журнала заключает с автором лицензионный договор о передаче авторских прав на публикацию, направляет ему рецензию и статья публикуется в журнале. В противном случае автору направляется мотивированный отказ.

Отпечатано в издательско-полиграфическом центре ЗАО ПСТМ
Подписано в печать 25.01.09. Формат 60x90/8. Усл. печ. л. 7,2. Тираж 2000 экз. Заказ 3/09
Адрес редакции: 141092, Московская область, г. Юбилейный, а/я 4. Тел./факс: (095) 543-36-76 Тел. 543-36-76, 543-36-77,
E-mail: pva@sipria.msk.ru, Site: www.sipria.ru